

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

8

Выпуск (863)

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2022

1930

ISSN 2542-2197

MSLU

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITIES

8

Issue (863)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2022

1930

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 8 (863)

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
Г. Г. БОНДАРЧУК

доктор филологических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Беляков Д. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Бондарев А. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Бубнова Г. И.	доктор филологических наук, профессор (МГУ имени М. В. Ломоносова)
Воробьев В. В.	доктор филологических наук, профессор (РУДН)
Ганин В. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Глушак В. М.	доктор филологических наук, профессор (МГИМО(У) МИД РФ)
Голубина К. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Голубкова Е. Е.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Гусейнова И. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Евтушенко О. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Егорова О. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Захари Михайлов Захариев	доктор исторических наук, профессор (Болгария)
Захарова Н. В.	кандидат филологических наук (Институт мировой литературы имени А. М. Горького (ИМЛИ) РАН)
Зусман В. Г.	доктор филологических наук, профессор (НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде)
Ирисханова О. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Косиченко Е. Ф.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Космарская И. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Краева И. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Кузнецов В. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Малыгина И. В.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)
Осьминина Е. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Порохницкая Л. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Потапова Р. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Семина И. А.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Силантьев Р. А.	доктор исторических наук (МГЛУ)
Сомова Е. В.	доктор филологических наук, доцент (МПГУ)
Сорокина Т. С.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Толкачев С. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Травников С. Н.	доктор филологических наук, профессор (Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина)
Трыков В. П.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Харитончик Э. А.	доктор филологических наук, профессор (Минский государственный лингвистический университет, Беларусь)
Хитина М. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Ченки А. Д.	доктор филологических наук, профессор (Vrije Universiteit, Нидерланды; МГЛУ)
Черноземова Е. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Янулевичене В.	доктор филологических наук, профессор (Университет им. Миколаса Ромериса, Вильнюс, Литва)

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 8(863)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-chief

G. G. BONDARCHUK

Doctor of Philology, Professor

EDITORIAL BOARD

Belyakov D. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Bondarev A. P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Bubnova G. I.	Doctor of Philology, Professor (MSU)
Vorobiov V. V.	Doctor of Philology, Professor (RUDN)
Ganin V. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Glushak V. M.	Doctor of Philology, Professor (MGIMO)
Golubina K. V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Golubkova E. E.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Guseinova I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Yevtushenko O. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Egorova O. G.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Zahari Zahariev	Doctor of History, Professor (Bulgaria)
Zakharova N. V.	PhD in Philology, Leading Researcher (IMLI)
Zusman V. G.	Doctor of Philology, Professor (NRU "Higher School of Economics" in Nizhny Novgorod)
Iriskhanova O. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Kosichenko E. F.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Kosmarskaya I. V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kraeva I. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kuznetsov G. V.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Malygina I. V.	Doctor of Philosophy, Professor (MSLU)
Osmirina E. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Porokhnitskaya L. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Potapova R. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Semina I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Silantiev A. N.	Doctor of History (MSLU)
Somova E. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MPSU)
Sorokina T. S.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Tolkachev S. P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Travnikov S. N.	Doctor of Philology, Professor (Pushkin State Institute of the Russian Language)
Trykov V. P.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Kharitonchik Z. A.	Doctor of Philology, Professor (MinSLU, Republic of Belarus)
Khitina M. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Cienki A. J.	Doctor of Philology, Professor (VU, Amsterdam; MSLU)
Chernozemova E. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Januliviciene V.	Doctor of Philology, Professor (M. Romeris University, Vilnius, Lithuania)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Сопоставительный анализ просодических характеристик австралийского и новозеландского национальных стандартов английского языка БОРЗЫХ А. А.	9
Прагматилистический потенциал ключевых концептов американского мультимодального дискурса БУКИНА А. В.	15
Пространственная организация драматургического текста ГРИЩЕВА В. В.	22
Тропеические средства репрезентации концепта «UNIVERSE» в англоязычном естественно-научном кинодискурсе ДАМИНОВА С. О., РЫЖКИНА Е. В.	28
Топонимы в латиноамериканском песенном реггетон-дискурсе ДОРОФЕЕВА А. Ю.	35
Подходы к исследованию фразеологизированных предложений русского языка в китайской русистике ЖЭНЬ ЦЗЯНЬСИНЬ	43
Особенности реализации аргументативно-риторического общения в журнальной публикации жанра «письмо редактору» ИВОЛГИН А. В.	50
Особенности лингвистики профессионально-ориентированных текстов в парадигме межкультурной коммуникации (на материале немецкого языка) КЛИМОВА Е. В., МОРОЗ Н. Ю.	57
Результативная акциональность в осетинских глаголах начинательного способа действия (в сопоставлении с русским языком) ЛЕВИТСКАЯ А. А.	63
Анализ типов семантической связи элементов гендиадисных единиц в английском языке МАКАРОВСКИХ А. В.	73
Лингвистические основания экспрессивной гетерономинации в Испании и Великобритании ПОПОВА Е. А., ГУСЕВА О. А.	80
Концептуальная подоплека современных политкорректных трендов: новое или хорошо забытое старое? ПОРОХНИЦКАЯ Л. В.	86
Лингвостилистические особенности речей на церемониях вручения дипломов САЛТАНОВА П. А.	91

СОДЕРЖАНИЕ

Непрямая коммуникация в дискурсивном пространстве инаугурационного обращения СЕСКУТОВА И. К., УСТЬЯНЦЕВА А. Е.	99
Особенности создания и взаимодействия юмористического и лакриматорного эффектов в киножанре англоязычной трагикомедии СОКОЛОВА В. Л.	105
Дискурсивные особенности репрезентации протестных действий в британских университетах (на материале британской прессы) ТОКАРЕВА Н. Д.	113
Школа лингвистической стилистики в России и перспективы ее развития в парадигме современного когнитивного знания ШПЕТНЫЙ К. И.	119

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Культурный трансфер в поэзии: Поль Клодель и Геннадий Айги БАННИКОВ К. В.	128
Роман Дона Делилло «Белый шум»: регрессивное отождествление нарративных функций автора и героя БОНДАРЕВ А. П., ЛЕВАШОВ Д. В.	138

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Культура мэшап: стратегии апроприации АНТОНЯН К. Г., СОКОЛОВА Н. А., ЛЕВШИНА О. Н.	144
О некоторых аспектах идентичности военнослужащих в культуре России XIX–XXI веков ЛЕОНОВ И. В., КИРИЛЛОВ И. В.	152

LINGUISTICS

Comparative Analysis of Australian English and New Zealand English National Standards' Prosodic Features BORZYKH A. A.	9
Pragmatic Potential of Key Concepts in American Multimodal Propaganda Discourse BUKINA A. V.	15
On Space Organization in Drama GRISHCHEVA V. V.	22
Tropes Representing the Concept "UNIVERSE" in English Natural Science Media Discourse DAMIHOVA S. O., RYZHKINA E. V.	28
Toponyms in the Discourse of Reggaeton DOROFEEVA A. Y.	35
Approaches to the Study of Russian Phraseological Sentences in the Field of the Russian Language in China REN JIANXIN	43
Features of Argumentative Rhetorical Communication in the Journal Publication of the Genre "Letter to the Editor" IVOLGIN A. V.	50
Features of Linguistics of Professionally-Oriented Texts in the Intercultural Communication Paradigm (based on the material of the German language) KLIMOVA E. V., MOROZ N. Y.	57
Resultative Actionality in the Ossetian Verbs of the Initiative Mode of Action (in comparison with the Russian language) LEVITSKAYA A. A.	63
Analysis of Semantic Relations Types of Hendiadys Elements in English MAKAROVSKIKH A. V.	73
Linguistic Bases of Expressive Heteronomination in Spain and Great Britain POPOVA E. A., GUSEVA O. A.	80
Conceptual Patterns of Current Politically Correct: Trends: Is Everything New Well Forgotten Old? POROKHNITSKAYA L. V.	86
Lexico-Stylistic Peculiarities of Commencement Speech SALTANOVA P. A.	91
Indirect Communication in the Discourse of the Inauguration Address SESKUTOVA I. K., USTYANTSEVA A. E.	99

CONTENTS

Specifics of Creation and Interaction of the Humorous and the Lacrimatory Effects in English Language Cinematic Tragicomedy SOKOLOVA V. L.	105
Discursive Representation of Protest Actions at British Universities in the British Press TOKAREVA N. D.	113
School of Linguistic Stylistics in Russia and Vista of Its Advance in the Paradigm of Modern Cognitive Knowledge SHPETNYI C. I.	119

LITERARY STUDIES

Paul Claudel and Gennadiy Aigi: a Cultural Transfer in Poetry BANNIKOV K. V.	128
Don Delillo's Novel «White Noise»: Regressive Identification of the Narrative Functions of the Author and the Hero BONDAREV A. P., LEVASHOV D. V.	138

CULTUROLOGY

Mashup Culture: Appropriation Strategies ANTONIAN K. G., SOKOLOVA N. A., LEVSHINA O. N.	144
On Some Aspects of the Identity of Military Personnel in the Culture of Russia of the 19 th – 21 st Centuries LEONOV I. V., KIRILLOV I. V.	152

Научная статья

УДК 81'34

DOI 10.52070/2542-2197_2022_8_863_9

Сопоставительный анализ просодических характеристик австралийского и новозеландского национальных стандартов английского языка

А. А. Борzych

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
anya_borzyh_lena@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются различия и сходства австралийского и новозеландского произносительных вариантов английского языка на супrasegmentном уровне произношения на примере спонтанной речи молодого поколения жителей Австралии и Новой Зеландии. Автор описывает проведенное на уникальном аутентичном материале экспериментально-фонетическое исследование и анализирует его результаты, позволяющие сравнить просодические характеристики изучаемых национальных стандартов.

Ключевые слова: австралийский вариант английского языка, новозеландский вариант английского языка, историко-культурные факторы, социолингвистические факторы, просодия, перцептивно-слуховой (аудиторский) анализ, электронно-акустический анализ, мелодика, диапазон, темп

Для цитирования: Борzych А. А. Сопоставительный анализ просодических характеристик австралийского и новозеландского национальных стандартов английского языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 8 (863). С. 9–14. DOI 10.52070/2542-2197_2022_8_863_9

Original article

Comparative Analysis of Australian English and New Zealand English National Standards' Prosodic Features

Anna A. Borzykh

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
anya_borzyh_lena@mail.ru*

Abstract. The article deals with the similarities and differences of Australian and New Zealand English pronunciation varieties on the suprasegmental level, based on spontaneous speech of the younger generation. The author describes the experimental phonetic research carried out on unique authentic material and analyzes its results, enabling to compare the prosodic features of the studied national standards.

Keywords: Australian English, New Zealand English, historical and cultural factors, sociolinguistic factors, prosody, auditory analysis, electro-acoustic analysis, melody, pitch range, tempo

For citation: Borzykh, A. A. (2022). Comparative Analysis of Australian English and New Zealand English National Standards' Prosodic Features. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(863), 9–14. DOI 10.52070/2542-2197_2022_8_863_9

ВВЕДЕНИЕ

Английский язык в странах-соседях – Австралии и Новой Зеландии – представляет собой национальные варианты, одновременно похожие и отличающиеся друг от друга на произносительном уровне. Тесную связь между ними можно охарактеризовать скорее как отношения между братьями, нежели как между родителем и ребенком. В данном случае «родителем» для обоих диалектов выступает британский национальный стандарт английского языка, роль старшего «брата» досталась австралийскому английскому, ввиду более раннего заселения Австралии европейцами-колонизаторами, и, соответственно, младшим «братом» оказывается новозеландский английский – в Новую Зеландию колонизаторы добрались позже, чем в Австралию. Согласно теории концентрических кругов Брэджа Качру, и Австралия, и Новая Зеландия, будучи бывшими колониями Британской империи, входят во «внутренний круг» стран, где английский язык является официальным [Kachru, Smith, 2008].

Фокус данной статьи направлен в большей степени на освещение результатов практического эксперимента, проведенного на уникальном аутентичном материале, представляющем оба диалекта.

АВСТРАЛИЙСКИЙ И НОВОЗЕЛАНДСКИЙ АНГЛИЙСКИЙ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ

На формирование диалектов повлияло прежде всего географическое положение стран: и Австралия, и Новая Зеландия – островные государства, изолированные от остального мира, но при этом находящиеся на относительно близком расстоянии в 1600 км друг от друга. Географический фактор отразился на истории обеих стран: они были заселены европейскими колонизаторами, которые вытеснили местные общины коренных народов – австралийских аборигенов в Австралии и народ маори в Новой Зеландии. Австралию заселили и провозгласили британской колонией первой, в 1788 году. Затем колонизаторы добрались до более отдаленной и изолированной Новой Зеландии, провозгласив ее еще одной колонией Британской империи в 1840 году [Burchfield, 1994].

Язык коренного населения стран оказал значительное влияние на произношение переселенцев-колонистов. Внутри общин формировались различные социолекты, как например разговорный австралийский (Broad Australian), общеавстралийский (General

Australian) и рафинированный австралийский (Cultivated Australian) в составе австралийского диалекта [Harrington, Cox, Evans, 1997].

Исторически движущей силой новых произносительных тенденций был низший социальный класс; со временем ей стало молодое поколение, которое всегда больше поддерживает различные нововведения. Именно поэтому для эксперимента была выбрана речь молодежи из Австралии и Новой Зеландии.

Самой заметной чертой, присущей и австралийскому, и новозеландскому английскому на супrasegmentном уровне, является употребление высокого восходящего терминального тона (HRT, или High Rising Terminal) в конце фраз повествовательного характера. Вероятно, целью использования данного интонационного контура является своеобразный показатель вежливости, установление контакта с собеседником и проверка обратной связи. Такой терминальный тон широко встречается и в речи мужчин, и (в большей степени) в речи женщин. При общении австралийцев или новозеландцев с носителями других диалектов английского языка у последних чаще всего возникает недопонимание, когда они слышат высокий восходящий тон в утвердительных предложениях – для них он обозначает неуверенность в собственном высказывании или даже вопрос [Fletcher, Grabe, Warren, 2004; Buescher, 2009].

Эксперимент

Материал, собранный для проведения эксперимента, представляет собой двенадцать аудиозаписей звучащей спонтанной речи молодых носителей австралийского и новозеландского вариантов английского языка мужского и женского пола. Длительность каждого отрывка – 60 сек; общая длительность звучащего материала – 12 мин. Уникальность материала состоит в том, что представленные аудиозаписи являются голосовыми сообщениями, отправленными автору данной статьи молодыми носителями австралийского и новозеландского диалектов посредством таких мессенджеров и приложений, как Facebook Messenger, Tandem и WhatsApp. Респонденты были найдены при помощи онлайн-сервисов CouchSurfing и Tandem. Ниже приведена краткая информационная сводка о каждом из спикеров.

Респонденты из Новой Зеландии:

NZ1 – мужчина, 22 года, студент, Мастертон, регион Веллингтон.

NZ2 – мужчина, 20 лет, студент, Матакана, регион Окленд.

NZ3 – мужчина, 21 год, студент, Мастертон, регион Веллингтон.

NZ4 – женщина, 20 лет, бакалавр, Хокс-Бэй.

NZ5 – женщина, 20 лет, окончила колледж, медсестра-педиатр, Гисборн.

NZ6 – женщина, 23 года, бакалавр, Окленд.

Ни один из респондентов не пребывал за пределами страны более 6 месяцев одновременно.

Респонденты из Австралии:

AUS1 – мужчина, 28 лет, ученый-биолог, Мельбурн.

AUS2 – мужчина, 22 года, солдат Австралийской армии, Таунсвилл, штат Квинсленд.

AUS3 – мужчина, 29 лет, бакалавр, супервайзер, Аделаида. Жил и работал в Китае в течение года.

AUS4 – мужчина, 25 лет, студент, Брисбен, штат Квинсленд.

AUS5 – женщина, 26 лет, бакалавр, работает в IT, Мельбурн. До 4 лет жила в Дании.

AUS6 – женщина, 29 лет, бакалавр, индивидуальный предприниматель, Мельбурн. Проживала в Северной Калифорнии с 2015 по 2018 год.

Респонденты AUS1, AUS2 и AUS4 не пребывали за пределами страны более 6 месяцев одновременно.

Проведение эксперимента

Звучащий материал был проанализирован автором данной статьи сначала путем перцептивно-слухового (аудиторского) анализа, затем – электронно-акустического анализа при помощи компьютерной программы SpeechAnalyzer (версия 3.1.).

При перцептивно-слуховом анализе были исследованы составляющие супrasegmentного уровня – мелодика речи (тоны, шкалы; диапазон) и темп. Электронно-акустический анализ позволил оценить точные показатели минимальных и максимальных частот в герцах для изучения диапазона высоты тона наряду с темпоральными характеристиками – типами пауз, длительностью фонации и паузации, их соотношением.

Результаты аудиторского анализа на супrasegmentном уровне

В ходе *перцептивно-слухового анализа* выявлены сходства и различия двух произносительных вариантов на *супrasegmentном уровне*. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1

ШКАЛЫ И ТОНЫ В АВСТРАЛИЙСКОМ И НОВОЗЕЛАНДСКОМ АНГЛИЙСКОМ

Шкалы	Австралийский английский	Новозеландский английский
Постепенно нисходящая ступенчатая	13 – 9,2 %	17 – 12 %
Постепенно восходящая ступенчатая	1 – 0,7 %	6 – 4 %
Постепенно нисходящая ступенчатая с нарушенной постепенностью	2 – 1,4 %	3 – 2 %
Скользящая	15 – 10,7 %	13 – 9 %
Скандентная	2 – 1,4 %	–
Ровная	87 – 61,8 %	71 – 50 %
Смешанная	21 – 14,8 %	33 – 23 %
Тоны		
Нисходящие	38 – 15,5 %	46 – 21 %
Восходящие	32 – 13 %	40 – 18 %
Ровные	157 – 63,9 %	100 – 46 %
Нисходяще-восходящие Восходяще-нисходящие (сложные + составные)	10 + 9 4 % + 3,6 %	10 + 15 5 % + 7 %
Восходяще-нисходяще-восходящий	–	1 – 0,4 %
Ровный восходящий	–	6 – 3 %

Из результатов аудиторского анализа видно, что в обоих диалектах превалирует использование ровной шкалы, причем ее процент в речи австралийских респондентов составляет 61,8 %, а в речи новозеландцев – 50 %. Смешанная шкала – вторая по популярности и в австралийском (14,8 %), и в новозеландском диалектах (23 %). Респонденты из Новой Зеландии также чаще использовали постепенно нисходящую и восходящую ступенчатые шкалы: 12 % и 4 % соответственно в сравнении с 9,2 % и 0,7 % использования этих же шкал в речи респондентов-австралийцев. Шкала с нарушенной ступенчатостью встретилась в количестве 1,4 % в австралийском английском и 2 % – в новозеландском, что дает возможность говорить о наличии общих тенденций в использовании средств выделения значимой информации. Такая же ситуация сложилась и со скользящей шкалой: в речи спикеров из Австралии их насчитывается 10,7 %, в речи спикеров из Новой Зеландии – 9 %. Скандентную шкалу использовали только респонденты из Австралии (1,4 %).

Среди терминальных тонов лидирующую позицию в обоих произносительных вариантах занимает ровный тон: австралийцы использовали его чаще (63,9 %), чем новозеландцы (46 %). Респонденты из Новой Зеландии, в свою очередь, продемонстрировали более широкое использование нисходящих и восходящих терминальных тонов – 21 % и 18 % соответственно, в то время как речь австралийских спикеров характеризуется 15,5 % нисходящих и 13 % восходящих тонов. Необходимо отметить, что показатели употребления сложных нисходяще-восходящих и восходяще-нисходящих тонов в обоих диалектах практически равны – 4 % в австралийском и 5 % в новозеландском. Составных нисходяще-восходящих и

восходяще-нисходящих тонов больше в речи новозеландцев – 7 %, в речи австралийцев – 3,6 %. Примечательно, что такие тоны, как восходяще-нисходяще-восходящий и ровный восходящий зафиксированы только у новозеландских респондентов – 0,4 % и 3 % соответственно.

Возвращаясь к упомянутой ранее тенденции употребления высокого восходящего терминального тона – или HRT – в конце высказываний утвердительного характера, стоит подробнее остановиться на процентном соотношении высоких восходящих тонов в речи респондентов проведенного исследования. Среди восходящих тонов наблюдались низкий восходящий тон, средний восходящий тон и высокий восходящий тон. В речи представителей обоих национальных произносительных вариантов зафиксировано около 60 % высоких восходящих терминальных тонов, что подтверждает широкое распространение данной произносительной тенденции в Австралии и Новой Зеландии как среди женщин, так и среди мужчин.

Результаты электронно-акустического анализа

В результате обобщения данных, полученных в ходе *электронно-акустического анализа*, выявлены усредненные показатели темпоральных и диапазоновых характеристик: диапазон ЧОТ в полутонах, среднее количество синтагм в минуту, длительность синтагм и пауз, соотношение фонации и паузации, типы пауз (сверхкраткая – до 200 мс; краткая – 201–500 мс; средняя – 501–800 мс; длительная – 801–1200 мс; сверхдлительная – от 1200 мс). Данные представлены в сравнительной таблице.

Таблица 2

ДИАПАЗОНАЛЬНЫЕ И ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АВСТРАЛИЙСКОГО И НОВОЗЕЛАНДСКОГО АНГЛИЙСКОГО

	Австралийский английский		Новозеландский английский	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Диапазон (в полутонах)	16 пт	10 пт	24 пт	12 пт
Число синтагм (в минуту)	40	44	33	39
Длина синтагм (в секундах)	1,0	1,0	1,1	1,1
Длина пауз (в секундах)	0,4	0,3	0,7	0,4
Фонация : паузация (соотношение)	2 : 1	4 : 1	2 : 1	3 : 1
Тип пауз	краткая	краткая	средняя	краткая

Исходя из результатов эксперимента, можно сделать вывод о том, что речь австралийских респондентов, в отличие от речи новозеландских респондентов, характеризуется более быстрым темпом, о чем свидетельствуют следующие показатели:

- 1) более узкий диапазон ЧОТ;
- 2) большее количество синтагм в минуту;
- 3) укороченные синтагмы и паузы;
- 4) в соотношении фонация: паузация доля фонации больше.

Данная тенденция присуща как речи мужчин-респондентов, так и речи женщин-респондентов. Однако следует отметить, что женщины-респонденты из Австралии демонстрируют еще более быстрый темп речи и более узкий диапазон высоты тона по сравнению с женщинами-респондентами из Новой Зеландии. Таким образом, по результатам нашего эксперимента именно австралийские женщины-респонденты имеют самый быстрый темп речи, более узкий диапазон голоса, а также произносят большее количество синтагм в минуту в совокупности с краткими паузами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате анализа полученных экспериментальных данных мы пришли к выводу, что

австралийский английский и новозеландский английский имеют ряд общих черт наряду с многочисленными отличительными особенностями на супrasegmentном уровне.

Носители обоих национальных произносительных вариантов демонстрируют широкое использование ровных шкал и тонов, очевиден в большей степени ровный характер мелодики спонтанной речи. Особой популярностью в проанализированных национальных стандартах обладает и высокий восходящий терминальный тон в высказываниях утвердительного характера. Мелодика речи новозеландцев показала себя более разнообразной ввиду выявления большего количества различных мелодических конфигураций.

В отношении диапазоально-темпоральных особенностей речи становится понятно, что оба стандарта характеризуются одной и той же тенденцией: женщины склонны к более быстрому темпу речи и более узкому диапазону голоса. Респонденты из Австралии говорят быстрее, чем респонденты из Новой Зеландии. Более того, австралийские женщины говорят быстрее женщин в Новой Зеландии, демонстрируя более быстрый темп, более узкий диапазон, наибольшее количество синтагм в минуту в совокупности с краткими паузами и большую долю фонации в соотношении «фонация : паузация».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Kachru Y., Smith L. E. Cultures, contexts, and world Englishes. Routledge, 2008.
2. Burchfield R. W. (ed.). The Cambridge history of the English language. Volume V English in Britain and Overseas: Origins and Development. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
3. Harrington J., Cox F., Evans Z. An acoustic phonetic study of broad, general, and cultivated Australian English vowels. Australian Journal of Linguistics, 17(2), 155–184, 1997.
4. Fletcher J., Grabe E., Warren P. Intonational variation in four dialects of English: the high rising tune. Oxford University Press, 2004.
5. Buescher S. M. Australian English Rising Intonation: Frequency and Function during Talk-In-Interaction (thesis). Albuquerque, New Mexico: the University of New Mexico, 2009.

REFERENCES

1. Kachru, Y., Smith, L. E. (2008). Cultures, contexts, and world Englishes. Routledge.
2. Burchfield, R. W. (ed.). (1994). The Cambridge history of the English language. Vol. V. English in Britain and Overseas: Origins and Development. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Harrington, J., Cox, F., Evans, Z. (1997). An acoustic phonetic study of broad, general, and cultivated Australian English vowels. Australian Journal of Linguistics, 17(2), 155–184.
4. Fletcher, J., Grabe, E., Warren, P. (2004). Intonational variation in four dialects of English: the high rising tune. Oxford University Press.
5. Buescher, S. M. (2009). Australian English Rising Intonation: Frequency and Function during Talk-In-Interaction (thesis). Albuquerque, New Mexico: the University of New Mexico.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Борzych Анна Алексеевна

преподаватель кафедры фонетики английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Borzykh Anna Alexeyevna

Lecturer at the Department of English Phonetics, English Language Faculty,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 13.05.2022	The article was submitted 13.05.2022
одобрена после рецензирования 06.06.2022	approved after reviewing 06.06.2022
принята к публикации 11.07.2022	accepted for publication 11.07.2022

Научная статья

УДК 811.111

DOI 10.52070/2542-2197_2022_8_863_15

Прагмастилистический потенциал ключевых концептов американского мультимодального дискурса

А. В. Букина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

anna.vk27@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются концептуальные основы американского предвыборного дискурса в прагмастилистическом ракурсе. С помощью когнитивно-матричного анализа были выявлены ключевые концепты и доказана их важность в реализации прагматических задач агитационного дискурса США. Автором был проанализирован суггестивный потенциал лингвостилистических средств, в которых актуализируются ключевые концепты, и рассмотрен мультимодальный аспект реализации концептов в формировании агитационных сообщений.

Ключевые слова: концепт, агитационный дискурс, мультимодальность, суггестивные стратегии, когнитивно-матричный анализ

Для цитирования: Букина А.В. Прагмастилистический потенциал ключевых концептов американского мультимодального агитационного дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 8 (863). С. 15–21. DOI 10.52070/2542-2197_2022_8_863_15

Original article

Pragmatic Potential of Key Concepts in American Multimodal Propaganda Discourse

Anna V. Bukina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

anna.vk27@gmail.com

Abstract. The given article contemplates the conceptual foundations of the American pre-election discourse from a pragmatylistic perspective. Using the cognitive-matrix analysis, the author identifies the key concepts and proves their significance in performing the pragmatics of the US political discourse. Herewith the author analyses the suggestive potential of the linguostylistic means in which the key concepts are realised along with a multimodal aspect of foregrounding the concepts in the process of delivering propaganda messages.

Keywords: concept, pre-election discourse, multimodality, suggestive strategies, cognitive-matrix analysis

For citation: Bukina, A. V. (2022). Pragmatic potential of key concepts in American multimodal propaganda discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(863), 15–21. 10.52070/2542-2197_2022_8_863_15

ВВЕДЕНИЕ

В статье рассматриваются ключевые концепты агитационного дискурса (дискурса пропаганды) США в прагматилистическом ракурсе, а именно речевых стратегий убеждения, в которых используются ключевые для американского самосознания концепты. Цель статьи заключается в исследовании языкового выражения концептов с учетом дискурсивных прагматических установок, которые определяют не только суть любого типа дискурса, но и очерчивают круг используемых речевых стратегий и применяемых языковых средств [Водак, 1997; Dijk, 2006].

В агитационном дискурсе, прагматические цели которого сводятся к убеждению путем применения различных суггестивных стратегий [Шейгал, 2000], нельзя недооценивать важность изучения концептов, обладающих большим суггестивным потенциалом. По определению Е. С. Кубряковой, концепты дают представления «о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких квантов знания» [Кубрякова, 1996, с. 58], т. е., будучи ментальными структурами, концепты являются важным инструментом суггестивного воздействия при построении агитационных сообщений.

Они «влиты» в наше сознание, служат основой для когнитивного механизма моделирования (конструирования) окружающей действительности и поэтому становятся основой для манипуляционных речевых стратегий. С помощью концептов конструируется картина мира [Болдырев, 2009]; в политическом дискурсе – с помощью концептов конструируются «нужная» для той или иной политической силы картина мира избирателя.

Использование концептов в дискурсе является мощным инструментом, в частности, потому что концепты имеют социокультурные основы. Так, в ходе политической коммуникации задействуются культурно обусловленные ассоциации, значимые для той или иной социальной группы [Вежбицкая, 2001]. Агитационные сообщения (в какой бы форме они ни выражались – плакат, лозунг, публичная речь) направлены на определенную социальную группу, интегрированную в ту или иную культуру. Поэтому эффективность применения определенных концептов в тех или иных речевых стратегиях будет зависеть во многом от социоисторического контекста, активизирующего весь суггестивный и лингвостилистический потенциал речевых репрезентаций концептов.

В статье будут проанализированы агитационные плакаты избирательных кампаний кандидатов в президенты США от Республиканской и Демократической партий, начиная со второй половины XX века

до настоящего времени. В совокупности было рассмотрено 60 плакатов. При анализе использовались методы лингвостилистического, критического дискурс-анализа и когнитивно-матричного анализа концептов. Также мы включили в наш анализ и социоисторический параметр для более полного представления о взаимосвязи концептов и ценностей, сформировавшихся в американском обществе под влиянием социально-исторических изменений.

Отдельным аспектом исследования является мультимодальность агитационного плаката, транслирующего информацию через вербальный и невербальный модусы. Задача состояла в определении способов репрезентации концепта через эти модусы, а также в изучении процессов мультимодального взаимодействия в ходе достижения прагматических задач агитационного дискурса.

Статья выстроена по следующему плану: первая часть представляет собой небольшой экскурс в американское социокультурное пространство – в ней мы рассматриваем исторически сформировавшиеся в американском обществе ценности и их связь с задействованными в политическом поле концептами. Во второй части исследуется суггестивно-стилистический потенциал концептов с применением элементов когнитивно-матричного анализа репрезентаций ключевых концептов агитационного дискурса и мультимодальному аспекту их применения в дискурсе.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ АМЕРИКАНСКОГО САМОСОЗНАНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС США

Для более полного проникновения в прагматику стилистически маркированных единиц агитационного дискурса и их суггестивный потенциал, помимо сугубо лингвистических, важно обращаться к концептуальным основам. Такие основы были сформированы под влиянием многих социоисторических факторов в первую очередь условий становления нации.

Американисты сходятся в том, что американская нация сформировалась в ходе нескольких волн иммиграции, каждая из которых вносила свой вклад в развитие страны. Среди наиболее значимых для США культур можно выделить следующие: европейскую (протестанскую), афроамериканскую, культуру испаноязычного населения, коренного населения, а также ирландскую, итальянскую, азиатскую и др.

Объединить такие разнообразные слои населения стало возможным с помощью сформировавшихся общих ценностей [Евсеев, 2014]: свобода,

демократия, предпринимательство, защита частной собственности, религиозность, индивидуализм. Развивая точку зрения современных когнитивистов о тесной связи языковой и лингвистической картинах мира (Е. С. Кубрякова, А. Вежбицкая, Н. Н. Болдырев и др.), мы выдвигаем гипотезу, что ключевые для нации ценности напрямую коррелируют с концептами и их языковыми репрезентациями в речи и становятся основой для манипулятивных стратегий политического дискурса США.

Политический дискурс США формируется главным образом двумя игроками на политической арене США – Республиканской и Демократической партиями. Обе партии пытаются развивать свой собственный имидж, апеллируя к своим аудиториям: республиканцев поддерживает консервативно настроенная часть населения, выступающая за традиционные ценности, в то время как за демократов голосуют сторонники либеральных свобод и наименее привилегированные слои населения [Туманова, 2017]. При этом политическая борьба партий сводится не только к удержанию, но и к привлечению сторонников конкурентов. Борьба за власть, становясь, по определению Е. И. Шейгал, «центральным тематическим определителем политического дискурса» [Шейгал, 2000], обуславливает высокую манипулятивность политического дискурса и крайнюю односторонность коммуникации ввиду применения достаточно агрессивных суггестивных приемов и стратегий, которые направлены на однозначное формирование представлений о кандидате или событии у воспринимающей аудитории.

На данном этапе в политическом дискурсе, по мнению некоторых исследователей, наблюдается тенденция к стиранию концептуальных границ политических платформ партий и обращение к одним и тем же объединяющим ценностям – свободы, демократии, процветания Америки и американцев [Туманова, 2017; Глигич-Золотарева, Кирюхин, 2021].

Все вышеизложенные факторы формируют контекст (или, по определению ван Дейка, «событие» – «event»), в который погружен политический дискурс [Водак, 1997; Dijk, 2006]. Агитационный дискурс и его различные варианты (предвыборный, антивоенный) не существует вне политического, поэтому последний обуславливает как его прагматику в самом широком смысле, так и применяемые речевые стратегии. Таким образом, политический дискурс является для последнего «полем» для конструирования той или иной реальности, в которой кандидат представляет собой мифологическую сущность, реализуемую через имидж и роль, соответствующие представлениям аудитории.

СУГГЕСТИВНЫЕ И РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ. КОГНИТИВНО-МАТРИЧНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТОВ

В исследовании были проанализированы концепты, речевые и суггестивные стратегии, которые использовались в мультимодальном дискурсе обеими партиями в ходе предвыборных гонок, начиная со второй половины XX века.

В наши цели входило выявить концептуальные основы агитационного дискурса и раскрыть суггестивный и стилистический потенциалы языковых репрезентаций ключевых концептов. В ходе исследования было проанализировано по 30 предвыборных плакатов каждой партии и установлено, что обе партии задействуют одни и те же концепты: POWER, UNITY и CHANGE.

В восьми предвыборных плакатах от Республиканской партии задействован концепт POWER, в пяти – CHANGE, в трех – UNITY, в одном – UNITY + POWER, в семи – CHANGE + POWER, CHANGE + UNITY – в одном.

В плакатах от Демократической партии задействованы концепты: в четырех – CHANGE, в трех – POWER, в семи – UNITY, в двух – CHANGE + POWER, в одном – CHANGE + POWER + UNITY, в двух – UNITY + POWER, в одном – UNITY + CHANGE, в одном – FAMILY. Можно наблюдать тяготение республиканского агитационного дискурса к задействованию концепта POWER, в то время как построение демократического дискурса строится на концепте UNITY.

Применяя когнитивно-матричный анализ, предложенный Н. Н. Болдыревым для изучения системы когнитивных контекстов [Болдырев, Алпатов, 2008], можно выявить следующие компоненты (контексты) концептов, которые реализуются в значениях языковых единиц агитационного дискурса.

Таблица 1

КОМПОНЕНТЫ КЛЮЧЕВЫХ КОНЦЕПТОВ АГИТАЦИОННОГО МУЛЬТИМОДАЛЬНОГО ДИСКУРСА США

CHANGE	UNITY	POWER
TIME MOVEMENT HOPE	WE COUNTRY	PROSPERITY HONESTY DEMOCRACY VALUES

Вторым нашим шагом было выявить суггестивные стратегии и лингвостилистические средства их осуществления. Этот аспект агитационного дискурса достаточно хорошо изучен. Манипулятивная направленность политического дискурса отмечается

многими исследователями (Р. Водак, Т. А. ван Дейк, А. А. Романов, И. В. Самарина, О. С. Иссерс, В. И. Шаховский, Е. И. Шейгал, Н. Б. Руженцева, В. Е. Чернявская, А. П. Чудинов). Несмотря на отсутствие единой типологии, можно выделить две группы суггестивных стратегий в политическом дискурсе (агитационном (пропагандистском) дискурсе как его части):

1) *объединяющие стратегии*, основанные на идеи сплочения (объединения). Основные речевые тактики строятся на конструировании положительного образа кандидата (или события) через ключевые для публики ценности путем метафоризации, метонимии, метафтономии и др.;

2) *конфронтационные*, основанные на противопоставлении двух групп («мы – они» / «свой – чужой») и конструировании образа врага, угрозы [Самарина, 2007; Руженцева, 2004]. Такие стратегии называют стратегиями дискредитации, манипуляции; и на их основе выделяют речевые тактики: угрозы, игнорирования, лжи, устрашения, предсказания печальных последствий [Чудинов, 2006], а также оскорбления, издевки, обвинения, навешивания ярлыков [Руженцева, 2004].

Исследовав отобранные единицы американского агитационного дискурса, мы пришли к выводу, что языковые репрезентации ключевых концептов и языковые средства для развертывания суггестивных стратегий в агитационном дискурсе обеих партий схожи до идентичности. Так, самой распространенной суггестивной стратегией при реализации всех трех концептов является конструирование образа с помощью эпитетов и других языковых средств создания пафоса (например, возвышенной книжной лексики или слов с мощным положительным зарядом). Прагматика дискурса обуславливает широкое использование приемов прямого агитирования (побуждения к действию) через конструкции в повелительном наклонении с ясными и простыми лозунгами (*Vote!*).

При этом можно наблюдать отличия в использовании ключевых концептов UNITY, CHANGE и POWER.

Концепт UNITY совмещается с суггестивной стратегией объединения в сочетании с созданием позитивного образа. Для развертывания первой стратегии используется экстенсивное употребление местоимений (в особенности – *we*, но также и *you* в качестве прямого обращения), может встречаться снижение стиля, что выражается в использовании разговорной лексики, разговорных фразовых глаголов, разговорных (сокращенных), а не полных имен собственных. Встречается игра слов, задействующая идиомы, пословицы или зарифмованные лозунги.

Концепт UNITY чаще других может реализовываться через невербальный компонент, выраженный изображением карты США или иллюстрациями / фотографиями кандидата в президенты вместе с народом. Данный визуальный ряд создают контекст сообщения всего плаката, запуская нужную суггестивную стратегию.

Суггестивные стратегии для реализации концептов CHANGE и POWER перекликаются. Кроме выше обозначенных, универсальных для данного дискурса приемов, используют конфронтационную стратегию («мы – они») и конструирование образа прекрасного будущего (для концепта CHANGE) или утерянного великого прошлого (концепт POWER).

Несмотря на схожесть суггестивных стратегий, речевые приемы используются разные. Реализация концепта CHANGE основывается на метафоризации и антитезе. Стилистический прием антитезы при этом влечет за собой противопоставление и параллелизм конструкций. Оба приема являются средствами создания упомянутого образа.

Концепт POWER отличает от других концептов широким применением риторических приемов, таких как аллитерация, лексические повторы, параллелизм конструкций, противопоставления и т. д. Эти языковые средства обладают мощным суггестивным потенциалом и часто употребляются в смежных агитационных жанрах, например в агитационных речах. Можно предположить, что в целях воздействия концепт POWER встречается в дискурсе чаще всего.

Как можно было заметить из приведенных статистических данных, концепты часто используются в сочетании. И тем нагляднее можно проследить характерные для каждого концепта суггестивные стратегии и речевые приемы. Например, при UNITY + POWER и UNITY + CHANGE будет обязательно задействована стратегия объединения, конструирование определенного образа или использование риторических приемов. Комбинация CHANGE + POWER, как правило, предполагает конструирование двух поддерживающих друг друга образов, например сильного президента и процветающей страны или возвращение к исконным ценностям, которые принесут процветание.

Стоит также отметить, что только при реализации концепта CHANGE можно проследить идеологическое расхождение Демократической партии, конструирующей свое видение будущего или довольно абстрактно побуждая к переменам, и Республиканской партии, обращающейся к образу прошлого и предлагающей вернуть традиционные американские ценности.

Отдельно встречаются плакаты, задействующие неожиданные концепты. Так, например, плакат кампании Демократической партии 1997 года, изображающий кандидата в президенты Билла Клинтона вместе с его супругой в сочетании с агитационным сообщением *Re-elect the first family*, апеллирует к традиционным семейным ценностям, более характерным для Республиканской партии. Однако значимым параметром для реализации суггестивной стратегии через такой нехарактерный образ в этом случае является социоисторический контекст – импичмент Б. Клинтона и события, предшествующие этому. Именно фактор контекста взяла на вооружение команда кандидата в президенты и отклонилась от конвенциональных стратегий.

Также выделяется группа предельно лаконичных плакатов, которые выполняют информативные функции (с целью напомнить о кандидате, дате выборов). Скорее всего, такие плакаты можно расценивать как дополнительный инструмент в проведении кампании, цель которого еще раз напомнить о голосовании, но не сформировать, подкрепить или изменить мнение избирателей. Эти плакаты мало информативны как относительно вербального компонента (имя, дата), так и невербального (изображение, фотографии президента или использование цветовой схемы), поэтому они трудно анализируемы со стилистической точки зрения.

СООТНОШЕНИЕ РОЛЕЙ ВЕРБАЛЬНОГО И НЕВЕРБАЛЬНОГО

Поскольку мы рассматриваем мультимодальный агитационный дискурс, единицы которого передают информацию через несколько модусов [Kress, 2010] (в данном случае – визуальный и вербальный), нельзя обойти вниманием вопрос о соотношении ролей вербального и невербального при конструировании образов (стилистика-концептуальный аспект) и развертывания суггестивных стратегий (прагмалингвистический аспект).

Плакаты по определению представляют собой сочетание вербальных и невербальных элементов, при этом его вербальный компонент (текст плаката) отличается лаконичностью – применением лозунгов, эффективных риторических приемов, эмоциональной пафосной лексики и т. п. Такая лаконичность, а иногда недосказанность, ведет к компенсирующей роли невербального.

Исследователи подчеркивают большой потенциал лаконичности как средства воздействия в различных дискурсах. Например, отмечают лингвокреативность лаконичных приемов, заключающуюся в побуждении адресанта «модифицировать традиционное использование языковых

средств именно для повышения информационной насыщенности высказывания» [Андреева, 2019, с. 21]. В мультимодальных дискурсах, например, в медиадискурсе, характеризующемся манипулятивностью, гетерогенностью и информационной насыщенностью, стилистическая значимость лаконичности еще больше повышается, так как «позволяет современным средствам массовой коммуникации “электризовать” сообщение» [Сескутова, 2016, с. 61].

Концепты и суггестивные стратегии в проанализированных предвыборных материалах преимущественно актуализируются через вербальный компонент. Роль невербального компонента в большинстве агитационных плакатов сводится к сугубо структурной (т. е. не привносящей новой информации, не маркированной стилистически и минимально варьирующейся). К таким структурным элементам можно отнести использование цветовой схемы (белый – синий – красный), изображение звезд, флага, фотографии кандидатов. Такие элементы используются обе партиями и представляют собой некие «жанровые» особенности составления плакатов (ср. плакаты на рис. 1).

Рис. 1. Плакаты от Республиканской партии 1992 г. (слева) и от Демократической партии 1960 г. (справа)

Тем не менее в некоторых плакатах невербальный компонент активизируется в большей степени и вступает во взаимодействие с вербальным через приемы противопоставления и дополнения, а также процессы конструирования концептуальных метафор. Говоря о концептуальных основах американского предвыборного дискурса, можно отметить, что реализация концепта UNITY чаще всего опирается на невербальные средства, в то время как концепты POWER и CHANGE реализуют свой суггестивный потенциал через лингвистические средства.

Особой эмоциональностью могут обладать плакаты, в которых текст отсутствует или представлен минимально. Стилистически этот прием можно приравнять к паузе, которая с

прагмастилистической точки зрения более чем информативна. В таких плакатах всё внимание сосредотачивается на определенном образе, выраженном невербально, а эффект молчания (паузы) в результате отсутствия вербальных средств (текста) придает особый пафос плакату. При этом роль концептов как основы агитационного дискурса также становится более очевидной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Манипулятивность агитационного мультимодального дискурса как части политического дискурса во многом основана на задействовании концептуальных основ общественного сознания. Экстралингвистические факторы обуславливают стилистический и суггестивный потенциал концептов, в то время как мультимодальность агитационного дискурса – семиотические особенности взаимодействия вербального и невербального – усиливают его.

Анализ речевых стратегий американских агитационных плакатов показал, что ключевыми концептами для обеих партий являются POWER, UNITY,

CHANGE. Прослеживается традиционное идеологическое разделение партий: так самый частотный концепт Республиканской партии – POWER, а Демократической – UNITY. Тем не менее определенных ограничений в использовании концептов не наблюдается. В политических целях (например, для привлечения электората конкурентов) партия может прибегнуть к стратегиям, традиционно характерным для соперников.

Образы, сконструированные в процессах метафоризации, метонимизации, метафтонимизации с задействованием концептов, несут в себе мощный эмоциональный заряд и поэтому имеют большой суггестивный потенциал в агитационном дискурсе. Более того, успешность различных дискурсивных тактик и суггестивных стратегий во многом полагается на концептуальные основы. И только лингвокультурный подход к изучению дискурса позволяет правильно интерпретировать и раскрыть лингвостилистический потенциал таких приемов, поскольку формирование концептов происходит в социоисторических условиях развития языка и дискурса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. Волгоград: Перемена, 1997.
2. Dijk T. A. van Discourse and manipulation // *Discourse and Society*. London: SAGE Publications, 2006. № 2. Vol. 17. P. 359–381.
3. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000.
4. Кубрякова Е. С. Концепт // *Краткий словарь когнитивных терминов* / гл. ред. Е. С. Кубрякова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. С. 90–92.
5. Болдырев Н. Н. Концептуальная основа языка // *Когнитивные исследования языка*. 2009. Вып. IV. С. 25–78.
6. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001.
7. Евсеенко А. С. Nation Building – процесс и термин: происхождение и эволюция // *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2014. Вып. 4. С. 67–81.
8. Туманова М. А. Нерешенные проблемы американской избирательной системы // *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2017. Вып. 2. С. 99–113.
9. Глигич-Золотарева М. В., Кирюхин К. С. Демократия в Америке? // *Федерализм*. 2021. Вып. 26 (3). С. 142–168.
10. Болдырев Н. Н., Алпатов В. В. Когнитивно-матричный анализ английских христианских топонимов // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2008. № 4. С. 5–14.
11. Самарина И. В. Коммуникативные стратегии «создание круга чужих» и «создание круга своих» в политической коммуникации: прагмалингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.
12. Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе: монография. Екатеринбург, 2004.
13. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М.: Флинта: Наука, 2007.
14. Kress G. *Multimodality: A social semiotic approach to contemporary communication*. London: Routledge, 2010.
15. Андреева С. А. Лингвистические механизмы лаконичности // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. Вып. 7 (823). 2019. С. 20–29.
16. Сескутова И. К. Тексты массмедиа в условиях мультимедийного восприятия // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. Вып. 19 (758). 2016. С. 55–62.

REFERENCES

1. Wodak, R. (1997). *Yazyk. Diskurs. Politika = Language. Discourse. Politics*. Volgograd: Peremena. (In Russ.)
2. Dijk, T.A. van. (2006). *Discourse and manipulation*. *Discourse and Society* (pp. 359–381). London: SAGE Publications.
3. Sheigal, E. I. (2000). *Semiotika politicheskogo diskursa = The semiotics of political discourse: PhD in Philology*. Volgograd. (In Russ.)
4. Kubryakova, E. S. (1996). *Kontsept = Concept*. In E. S. Kubryakova (ed.), *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* (pp. 90–92). Moscow: Moscow University Press. (In Russ.)
5. Boldyrev, N. N. (2009). *Conceptual foundations of language*. *Cognitive studies of Language*, 6, 25–78. (In Russ.)
6. Wierzbicka, A. (2001). *Ponimaniye kultur cherez posredstvo kluchevykh slov = Understanding Cultures Through Their Key Words*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur. (In Russ.)
7. Evseenko, A. S. (2014). *Nation Building – the process and the term: the origin and evolution*. *The USA and Canada: economics, politics, culture*, 4, 61–81. (In Russ.)
8. Tumanova, M. A. (2017). *Unsolved problems of American electoral system*. *The USA and Canada: economics, politics, culture*, 2, 99–113. (In Russ.)
9. Gligich-Zolotareva, M. V., Kiryukhin, K. S. (2021). *Democracy in the US? Federalism*, 26(3), 142–168. (In Russ.)
10. Boldyrev, N. N., Alpatov V. V. (2008). *A cognitive-matrix analysis of Christian place-names*. *Issues of Cognitive Linguistics*, 4, 5–14. (In Russ.)
11. Samarina, I. V. (2007). *Kommunikativniye strategii “sozdaniye kruga chuzhikh” i “sozdaniye kruga svoikh” v politicheskoy kommunikatsii: pragmalingvisticheskiy aspekt = Communicative strategies of creating a circle of “foes” and a circle of “friends” in political communication: pragmalinguistic aspect: PhD in Philology*. Moscow. (In Russ.)
12. Ruzhentseva, N. B. (2004). *Diskreditiruyushchii taktiki i priyomy v rossiyskom politicheskom diskurse: monografiya = Discrediting tactics and techniques in the Russian political discourse: monography*. Ekaterinburg. (In Russ.)
13. Chudinov, A. P. (2007). *Politicheskaya lingvistika = Political linguistics*. Moscow: Flinta : Nauka. (In Russ.)
14. Kress, G. (2010). *Multimodality: A social semiotic approach to contemporary communication*. London: Routledge.
15. Andreeva, S. A. (2019). *Linguistic mechanisms of laconicism*. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 7(823), 20–29. (In Russ.)
16. Seskutova, I. K. (2016). *Perception of multimedia messages and effects*. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 19(758), 55–62. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Букина Анна Викторовна

аспирант кафедры стилистики английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bukina Anna Viktorovna

Postgraduate student at the Department of English Stylistics, Faculty of the English Language
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 13.05.2022
одобрена после рецензирования 10.06.2022
принята к публикации 11.07.2022

The article was submitted 13.05.2022
approved after reviewing 10.06.2022
accepted for publication 11.07.2022

Научная статья

УДК 81.13

DOI 10.52070/2542-2197_2022_8_863_22

Пространственная организация драматургического текста

В. В. Грищева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

walya86@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются особенности построения пространства в пьесе. Опираясь на наблюдение о том, что драматургический текст является потенциально сценичным, автор приходит к выводу, что он наделен прогнозирующей функцией. Исследование драматургического текста с учетом онтологического жанроспецифического свойства театральности позволяет нам говорить о вербальной визуализации пространства. Наглядно-образное представление обуславливает выстраивание пространственных отношений в пьесе и оптимизирует понимание со стороны потенциального адресата. Показано, что в драме доминирует ассоциативное развертывание пространственных характеристик.

Ключевые слова: пространство, организация пространства, пространственные отношения, пространственные связи, ассоциативное развертывание, пространственный маркер, пресуппозиция, драматургический текст, театральность, потенциальная сценичность, вербальная визуализация

Для цитирования: Грищева В. В. Пространственная организация драматургического текста // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 8 (863). С. 22–27. DOI 10.52070/2542-2197_2022_8_863_22

Original article

On Space Organization in Drama

Valentina V. Grishcheva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

walya86@mail.ru

Abstract. The article explores the peculiarities of space construction in plays. Basing on the conception in which drama text is viewed as potentially theatrical and its analysis seems inadequate without considering the mentioned property, the author comes to the conclusion, that drama text has an anticipating function. The investigation of plays drawing on the ontological genre characteristic of theatricality makes it possible to analyze visualization. Visualization serves as a condition which enables a better understanding. It is shown that in plays associative modeling of space prevails.

Keywords: space, space organization, space interrelations, space ties, associative modeling, space marker, presupposition, drama text, theatricality, potential theatricality, verbal visualization

For citation: Grishcheva, V.V. (2022). On space organization in drama. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(863), 22–27. 10.52070/2542-2197_2022_8_863_22

ВВЕДЕНИЕ

Пространство на современном этапе развития лингвистического знания считается универсальной конститутивной составляющей текста и играет важную роль в текстообразовании. Одним из пионеров, определивших место пространства в структуре художественного произведения, был А. А. Потебня. Исследователь высказал мысль о том, что пространство *a priori* не дается, а является скорее элементом внутреннего формирования. Исходя из этого, стоит учитывать, что пространство это не просто формальная организация пьесы и деление ее на структурно-композиционные части. Изучение пространственных связей позволяет определить их роль в смыслопостроении. Нельзя не заметить, что «драма (как художественный текст) обладает особым смысловым строем, в котором находят отражение и художественную переработку категории пространства, времени и причинности» [Потебня, 1976, с. 11]. Драматургический текст уникален тем, что имеет прагматическую направленность как на читателя, так и на зрительскую аудиторию.

В связи с этим очевидно, что для прояснения специфики организации пространственного плана необходимо определить такое онтологическое свойство драмы, как театральность (сценичность). Например, в зарубежной терминологии встречается использование взаимозаменяемых терминов «staged discourse» и «dramatic discourse»¹ [Herman, 1998; Piazza, 1999; Short, 1998], что напрямую указывает на полифункциональную природу драматургического текста. У отечественных исследователей, занимающихся проблемами драматургии, мы также находим рассуждения относительно связи между драматургическим текстом и его сценическим воплощением. Так, С. Ю. Бочавер отмечает, что «драматический текст, иначе говоря, текст пьесы, понимаемый как определенная последовательность знаков, превращается в театральный дискурс тогда, когда его получатель готов передать его другому участнику коммуникации или воспринять его от посредника» [Бочавер, 2012, с. 29]. Из этого следует, что пьесы как жанр художественной литературы являются потенциально сценичными. Анализ драматургического текста представляется невозможным без его сценической «проекции».

Опираясь на наблюдения об ориентации драмы на сценическое воплощение, можно предположить, что, с одной стороны, потенциальная сценичность пьесы проявляется в наличии формальных компонентов спектакля. К ним можно отнести структурно-композиционное деление на акты, сцены, мизансцены; обращение к таким атрибутам

театра, как занавес, декорации и инвентарь; характер представления действующих лиц и участников коммуникации; такое типичное для сценической коммуникации языковое своеобразие, как деление на реплики.

Однако важно понимать, что театральность пьесы связана с гипертрофированной передачей (концентрированной формой) текстового содержания, что ведет к дополнительной смысловой актуализации, а следовательно, облегчает понимание важных моментов в самой пьесе.

ТЕАТРАЛЬНОСТЬ ДРАМЫ И ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ В ДРАМАТУРГИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Нельзя не заметить, что на данном этапе рассуждения возникает вопрос: каким образом театральность влияет на организацию пространства в драме. Описанное выше родовое свойство позволяет говорить о вербальной визуализации пространства в драматургических текстах. Любое прочтение пьесы связано с выстраиванием некоей системы пространственных отношений, которые создают целостную картину разворачивающегося действия перед глазами читателя подобно спектаклю перед зрительской аудиторией. Читатель, в свою очередь, становится непосредственным участником создания смысла, он является частью этого перформанса, передаваемого драматургическим текстом. К этим наблюдениям стоит добавить, что в пьесе возникает ощущение «непосредственного контакта с реальностью», «иллюзия собственного присутствия» [Хализев, 1986, с. 42].

Автор при передаче пространственного плана в пьесе стремится повлиять на читательское представление действия. Таким образом, вербальная **визуализация** пространства является условием, оптимизирующим понимание, следовательно, в тексте мы находим ориентиры, по которым строится понимание общей пространственной системы. Стоит отметить, что подобная модель построения пространства в пьесе наделяет его прогнозирующей функцией, поскольку вербальная визуализация актуализирует различные ментальные структуры.

Приведенные наблюдения позволяют акцентировать особую сложность при декодировании пьесы, поскольку «любой вид литературы использует некоторые общепринятые приемы, но приемы в драме гораздо более многочисленны, они требуют гораздо большей работы воображения от зрителя (или читателя), чем в любом другом виде литературы»² [Shaw, 1972, с. 309].

¹ «Сценический дискурс» и «драматургический дискурс» (перевод наш. – В. Г.)

² Зд. и далее перевод наш. – В. Г.

В таком случае важно также учитывать, что пространство является базисной категорией картины мира и поэтому составляет не только структуру в пьесе, но и подразумевает определенные глубинные текстовые отношения, которые перерабатываются читателем. Получается, что «картина» пространства выстраивается из пространственных отношений, которые поддерживают единый образ и обеспечивают тем самым цельность текста. Иными словами, организация драматургического текста направлена на создание свернутой картины мира, которая трансформируется в художественной структуре произведения [Гончарова-Бочаровская, 2003]. Исходя из этого, построение пространственных отношений осуществляется с учетом фоновых знаний читателя и пресуппозиций.

Для исследования организации пространства в драме интерес представляет именно прагматическая пресуппозиция, поскольку драматургический текст представляет собой коммуникацию особого рода, складывающуюся между автором и читателем. Она служит некоторым связующим звеном между адресантом и адресатом, постигающим смысл текста, позволяет выявить структурные и смысловые связи, складывающиеся при построении пространства. Оба коммуниканта должны иметь некий общий фонд знаний для того, чтобы передача смыслового содержания и коммуникация в целом имели успешную реализацию. Таким образом, в пресуппозиции пересекаются индивидуальные когнитивные пространства участников коммуникации, что непосредственно влияет на коммуникативное взаимодействие посредством текста. Итак, будучи неотъемлемым смысловым компонентом, представленным в лингвистической канве текста, пресуппозиция представляет особую важность для декодирования смыслового содержания, поскольку «позволяет интерпретатору (decoder) выявить помимо семантической информации, информацию прагматически или стилистически значимую» [Наер, 2001, с. 20].

Перед тем как перейти непосредственно к анализу, опираясь на приведенные наблюдения, отметим, что между определенными структурно-композиционными частями и внутри отдельных частей драматургического текста выстраиваются ассоциативные отношения, при которых происходит расширение центрального понятия, характеризующего пространство. Данный прием мы называем ассоциативным развертыванием пространства, имея в виду, что построение драматургического места действия происходит по одной схеме с использованием различных деталей. Театральная сцена – *трехмерна* и *многопланова*, т. е. «охват» пространства и его деталей происходит одновременно, линейность же текстового

содержания драмы по схеме от общего к частному обеспечивает визуализацию и, следовательно, оптимизирует понимание. Обратимся к примеру:

London at 11.15 p.m. Torrents of heavy summer rain. Cab whistles blowing frantically in all directions. Pedestrians running for shelter into the portico of St Paul's Church (not Wren's Cathedral but Inigo Jones's church in Covent Garden vegetable market), among them a lady and her daughter in evening dress. All are peering out gloomily at the rain, except one man with his back turned to the rest, wholly preoccupied with a notebook in which he is writing. The church clock strikes the first quarter (B. Shaw. Pygmalion).

В данном отрывке среди единиц, которые указывают на пространственную отнесенность действия, можно выделить гипероним *London* и гипоним *Covent Garden*, дающие глобальную и локальную характеристику пространства. Ассоциативные отношения складываются между центральным понятием-концептом *London* и концептуально-обусловленными единицами *rain, cab*, обозначающими неотъемлемые составляющие образа Лондона. В выстраивании концептуальной связи также участвуют пространственные маркеры, выраженные в форме топонимов *the portico of St Paul's church, Wren's Cathedral, Inigo Jones's church, Covent Garden vegetable market*. Описание пространства включает достаточно большое число географических названий для приведенного фрагмента, поэтому автор с целью лучшей локализации конкретизирует место действия при помощи вводного предложения с лимитирующей частицей *not*. Данный прием и проанализированные языковые средства позволяют оптимизировать понимание со стороны адресата, поскольку пространство организовано таким образом, что перед глазами читателя как бы «разворачивается» панорама города. Языковые средства *blowing frantically, running for shelter* приобретают особую значимость в визуализации места действия, имплицитно выстраивая пространственные отношения. Они помогают восстановить атмосферу суматохи и суматохи во время дождя в таком районе Лондона, как Ковент-Гарден. Ковент-Гарден известен своей бурной культурной и торговой жизнью.

Ранее было отмечено, что в построении пространственных отношений в драме ключевую роль играют пресуппозиции, имеющиеся у потенциального читателя. В драматургическом тексте единый интегрированный образ пространства расширяется на основе фоновых знаний, которые скрепляют описание. Пространство в таком случае выстраивается по схеме от общего к частному, что позволяет проследить пути развития пространственных отношений от первого предъявления пространственных характеристик. Например:

Act I. Scene I.

Scene: Justin Fogg's room in the offices of Fogg, Fogg, Bamfylde and Fogg, Solicitors. An early-autumn afternoon in London.

The room is rather old-fashioned and *cramped for space*. The walls are lined with books. An arch up Left Centre leads to the rest of the building, and there is a sash window across the corner up Right. A large desk and swivel chair stand in front of the window. There is a chair Centre for visitors, and a table covered with files is against the wall Left. There is a telephone on the desk (A. Christie, *Go Back For Murder*).

В примере вербальная визуализация направлена на актуализацию ментальной модели крохотного офиса. В выстраивании образа классического офиса особую роль получают такие указатели, как *Left Centre*, *Right*, *Centre*, *Left*, которые участвуют в локализации пространства. Употребление этих пространственных ориентиров с заглавной буквы служит условием, оптимизирующим понимание, поскольку дополнительно актуализируются пространственные характеристики описываемого места действия. Использование данных локальных указателей практически в каждом предложении сравнительно небольшого фрагмента дополнительно подчеркивает тесноту офиса, а также задает пространственную организацию в целом.

Ассоциативное развертывание пространственных характеристик осуществляется за счет названия предметов мебели, которые активизируют ассоциативные ряды. Для расширения пространственного маркера *room in the offices*, который имеет обобщающий характер, используются существительные частного характера *books*, *a large desk*, *swivel chair*, *a chair for visitors*, *a table covered with files*, *a telephone*, описывающие внутреннюю обстановку.

В данном фрагменте элементы описания пространства связаны пресуппозиционно. У читателя имеются когнитивные установки относительно того, как выглядит тесный офис. В начале интродукции имеется текстовый пресуппозиционный «ориентир», который выражен оценочным описательным прилагательным *cramped for space*. Таким образом, использованное лингвистическое средство задает вектор выстраивания ментальной модели крохотного офиса.

Контекстная обусловленность пресуппозиции связана с употреблением оценочных и выразительных средств, которые также прогнозируют развитие текстового содержания. В приведенном фрагменте имеется ключевой указатель, выраженный в форме оценочного прилагательного *cramped for space*, который определяет нераспространенную

характеристику пространства. Автор не делает акцент на деталях интерьера офиса, а ограничивается перечислением предметов мебели *swivel chair*, *a desk*, *a table* и др., а также вещей, непосредственно ассоциируемых с офисным помещением *books*, *files* и *telephone*. Кроме того, скудность описательных характеристик может поддерживаться синтаксическими конструкциями. Так, оценочное прилагательное *cramped for space* предполагает неразвернутое описание, которое поддерживается короткими предложениями *The walls are lined with books*, *There is a telephone on the desk*. Нехватка места в офисе акцентируется также при описании стен за счет *Participle II lined*, имплицитно указывающего на размеры пространства. Стоит отметить релевантность употребления оценочного прилагательного *rather old-fashioned*, которое пресуппозиционно связано с такой частью интерьера, как подъемное окно *sash window*. Традиционно подъемные окна со скользящими вверх и вниз двойными рамами, подвешенными на шнурах с блоками и чугунными противовесами, широко использовались много лет назад. Они и сегодня весьма часто встречаются в домах старой постройки и исторических зданиях.

Анализ ассоциативного развертывания при визуализации пространства показывает как может использоваться контраст при описании пространства. Ментальные модели в отдельных композиционно-структурных частях драмы структурированы по одной схеме, но контрастны за счет описательных деталей. Приведем пример, который контрастирует с предыдущим:

Act I. Scene II.

Scene: Philip Blake's office.

It is a very handsome room. A door up Right leads to the outer office. Up Left is a *cupboard for drinks*, let into the wall. A large and ornate desk is Left with a *damask-covered swivel chair* behind it. A chair, to match, for visitors is down Right. Three shaded, electric wall-brackets Right and Left. On the desk there is an intercom in addition to the telephone (A. Christie. *Go Back For Murder*).

В примере вектор развития текстового содержания задает оценочное прилагательное *handsome* с лексическим интенсификатором *very*. Описание пространства получает выражение в основном за счет качественных характеристик предметов мебели. Релевантность употребления таких деталей, как *damask-covered*, *shaded* и *ornate* ассоциативно связаны с экспрессивным средством *handsome*. Данные языковые средства также указывают на

богатое убранство офиса. Так, автор делает акцент на внешнем виде рабочего стола. Ткань, из которой сшиты чехлы на офисные стулья (*damask-covered*), поддерживает атмосферу роскоши и благородства, поскольку имеет богатый внешний вид. Необходимо сказать, что в данном фрагменте при описании интерьера офиса солиситора употребляется типичный предмет мебели, а именно *cupboard for drinks*. Данный пространственный маркер поддерживает создаваемый образ красиво обставленной комнаты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проанализировав роль ассоциативных связей в организации пространства на примере приведенных отрывков, отметим выявленную нами закономерность. В начале интродукции при представлении пространственных характеристик дается некоторое общее описание, выраженное оценочной или нейтральной лексикой, которое получает дальнейшее развертывание за счет описательных деталей, выраженных пространственными маркерами. Модель того или иного пространства

реконструируется / активизируется в тексте за счет определенных ключевых слов с опорой на фоновые знания, которые обуславливают визуализацию места действия. Понимание передаваемых пространственных характеристик обеспечивается пресуппозициями, которые разделяют автор и читатель.

Итак, в данной статье были проанализированы особенности организации пространства в драматургическом тексте. Теоретические положения и анализ пьес позволяет заключить, что театральность (потенциальная сценичность) определяет специфику построения пространства при помощи ассоциативного развертывания с целью лучшей визуализации места действия, а также проиллюстрированы возможности пространственных связей, которые, взаимодействуя, скрепляют на различных уровнях отдельные фрагменты. Поскольку драматургический текст представляет особую сложность для понимания читающей аудиторией, в нем используются средства и приемы, которые ускоряют когнитивную обработку пространственных связей, восстанавливаемых на основе ассоциаций и пресуппозиций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М. : Искусство, 1976.
2. Herman V. *Dramatic Discourse: Dialogue as Interaction in Plays*. London, New York : Routledge, 1998.
3. Piazza R. *Dramatic Discourse approached from a conversational perspective: Catherine Hayes's Skirmishes and other contemporary plays* // *Journal of pragmatics*. 1999. № 31. P. 1001–1023.
4. Short M. *Exploring the language of drama: from text to context*. London ; New York : Routledge, 1998.
5. Бочавер С. Ю. Связность драматического текста и сценическая коммуникация (на материале русской и испанской драматургии конца XIX – начала XX вв.): дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.
6. Хализев В. Е. *Драма как род литературы*. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1986.
7. Shaw H. *Dictionary of literary terms*. New York: McGraw-Hill Book Company, 1972.
8. Гончарова-Грабовская С. Я. *Поэтика современной русской драмы (конец XX – начало XXI века)*. Минск : Белорус. гос. ун-т, 2003. URL: <https://www.bsu.by/Cache/pdf/242883.pdf>
9. Наер В. Л. *Из лекций по теоретическим основам интерпретации текста*. М. : МГЛУ, 2001.

REFERENCES

1. Potebnya, A. A. (1976). *Estitika i poetika = Esthetics and poetics*. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)
2. Herman, V. (1998). *Dramatic Discourse: Dialogue as Interaction in Plays*. London ; New York: Routledge.
3. Piazza, R. (1999). *Dramatic Discourse approached from a conversational perspective: Catherine Hayes's Skirmishes and other contemporary plays*. *Journal of pragmatics*, 31, 1001–1023.
4. Short, M. (1998). *Exploring the language of drama: from text to context*. London ; New York: Routledge.
5. Bochaver, S. U. (2012). *Svyaznost' drammaticheskogo teksta i scenicheskaya kommunikaziya (na materiale russkoy i isspanskoy dramaturgii konza XIX – nachala XX veka) = The integrity of drama and stage communication (on the material of Russian and Spanish plays written at the end of the 19th century – the beginning of the 20th century): PhD in Philology*. Moscow. (In Russ.)
6. Khalizev, V. E. (1986). *Drama kak rod literaturi = Drama as a form of literature*. Moscow: Moscow State University. (In Russ.)

7. Shaw, H (1972). Dictionary of literary terms. New York: McGraw-Hill Book Company.
8. Goncharova-Grabovskaya, S. Ya. (2003). Poetika sovremennoy russkoy dramy (konez XX – nachalo XXI veka) = The poetics of modern Russian drama (the end of the 20th century – the beginning of the 21st century). <https://www.bsu.by/Cache/pdf/242883.pdf> (In Russ.)
9. Nayer, V. L. (2001). Iz lekciy po teoreticheskim osnovam interpretacii teksta = From the lectures on theoretical principles of text interpretation. Moscow: Moscow State Linguistic University. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Грищева Валентина Вячеславовна

преподаватель кафедры стилистики английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Grishcheva Valentina Viacheslavovna

Lecturer of the Department of English Stylistics, Faculty of the English Language,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 13.05.2022	The article was submitted 13.05.2022
одобрена после рецензирования 10.06.2022	approved after reviewing 10.06.2022
принята к публикации 11.07.2022	accepted for publication 11.07.2022

Научная статья

УДК 811.111

DOI 10.52070/2542-2197_2022_8_863_28

Тропеические средства репрезентации концепта UNIVERSE в англоязычном естественно-научном кинодискурсе

С. О. Даминова¹, Е. В. Рыжкина²

¹Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
daminova5@rambler.ru

²Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
phraseologinya@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты изучения и систематизации образных средств концепта UNIVERSE в современном естественно-научном кинодискурсе. Анализ проведен на основе междисциплинарного подхода на принципах и методах исследования когнитивистики, лексикологии, стилистики и естественных наук для выявления содержания и структуры концепта UNIVERSE, а также особенностей его репрезентации в американских естественно-научных кинотекстах.

Ключевые слова: концепт UNIVERSE, английский язык, аудиовизуализация, тропы, естественно-научный кинодискурс, интегративный подход

Для цитирования: Даминова С. О., Рыжкина Е. В. Тропеические средства репрезентации концепта UNIVERSE в англоязычном естественно-научном кинодискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 8 (863). С. 28–34. DOI 10.52070/2542-2197_2022_8_863_28

Original article

Tropes Representing the Concept of UNIVERSE in English Natural Science Media Discourse

Sofya O. Daminova¹, Elena V. Ryzhkina²

¹Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
daminova5@rambler.ru

²Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
phraseologinya@mail.ru

Abstract. The article presents the results of studying and systematizing the figurative means of the UNIVERSE concept in modern natural science film discourse. The analysis was carried out on the basis of an interdisciplinary approach based on the principles and methods of research of cognitive science, lexicology, stylistics and natural sciences to identify the content and structure of the UNIVERSE concept, as well as the features of its representation in American natural science film texts..

Keywords: concept of UNIVERSE, the English language, audiovisualization, tropes, natural science media discourse, integrative approach

For citation: Daminova, S. O., Ryzhkina, E. V. (2022). Tropes representing the concept of UNIVERSE in English natural science media discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(863), 28–34. 10.52070/2542-2197_2022_8_863_28

ВВЕДЕНИЕ

Кинодискурс стал привлекать внимание исследователей с конца прошлого века. Толчком этому послужило появление в 1976 году магнитных носителей – видеокассет VHS, позволяющих записывать и воспроизводить аудиовизуальную информацию. Интерес к кинодискурсу в отечественной науке возник относительно недавно. Первые работы в этой области были посвящены определению и характеристике кинотекста как особого семиотического пространства. Так, кинотекст определяется как «цепочка ядерных кадров» [Цивьян, 1984], или как зафиксированная на материальном носителе последовательность кадров, представляющих собой некое изображение, обычно сопровождаемое звуковым рядом (речью, музыкой, шумами) [Иванова, 2000]. С позиции лингводидактики кинотекст, или аудиовидеотекст (или аудиовизуальный текст), – это «вариант поликодового текста» [Даминова, 2016, с. 93], «продукт речевой деятельности, полученный в результате одновременного протекания двух процессов – зрительного (на экране) и слухового восприятия информации видеофильма, являющийся результатом синтеза информации, представленной в виде изображения на экране, высказываний дикторов, графических вариантов текстов на экране (цитаты, титры, субтитры, графики, схемы и др., а также их сочетание) и звукового фона. Таким образом, аудиовидеотекст представляет собой синтез аудио- и видеотекста» [Даминова, 2013, с. 59].

Данная статья посвящена исследованию вербального образа Вселенной (Universe), представленного в современном американском естественно-научном кинодискурсе, а именно, в текстах научно-популярных фильмов по химии.

Исследование проводится с позиций интегративного подхода, который привлекает «в зону исследования языка данные и инструментарий смежных дисциплин (когнитологии, психологии, культурологии, семиотики и др.) <...> и создает возможности для комплексного и разностороннего изучения языковых явлений с учетом взаимосвязи языковедческой проблематики с вопросами когниции, культуры» [Рыжкина, 2018, с. 116].

Основной целью представленного в статье анализа является выявление содержания и структуры концепта UNIVERSE, а также тропеических средств его представления в американских аудиовидеотекстах по химии.

Материалом для исследования послужили англоязычные научно-популярные медиаматериалы и аудиовизуальные лекции по химии (1989) Университета Мэриленд и Образовательного

центра кинематографа¹. Аудиовизуальные лекции, предназначенные для обучения учащихся основам общей и неорганической химии, представляют объяснение строения химических соединений и их свойств с помощью компьютерной анимации и разнообразных наглядных средств. Вербальная сторона данных поликодовых текстов отличается высокой степенью экспрессивности, обилием выразительных средств и, в частности, тропов и фразеологизмов, что, в свою очередь, повышает доступность представленной информации для учащихся, стимулирует их интерес и мотивацию к изучению химии. Вместе с тем используемые авторами образные средства отражают особенности концептуализации Вселенной в английской языковой культуре и дают нам более точное представление об изучаемом фрагменте англоязычной картины мира.

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА UNIVERSE В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОМ КИНОДИСКУРСЕ

Методологической основой исследования послужили современные работы по лексикологии, фразеологии, стилистике, когнитивной лингвистике, теории дискурса, лингвокультурологии, философии и, в частности, с опорой на основные положения диалектики.

Так, с позиции диалектики в естественных науках изучаются две объективно существующие области – макромир и микромир, различающиеся своей структурой, свойствами и способами описания. Макромир составляют макрообъекты, которые могут восприниматься человеком (от песчинок до Вселенной), а микромир составляют микрообъекты, чьи размеры слишком малы для человеческого восприятия (электроны, ядра, атомы, молекулы) [Философский словарь, 1987].

Проведенное исследование показало, что в естественно-научных фильмах конца прошлого века концепт UNIVERSE был представлен в рамках двух фреймов – макромира и микромира, в то время как в современных фильмах того же жанра Вселенная (Universe) предстает в виде совокупности таких фреймов, как субмакромир, макромир, микромир и субмикромир.

Кроме того, анализ вербальной составляющей исследованных фильмов позволил выявить тропы, которые наиболее часто используются для

¹Chemistry and the Environment. The Annenberg/CPB Collection P. O. Box2345 S. Burlington, VT05407–2345.

выразительного отражения концепта UNIVERSE в американском естественно-научном кинодискурсе.

Рассмотрим подробнее средства образности, употребляемые для репрезентации этого концепта.

ПОЗНАНИЕ МАКРОМИРА. ПОЗНАНИЕ ВСЕОБЩИХ ЗАКОНОВ ДВИЖЕНИЯ МАКРОТЕЛ. ПОЗНАНИЕ ЗАКОНОВ РАЗВИТИЯ ПРИРОДЫ

Жизнь – совокупность циклических физико-химических процессов

Для вербализации данной составляющей концепта UNIVERSE в американских фильмах сложный образ цикличности жизненных процессов представлен в основном метафорами с эффектом олицетворения. Например, приведенная ниже развернутая метафора состоит из цепочки частных метафор и фразеологизмов:

And in our bodies, all kinds of ingenious circles shuttle around molecules and energy. <...> It has those marvellous circles of carbon dioxide, of water, of sulphur, of other elements and compounds and we are a part of those circles. <...> Animal wastes return to the Earth. Sooner or later animals themselves return to the Earth. There, fungi bacteria break them down into simpler compounds that are absorbed again by plants and the circle continues. Life is a complex web of chemical circles, set of balanced reactions automatically powered by sunlight. The whole Earth makes up a giant bank of chemical compounds.

Представленная в фильме метафора создает интегрированный образ Вселенной как живого существа на основе лингвистической и экстралингвистической информации, передаваемой посредством аудиотекста, и одновременно видеоряда. Созданный сложный образ сфокусирован на метафоре *return to the Earth*, которая является устойчивой единицей языка, а именно фразеологизмом библейского происхождения, и традиционно относится к человеку, подразумевая смерть и возвращение в землю¹. В данном тексте оборот применяется в отношении других живых существ, что концептуально уравнивает всех населяющих Землю.

Другая важная идея – о цикличности жизни во Вселенной – также восходит к Библии; она вербализована при помощи серии частных метафор: *the circle continues*, *Life is a complex web of chemical circles* и др. Структурирующий данный фрагмент

¹В поте лица твоего снеси хлеб твой, дондеже возвратишия в землю, от нея же взят еси: яко земля еси, и в землю отыдеши (Быт. 3 : 17).

метафорический концепт, через который раскрывается идея цикличности пространственно-временной организации мира, передает среди прочего информацию о том, что жизнь состоит из биогеохимических циклов элементов (кислорода, азота, серы, фосфора и др.) и веществ (воды, диоксида углерода). Примечательно, что использованная здесь лексема *circle*, реализуется одновременно в двух разных знаковых функциях – как терминологическая единица («цикл») и как образное средство.

Земля – разумное существо.

Земля – наш родной дом

Данные метафорические концепты, которые в изучаемых текстах нередко активизируются параллельно, связаны со сложным характером взаимодействия природы и человека, а также значимостью природы для человека. С одной стороны, действуя себе во благо, человек свободно распоряжается природными ресурсами Земли, с другой – его деятельность наносит непоправимый ущерб окружающей среде. Например, в одном из фрагментов рассматриваемого фильма эта идея раскрывается с помощью развернутой метафоры-олицетворения:

It would be fine if the Earth had to deal only with our bodies. But we also make tools and not only hammers, but cars and chemical factories and power plants. And these tools magnify our actions and as we use them to better the way that we live, we sometimes discard into the environment something or a lot of it. What we dump or spill, however, we foul on our nest, it may hurt us!

В данном эпизоде развертывается образ Земли как живого и, главное, разумного существа, которое обладает личностными характеристиками. Так, в первом предложении наша планета представлена как личность, которой приходится участвовать в единоборстве с человечеством, противостоять пагубным результатам его деятельности. Центральное место в созданном образе занимает метафора-фразеологизм *foul one's own nest*, который был создан путем усечения пословицы *It is an ill bird that fouls its own nest* (Только дурная птица поганит свое гнездо [Кунин, 2006, с. 671]).

Следует отметить, что кодифицированная идиома, созданная на основе этой пословицы, *to foul one's own nest* (разглашать семейные ссоры, дразни ≈ выносить сор из избы [там же]) здесь использована в окказиональной форме – *foul on our nest*, что совместно с другими элементами контекста создает условия для буквализации ее значения. В итоге возникает эффект двойной актуализации, так что фразеологизм воспринимается прежде всего в прямом значении – «пачкать свое гнездо» – на фоне его фигурального

значения и особенно в контексте нравоучительного смысла поговорки: только негодный человек способен наносить вред своей родной земле.

Лексема *nest*, которая является компонентом фразеологической единицы / поговорки, играет и самостоятельную роль в формировании сложного и емкого образа Земли. По данным электронного этимологического словаря, помимо своего основного значения «птичье гнездо, место для выведения птенцов» (*structure built by a bird or domestic fowl for the insulation and rearing of its young*), слово *nest* приобрело номинативно закрепленное фигуральное значение «а comfortable home»¹ («родной дом, уютный уголок, кров»). В пространстве английской лингвокультуры оно воплощает один из наиболее важных концептов: NEST is HOME (гнездо как родной дом, реке – родная земля, родина). В рассматриваемом примере ценностно-смысловое содержание концепта NEST переносится на более масштабный объект – на всю нашу планету, которая представляется как общий родной дом человечества. Созданный образ транслирует не только положительную оценку, которая интегрирована в содержательную структуру этого концепта, но также эмотивные смыслы, не столь однозначные в данном тексте. Амбивалентный характер эмотивности связан с экспрессивно-образной формой представления основного содержания концепта NEST, который в данном случае встроен в более сложную смысловую структуру. Как уже упоминалось выше, посредством развернутой метафоры автор изображает нашу планету как живое существо, разумное и достаточно могущественное, чтобы дать отпор человеку (*it may hurt us!*).

С этим образом неразрывно связана идея о том, что **Земля – не свалка для отходов**. Эта мысль реализуется, к примеру, через серию метафор в следующем фрагменте:

Obviously, it is more and more apparent that the world is not *an endless sink or an endless disposal area* for things that we manufacture.

Наша планета – не место для бесконечного слива жидких отходов или бездонная свалка вещей, которые мы производим².

Наука спасет мир

В изученных естественно-научных фильмах массово используются метафоры-олицетворения, которые приписывают науке роль могущественной силы, наделяющей человека новыми возможностями.

¹Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/>

²Зд. и далее перевод иллюстративных примеров наш. – С. Д.

В примере, приведенном ниже, химические предприятия видятся как всемогущие существа:

There are bodies of integrated chemical factories. They *take in molecules, they break them down* and then *reshape* them into still more complex ones.

Химические вещества также изображаются живыми существами, которые «спасают» или «уничтожают», «стирают с лица Земли».

It [DDT] probably saved hundreds of thousands of lives from insect-borne diseases like malaria. Today DDT is banned in most of western counties because it also killed fish and nearly wiped out several types of birds.

Идею взаимосвязи химии, природы и общества, включая его экономическую жизнь, передают метафоры-олицетворения, представленные в основном фразовыми глаголами с идиоматичным значением и собственно идиомами.

...we cannot do much about the trace amounts of carcinogens that are present in food, why should we *add to this burden* that we already have by increasing the level of exposure to carcinogens? Then it *boils down to* money. <...> Chemical waste is money *down the drain or up the stack*. <...> the disposal is always *the last resort*.

Приведенный фрагмент текста отличается высокой идиоматичностью. Его смысловая структура сфокусирована на идее дополнительного негативного воздействия загрязнения окружающей среды, выражающегося в неизбежных финансовых затратах на устранение его последствий. Данный элемент смысла вербализуется посредством метафорической идиомы *to add to the burden* (усугубить уже существующую проблему) и фразового глагола *to boil down to* (сводиться к чему-либо). Заслуживает внимания тот факт, что компонент идиомы *burden* представляет собой самостоятельную метафору, которая напрямую ассоциируется с финансовым бременем. Последующее высказывание развивает концептуальную метафору *POLLUTION is EXPENSE* (загрязнение – это расходы). Интересен в данном случае лексический выбор автора, который использует контаминацию идиомы (*to go down the drain* (букв. 'в канализационную трубу', *впустую, на ветер* [Кунин, 2006, с. 265]) с устойчивым выражением нефразеологического характера *up the stack* (*вылететь в трубу*, букв. 'вверх по дымовой трубе'). Происходящая при этом буквализация значения идиомы значительно усиливает выразительно-образительные качества самого фразеологизма и данного фрагмента текста. Этот

эффект уравнивается стершейся метафорой – идиомой *the last resort* (*крайний случай, крайняя мера*; от фр. *en dernier resort* – *последний апелляционный суд*¹), которая в настоящее время лишена яркой образности и употребляется скорее как клише. Здесь это выражение служит своего рода завершающим аккордом в разворачивании метафорического концепта.

Финансовый подтекст современной переработки отходов обнаруживается при более глубоком рассмотрении следующего фрагмента:

The waste water collection system *picks up* spills and chemical leaks from all plant's operations. As much waste as possible is separated from the water and recycled. Oil can be *skimmed off* and used as fuel.

Фразовый глагол *to pick up*, который в данном контексте реализуется в своем прямом значении «подбирать, собирать», в том числе в составе устойчивого клише *to pick up litter* (*собирать мусор*), задает смысловой вектор текста, включая его финансовый аспект – по ассоциации с созвучным выражением *to pick up bills* (*платить по счетам*). Таким образом актуализируется метафорический концепт POLUTION is EXPENSE. Однако в данном фрагменте автор указывает и на оборотную сторону рассматриваемого явления: при правильном подходе переработка отходов может приносить доходы. Так, нефтяные фракции стоков могут вторично использоваться как топливо. Этот смысловой компонент текста реализуется с опорой на фразовый глагол *to skim off*, который здесь создает полисемантический эффект. С одной стороны, он реализуется в буквальном значении «to clear (a liquid) from matter floating on the surface, lift the scum from something»² (очищать жидкость от вещества, плавающего на ее поверхности; удалять известковый налет с поверхности чего-либо). С другой стороны, этот глагол имеет и второй, образный, план, который создается по ассоциации с идиомами, элементом которых является глагол *to skim (off)*, например, *to skim off the top* и *to skim the cream off* (*снимать сливки, забирать самое лучшее*). Кроме того, первое из выражений, так же как и сам фразовый глагол *to skim off*, может иметь сленговое значение «собирать деньги, наживаться на чем-то», что тоже служит метафорической репрезентацией рассматриваемого концепта.

¹Online Etymology Dictionary. <https://www.etymonline.com/>

²Online Cambridge Dictionary. <https://dictionary.cambridge.org/ru/>

ПОЗНАНИЕ МИКРОМИРА И ЗАКОНОВ, ПО КОТОРЫМ ОН РАЗВИВАЕТСЯ

Согласно проведенному исследованию для репрезентации данного фрейма в проанализированных фильмах используются разнообразные тропеические средства, такие как сравнение, метафора и фразеология. Например:

Like DDT, PCBs have stable carbon-chlorine balance. Like DDT they are non-polar, so they dissolve and accumulate preferentially in body fat.

Подобно ДДТ, ПХД (полихлорированные дифенилы) имеют прочные хлор-углеродные связи. Как и ДДТ, полихлорированные дифенилы неполярные вещества, поэтому они могут растворяться и накапливаться преимущественно в жировых тканях.

Полихлорированные дифенилы, как и инсектициды, являются устойчивыми химическими соединениями, поэтому попадая в окружающую среду, они представляют собой угрозу для человека из-за своей токсичности. Степень токсичности химикатов передается ниже через термин-метафору:

Most chemicals in the environment can be toxic in large doses. Most chemicals, in fact, have a *threshold dose* of toxicity.

Threshold dose (*пороговая доза*) – термин, образованный в результате метафорического переноса. Аналогично в следующем контексте можно наблюдать термин-метафору (*greenhouse effect* – *парниковый эффект*), а также перифразы и собственно метафоры:

More and more *carbon dioxide traps* more and more heat – *the greenhouse effect*. <...> Obviously, it is more and more apparent that the world is not *an endless sack* or *an endless disposal area* for things that we manufacture...

Как уже упоминалось, в современном естественно-научном кинодискурсе концепт UNIVERSE представлен на следующих уровнях: мегамир, макромир, микромир, субмикромир.

Проведенный анализ ряда таких фильмов показал, что в них используется большей частью термины, образованные в результате метафоризации, а также частотны метафоры с эффектом олицетворения и идиомы. Так, в следующем

примере можно наблюдать практически все из перечисленных образных средств:

Its molten core *churns*, generating a magnetic field that *envelops* the planet. Erupting volcanoes spew gases and *pave new lands with fresh lava*. Earth's surface is a *jigsaw puzzle* of continent-sized *rocky plates that push, rub, and clash against one another* – *powerful processes that build mountains and reshape landscapes*.

Наиболее интересным здесь представляется окказиональное использование идиомы *to pave the way* (*проложить путь к чему-либо*) как часть сложного приема олицетворения, который служит репрезентацией метафорического концепта ПРИРОДА – это СТРОИТЕЛЬ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ англоязычных естественно-научных фильмов позволил установить, что наиболее частотными средствами образности,

позволяющими доступно и эмоционально передать содержание, являются метафора, сравнение, перефраз, а также фразеологические единицы разных типов. Данные средства выразительности перечислены по мере уменьшения частотности их использования в изученных кинотеках.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что используемые тропеические средства в естественно-научных киноматериалах эффективно дополняют видеоряд и способствуют лучшему восприятию информации. Однако их чрезмерное или неудачное употребление может привести к дисконмуникации, непониманию содержания фразы или целого эпизода, как например, в предложении: *And in our bodies, all kinds of ingenious circles shuttle around molecules and energy*. Представляется, что в данном случае мысль о важнейших циклических биохимических процессах, происходящих внутри нашего организма, не стоило оформлять при помощи столь сложной метафоры, но ее можно было бы представить, используя естественно-научный язык.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Цивьян Ю. Г. К метасемиотическому описанию повествования в кинематографе // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 641. Тарту, 1984. С. 109–121.
2. Иванова Е. Б. Художественный видеофильм как тип текста // Языковая личность: проблемы межкультурного общения: тезисы науч. конф., посвящ. 50-летию фак-та иностр. яз. Волгоградского государственного педагогического университета, 3–4 февр. 2000 г. Волгоград : Перемена, 2000. С. 30–31.
3. Даминова С. О. Развитие умений иноязычного общения на основе аудиовизуализации. 2-е изд. М. : ЛЕНАНД, 2016.
4. Даминова С. О. Аудиовидеотексты как эффективное средство обучения иноязычному общению // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 2 ч. Ч. I. Тамбов : 2013. № 7 (25), С. 58–63.
5. Рыжкина Е. В. Методология исследования фразеологической окказиональности в условиях полипарадигмальности (на материале английского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 16 (811). С. 115–131.
6. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 5-е изд. М. : Политиздат, 1987.
7. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Русский язык Медиа, 2006.

REFERENCES

1. Tsyvjan, Yu. G. (1984). K metasemioticheskomu opisaniju povestvovaniya v kinematografe = On metasemiotic description of narrative in cinematograph. Transactions of Tartu State University, 641, 109–121. (In Russ.)
2. Ivanova, E. B. (2000). Hudozhestvennyj videofil'm kak tip teksta = Feature video as a type of text. Yazikovaja lichnost': problemy mezhkul'turnogo obschenija (pp. 30–31). Volgograd: Peremena. (In Russ.)
3. Daminova, S. O. (2016). Razvitije umenij inozazychnogo obschenija na osnove audiovizualizatsiji = The development of communicative skills in a foreign language on the basis of audiovisualization. 2nd ed. Moscow: LENAND. (In Russ.)
4. Daminova, S. O. (2013). Audiovideoteksty kak jeffektivnoe sredstvo obuchenija inozazychnomu obshheniju = Audiovideotexts as an effective means of developing communicative skills in a foreign language. Philological studies. Issues of theory and practice, 7(25), 58–63. (Vol. I). Tambov. (In Russ.)

5. Ryzhkina, E.V. (2018). Methods and principles of researching idiomatic creativity in terms of polyparadigmatic approach (based on english phraseology). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 16(811), 115–131. (In Russ.)
6. Frolov, I. T. (Ed.). (1987). Filosofskij slovar' = Philosophical dictionary. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
7. Kunin. A. V. (2006). Anglo-russkij frazeologicheskij slovar' = English-Russian Phraseological Dictionary. Moscow : Russkij jazyk Media.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Даминова София Оскаровна

кандидат химических наук, кандидат педагогических наук, доцент,
заведующая отделом английского языка факультета наук о материалах
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Рыжкина Елена Викторовна

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры лексикологии английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Daminova Sofia Oskarovna

PhD (Chemistry), PhD (Pedagogy), Assistant professor, Head of the English Language Department,
Faculty of Materials Science, Lomonosov Moscow State University

Ryzhkina Elena Viktorovna

PhD (Philology), Assistant Professor, Department of English Lexicology, Faculty of the English Language,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 16.05.2022
одобрена после рецензирования 17.06.2022
принята к публикации 11.07.2022

The article was submitted 16.05.2022
approved after reviewing 17.06.2022
accepted for publication 11.07.2022

Научная статья

УДК 811.134.2

DOI 10.52070/2542-2197_2022_8_863_35

Топонимы в латиноамериканском песенном реггетон-дискурсе

А. Ю. Дорофеева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

AlexD1995@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются функции топонимов в песенном дискурсе жанра реггетон. Топонимы рассматриваются как социокультурные реалии. В результате исследования устанавливается эмоциональная составляющая топонимов, связанная с духовной и культурной значимостью упоминаемых географических объектов в системе ценностей авторов и исполнителей. Предпринята попытка определить важность и значимость топонимов в латиноамериканском песенном дискурсе жанра реггетон. Сделан вывод, что данные лексические единицы отражают концепт «патриотизм» в национальной картине мира латиноамериканцев.

Ключевые слова: реггетон, песенный дискурс, песенный текст, топонимы, лингвокультурный потенциал

Для цитирования: Дорофеева А. Ю. Топонимы в латиноамериканском песенном реггетон-дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 8 (863). С. 35–42. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_8_863_35

Original article

Toponyms in the Discourse of Reggaeton

Alexandra Yu. Dorofeeva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

AlexD1995@mail.ru

Abstract. The article analyzes the functions of toponyms in the song discourse of the reggaeton genre. Toponyms are considered as socio-cultural realities in modern Latin American reggaeton song discourse. As a result of the study, the emotive component of toponyms is established, which is associated with the spiritual and cultural significance of the geographical objects mentioned in the value system of authors and performers. The tasks of determining the importance and significance of toponyms in the Latin American song discourse are solved and it is concluded that these lexical units reflect the concept of patriotism in the national picture of the world of Latin Americans.

Keywords: reggaeton, song discourse, song text, toponyms, linguistic and cultural potential

For citation: Dorofeeva, A. Yu. (2022). Toponyms in the Discourse of Reggaeton. Vestnik of the Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(863), 35–42. 10.52070/2542-2197_2022_8_863_35

ВВЕДЕНИЕ

Реггетон – особый песенный жанр латиноамериканской испаноязычной культуры, и сегодня он переживает свое возрождение. Интерес к реггетону с позиции современных наук, лингвистики и культурологии, определяется глубокой исторической традицией этого жанра, уходящую корнями в карибскую культуру африканского влияния. Жанр реггетон имеет фольклорную основу, и в симбиозе музыки и текста данной песенной культуры слову принадлежит ведущая роль, поэтому дискурс здесь имеет свою специфику.

Известно, что народная песенная культура отражает особенности национальной картины мира и воплощает присущую ей систему ценностей. Именно поэтому песенный дискурс выступает сегодня объектом исследования современных ученых-языковедов.

Ю. Е. Плотноцкий определяет песенный дискурс как корпус текстов песенной лирики, «разнообразие которых обусловлено прагматическими, социокультурными и психологическими особенностями как авторов, так и ситуации предъявления песенного текста адресату» [Плотноцкий, 2002, с. 182]. А. Ю. Морозов и Т. А. Морозова определяют песенный дискурс как «особый “мультисемиотический” тип дискурса, в котором вербальный компонент взаимодействует с невербальным, а участники определенного действия вступают в достаточно сложные взаимодействия» [Морозов, Морозова, 2002, с. 114].

Характерной особенностью дискурса реггетона является высокая частотность употребления топонимов, которые в текстах выступают как самостоятельные культурно значимые концепты. Ценность топонимов с этой точки зрения не раз становилась предметом исследования отечественных ученых. Ю. М. Лотман отмечал, что «вся интеллектуальная история человечества может быть рассмотрена как борьба за память», а топонимика как раз, по его мнению, относится к «памятным знакам» [Лотман, 2010].

В отечественной испанистике топонимы изучали Г. С. Сударь (2007), Н. М. Фирсова (2002), О. С. Чеснокова (2011) и др. Культурно значимая ценность топонимов зафиксирована в специальных топонимических словарях, таких как «Словарь географических названий Латинской Америки» [Литвин, 1975] и «Словарь топонимической лексики Латинской Америки» [Литвин, 1983], «Новейший топонимический словарь» [Поспелов, 2007].

Ввиду недостаточной степени изученности топонимики в разных видах дискурса, в том числе песенном, нами была выбрана данная область исследования. *Объектом* изучения стали песенные тексты современных латиноамериканских исполнителей реггетона. *Цель* статьи – определить особенности

употребления топонимов в испаноязычном песенном дискурсе жанра реггетон. *Задачи* – определить на основе имеющегося материала типичные топонимы и выявить национально-культурный и прагматический потенциал использованных топонимов в речи исполнителей жанра реггетон. Цели и задачи определили *методологическую основу* исследования, которая включает методы интерпретации, количественного и компонентного анализа, лексико-стилистического анализа. *Источниками* исследования послужили тексты песен пуэрториканских и колумбийских исполнителей, размещенные на открытом музыкальном интернет-портале Letras de canciones¹.

ТОПОНИМИКА В ПЕСЕННОМ ДИСКУРСЕ РЕГГЕТОН

Нами был проанализирован «Рейтинг песен жанра реггетон по популярности в 2021 году»² и отображены самые популярные песни этого жанра.

Методом выборки из 36 песен, содержащих топонимы, было выделено 67 топонимов, среди которых встречаются: кратонимы (онимы стран), астионимы (онимы городов), хоронимы (онимы районов), инсулонимы (онимы островов), колоквиальные топонимы (разговорное наименование географического объекта).

Астионимы

Проведенный анализ свидетельствует о том, что в нашей выборке наиболее частотной группой топонимов являются **астионимы**: *Medellín, Buenos Aires, Miami*. Колумбийские реггетонеры Blessed, Maluma, Manuel Turizo, Kevin Roldan, JAlvarez, Jamby el Favo неоднократно обращаются к астиониму *Медельин*, выражая этим особое отношение к своему родному городу и чувство гордости за принадлежность к нему. Автор, а вслед за ним и исполнитель как бы транслируют: «я простой парень из Меделина, и я горжусь этим». Медельин в реггетон-дискурсе превращается в своего рода ключ, символ опознавания «свой – чужой» и позволяет автору находить своего слушателя. Представительницы женского реггетона Farina, Karol G также не обходятся без упоминания столицы Колумбии в своем творчестве, называя себя: *la nena de Medellín – девочка из Медельина*³, что указывает на гордость своими корнями колумбийских исполнительниц (см. табл. 1).

¹URL: <https://www.letras.com/>

²URL: <https://open.spotify.com/playlist/1c4gvzJ3RobhdaHmJLXE8T>

³Зд. и далее перевод наш. – А. Д.

Таблица 1

Исполнитель	Песня	Оригинал	Перевод
Blessed и Maluma	«Imposible»	Desde el barrio Antioquia De Medellín, Colombia.	Из района Антиокии Из Медельина, Колумбия.
Blessed	«Imposible»	Pero matamo' esta curiosidad, ma' (hecho en Medellín.)	Но мы удовлетворим это любопытство, ма (сделанный в Медельине).
Maluma y ManuelTurizo	«Amor en Coma»	De Medellín , parcero, Colombia. Manuel Turizo y Papi Juancho.	Из Медельина, брат, Колумбия. Мануэль Турисо и Папи Хуанчо.
Kevin Roldan, J Alvarez, Jamby el Favо	«La suite»	Yo te lo prometí, que no me olvidaría de ti La más chimba de Medellín y no me las pico.	Я тебе пообещал, что я о тебе не забуду. Ты самая крутая в Медельине, и я не клюю на них.
PtaZeta & Farina	«Trakatá»	Tenemo' la connect desde Canarias a Medellín. Con Farina, la nena fina de Medellín.	У нас связь от Канар до Медельина. С Фариной, хрупкой девочкой из Медельина.
Karol G	«El Poblado»	Todo' quieren un chin (papi). Es la nena de Medellín.	Все хотят чинь-чинь. Это девочка из Медельина.

Таблица 2

Исполнитель	Песня	Оригинал	Перевод
TINI	«Maldita foto»	Los besos que nos dimos tú y yo en Buenos Aires.	Поцелуями, которыми мы обменялись в Буэнос-Айресе.
Boza	«Ella»	Fuma melaza y se achina. Divina, de Buenos Aires , Argentina.	Курит мелассу и становится похожей на мулатку. Богиня из Буэнос-Айреса, Аргентина.

Патриотичное отношение к своей родине и восхваление женской красоты аргентинок проявляется и в песенных текстах аргентинских исполнителей TINI и Boza, которые упоминают столицу Аргентины Буэнос-Айрес (см. табл. 2).

В реггетон-текстах Maria Becerra & JBalvin, Wisin & Jhay Cortez, Karol G, Maluma & Blessed, Kevin Roldan & J Alvarez & Jamby el Favо, Feid было обнаружено несколько топонимов городов в США, таких как Бостон, Майями и Лас-Вегас. Появление топонимации США обусловлено взаимодействием латиноамериканских исполнителей

с англоязычными представителями рэп-культуры (см. табл. 3).

Двигаясь далее по географической карте мира через творчество реггетонерос, наблюдается тенденция к упоминанию столичных европейских городов, в отличие от вариативной топонимики южноамериканского континента. В песнях Maluma и Justin Quiles встречаются географические отсылки к столицам Испании, Великобритании и Франции, что позволяет сделать вывод, что в поисках своей единственной герою их песни пришлось доехать даже до Старого Света (см. табл. 4).

Таблица 3

Исполнитель	Песня	Оригинал	Перевод
Maria Becerra & J Balvin	«Qué más pues»	Tú de vacacione' en Boston y otro apareció primero. Y me está' empalagando y eso que no e' golosina.	Ты на каникулах в Бостоне и другой появился первым. И мне это внушает отвращение и это не влечение.
Wisin & Jhay Cortez	«Fiel»	Tú solo pide y te llega la entrega. Que mañana nos vamos a Las Vegas .	Ты только попроси и к тебе придет твой заказ – завтра мы отправимся в Лас Вегас.
Karol G	«Sejodiotito»	En Miami en una moto Si el traje se me sube, se me vio to'.	В Майями на мотоцикле, Если у меня поднимется костюм, то будет видно всё.
Maluma & Blessed	«Imposible»	Voy pa' Miami , ven, llégame de surprise.	Еду в Майями, приезжай, сделай сюрприз.
Kevin Roldan & J Alvarez & Jamby el Favo	«La Suite»	Vamo' pa' Miami , pa' Las Palma ' en Urique.	Едем в Майями, в Лас Пальмас в «урусе».
Feid	«Chimbita»	¿Cuándo va a invitar a parchar a Miami con el Ferxxo, con Sky?	Когда Вы пригласите уладить в Майями с Ферксо, со Скай?

Таблица 4

Исполнитель	Песня	Оригинал	Перевод
Maluma	«La botella»	Ya he pasado por Hawái y Madrid (yeah, yeah) Me he comido cuántos culos por ahí.	Я проехал Гавайи и Мадрид, Я не знаю, со сколькими девушками был там.
Justin Quiles	«Contradicción»	Dime ¿dónde te escondes? He viajado a París y a Londres . He pregunta'o por tu nombre.	Скажи мне, где ты прячешься. Я отправился в Париж и в Лондон. Я спрашивал там твоё имя.

Хоронимы

Пуэрториканские реггетонеры Don Omar, Nio García, Jhay Wheeler прибегают к наименованиям районов Пуэрто-Рико, неоднократно упоминают названия жилых микрорайонов и кварталов, подчеркивая связь с микрородиной и противопоставление «бедный район – элитный район» (см. табл. 5).

Аргентинские исполнители Trueno & Tiago PZK в первом совместном музыкальном произведении аргентинских артистов Salimo de Noche не остаются в стороне и прибегают к использованию хоронимов, говоря о своей сердечной привязанности к родному району (см. табл. 6).

Ла Бока – район Буэнос-Айреса, в котором проживает рабочий класс и в котором родился исполнитель Trueno, поэтому он указывает на то, что знает всё в этом районе, гуляя по его улицам, и он,

выходец из трущоб, хочет своим творчеством прославить свое месторождения и гордится им. Монте – коллоквиальный топоним города Сан-Мигель-дель-Монте провинции Буэнос-Айрес.

Колумбиец Reucon в песне «La Suite» упоминает пляж элитного района Бока Гранде, в провинции Картахена и парк Льерас, расположенный в Медельине, районе Эль Побладо, а также астионим *Miami* и инсулоним *Las Palmas*, чтобы показать, что герои начинали с малого, встречались в местных локациях, но со временем, мужчина, наладив свое финансовое положение, может предложить ей больше. Представительница колумбийского реггетона Karol G приглашает других исполнителей встретиться в El Poblado – это 14-я коммуна Медельина, который является главным центром промышленной и коммерческой жизни Колумбии (см. табл. 7).

Таблица 5

Исполнитель	Песня	Оригинал	Перевод
Don Omar	«Flow HP»	Desde Carolina , hasta La Puntilla . Mucha guapería con babilla. Urba y Rome cocinando reggaetone' Con aceite de freír, alcapurria' en Piñone' Pegando con to' los nudillo' A lo Villa Margarita en Trujillo .	От Каролины до Ла Пунтия. Много бахвальства/ фанфаронства с некрасивыми женщинами. Урба и Роме, готовя песни реггетон С маслом для жарки алькапурриас в Пиньонес. Стуча костяшками пальцев, Так как это делают в Вилья Маргарита, в Трухийо.
NioGarcía	«10AM»	Me da' la verde y llego ante' de la' once. Salimo'e Carolina , terminamo' por Ponce .	Она мне даёт зеленый свет и приезжаю до 11. Мы выезжаем из Каролины, доезжаем до Понсе.
Jhay Wheeler	«La curiosidad»	La' otra' son parking, como dicen en Ponce .	Другие – для парковки, как говорят в Понсе.
Daddy Yankee	«Métele al perreo»	Dale, Baya-Baya-Baya-Bayamón ¡Suenan la music!	Давай, Байя-Байя-Байямон... Звучит музыка!
Bad Bunny	«Dakiti»	Si fueras la Uru, me tuvieses parqueao'. Dando vueltas por Condado , contigo siempre arrebatoo'	Если бы ты была «урус», я был бы припаркован. Проезжая по Кондадо, всегда тобой восхищаюсь.
Anuel AA & JhayCortez	«Ley Seca»	Y vamo' al parche. Te estira' pa' que te cache. E' de Humacao , por eso la H (uah).	И поедем в местечко Ты вытянешься, чтобы я тебя шлепнул. Она из Умакао, поэтому с буквы «H».
Sech	«Sal y Perrea»	Dice que no, pero llega borrachita. Tequila y sal, y la blusa se la quita Se besa con la amiga perreando en La Placita.	Говорит нет, но приходит пьяненькая. Текила и соль и блузку снимает. Целуется с подругой, танцует перрео на Пласита.

Таблица 6

Оригинал	Перевод
<p>Pasé por La Boca, me fui para Monte Hasta el otro día, ah Mami, yo tengo al barrio (ready para darle) / Oh-oh-oh, yo les traje reggaetón y el de ante</p> <p>Aunque tenga a mis turros en La Boca Siempre, ah, ando (ando) solo (solo) Yo creo que Argentina está pidiendo perreo ¿Qué onda, ñeri? Esto se puso feo Yo pongo La Boca por todo el planeta</p>	<p>Прошелся по Ла Бока, уехал в Монте До следующего дня. Мами, я держу район (готовый танцевать), Я им принес реггетон тот, который был раньше.</p> <p>Даже если все мои кореш в Ла Бока, Я всегда шагаю один, Я думаю, что Аргентина просит перрео. Как дела, чуваки? Это становится некрасиво. Я продвигаю Ла Бока по всей планете.</p>

Таблица 7

Исполнитель	Песня	Оригинал	Перевод
Reykon	«La Suite»	Tú y yo escapado, ese e' el plan. De un perreito en la playa Boca Grande .	Ты и я сбежавшие, это и есть план С перреео на пляже Бока Гранде.
Reykon	«La Suite»	Como ese día, mami, en el Lleras , tú estabas soltera.	Как тогда в Ллерасе, ты была одна.
		Mami, vamo' pa' la suite En la orilla de PR , en el condado Bandeville .	Мами, поедем в сюит На берегу Пуэрто Рико в коммуне Бандевиль.
		Vamo' pa' Miami , pa' Las Palma' en Urique	Поехали в Майями, в Лас Пальмас в «уруссе».
KarolG, Nicky Jam, Crissin, Totoy El Frio y Natan & Shander	«El Poblado»	Te veo en El Poblado , pues. Y vamo' a subir el blackout pa' ver El Poblao' completo	Я тебя увижу в Эль Побладо. Поднимем шторы, чтобы увидеть Эль Побладо целиком.

Кратонимы

В латиноамериканском песенном дискурсе рекуррентны и **кратонимы**. В песенном дискурсе жанра реггетон нами были выделены такие кратонимы, как Puerto Rico, Colombia, España, Argentina, Japón. Исполнители Karol G, María Becerra,

Don Omar посредством топонимов выражают патриотическое отношение к своей стране и гордость быть рожденным в ней, а J Alvarez, апеллируя к кратониму *Япония*, говорит о готовности героя отвезти свою возлюбленную на другой конец света (см. табл. 8).

Таблица 8

Исполнитель	Песня	Оригинал	Перевод
Kevin Roldan, J Alvarez, Jamby el Favo	«La Suite»	Bailando reggaetón, a ti te gusta un montón. Si quiere' te llevo hasta Japón , eу.	Танцую реггетон, тебе очень нравится он. Если хочешь, я тебя отвезу до Японии.
Don Omar	«Flow HP»	Esto es Puertoorro , puñeta, desde Las Antilla'	Это пуэрториканец, крутой перец, с Антильских Островов
Karol G	«Sejodioto»	Ese tío no es de España y 'tá cachondo (jajaja).	Он не из Испании и он заведен.
		Tengo que sudarla gota a gota Y, en Colombia , to' me gritan: mamasota.	Я должна работать в поте лица И в Колумбии все мне кричат: «Мамасита».
PtaZeta \$ Farina	«Trakatá»	La nena de Argentina , Este party no termina En la casa de Argentina	Девочка из Аргентины, Эта вечеринка не заканчивается Дома в Аргентине.
María Becerra	«Mi debilidad»	Eу, la nena de Argentina .	Эй, девочка из Аргентины.

Инсулонимы

Реггетонеры Maluma, María Becerra (part. TiagoPZK), Nío García, PtaZeta & Farina используют инсулонимы для выражения патриотического

отношения к своему родному острову, отражения праздничной атмосферы отдыха и вечеринок, царящей на островах Карибского побережья и Эгейского моря, передачи ассоциаций с

Языкознание

нетронутой дикой природой, населенной дикими животными и эмоционального состояния

грусти героя, который не нашел свою любимую (см. табл. 9).

Таблица 9

Исполнитель	Песня	Оригинал	Перевод
Myke Towers	«Almas Gemelas»	Ella mi mente me la desprograma.	Она мой мозг ломает.
		Y yo quiero amanecer contigo en las Bahama .	Хочу с ней проснуться на Багамах.
Maluma	«Hawái»	Ya he pasado por Hawái y Madrid . Me he comido cuántos culos por ahí.	Я проехал Гавайи и Мадрид. Я не знаю, со сколькими девушками был там.
María Becerra (part. Tiago PZK)	«Cazame»	Siempre que me lo hace me tiene en Madagascar .	Когда он со мной, Я чувствую себя на Мадагаскаре.
Nío García	«10 AM»	Picheaato' y vámono' pa' Mykono '.	Игнорируй всех и поехали на Миконос.
PtaZeta & Farina	Trakatá	Tenemo' la connect desde Canarias a Medellín.	У нас связь от Канар до Медельина.

Колоквиальные топонимы

Лирике реггетона колумбийских исполнителей KarolG, Nío García и пуэрториканца Boza также присутствует употребление разговорных названий стран регионов и городов, которые представляют собой аббревиации и усечения полных названий (см. табл. 10).

«PR» – жаргонное наименование Пуэрто Рико. «Medallo» – разговорное название города Medellín. «RD» – жаргонное наименование Доминиканской Республики. Монтсеррат – остров, входящий в архипелаг Малые Антильские острова. Остров берёт свое название от горы Монсеррат расположенной в Барселоне, данное ему Христофором Колумбом в 1493 г.

Таблица 10

Исполнитель	Песня	Оригинал	Перевод
KarolG	«Sejodiotto»	Lo sabe Colombia, PR y Miami (ey, ey).	Колумбия это знает, ПР (Пуэрто-Рико) и Майями.
	«El Poblado»	(¿Aló?)(Ya estoy en Medallo , mor).	Алло, я уже в Медальо, любовь моя.
Nío García	«10 AM»	Y ya tú me conoce', a tresciento' por la Montse .	Ты уже знаешь меня, на скорости 300 км по Монтсе.
Boza	«Ella»	La bebé de PR a RD tiene la movie en play.	Детка из ПР и РД (Доминиканская Республика) поставила кино на плей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализируя реггетон-дискурс современных латиноамериканских исполнителей, мы пришли к выводу, что авторы транслируют неразрывную связь со своей малой родиной (будь то большой или маленький город, маленький остров или бедный микрорайон), и микрокультурой; их тексты передают гордость авторов своими корнями.

Отметим, что в картине мира реггетон-исполнителей топонимы важны не столько сами по себе, сколько в связи со знаковыми, важными

событиями в их жизни. Через них авторы транслируют свое отношение к происходящим событиям, к родной земле и культуре.

В реггетон-дискурсе топонимы обладают культурной значимостью, которая проявляется в их символическом характере. Песни данного жанра выступают источником лингвокультурной информации. Более глубокий анализ топонимов, содержащихся в песенном жанре реггетон, может представлять интерес для дальнейших исследований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Плотницкий Ю. Е. Пространство англоязычного песенного дискурса // Язык в пространстве и времени: тезисы и материалы Международной научной конференции 29–30 октября 2002 г. Часть 1 Самара : Изд-во Самарского гос. пед. университета, 2002. С. 182–185.
2. Морозов А. Ю., Морозова Т. А. Речевые особенности социального диалекта «black english» в произведениях песенного творчества афроамериканцев // Язык в пространстве и времени: тезисы и материалы Международной научной конференции 29–30 октября 2002 г. Часть 1. Самара : Изд-во СамГПУ, 2002. С. 113–115.
3. Лотман Ю. С. Чему учатся люди. Статьи и заметки. М. : Центр Книги ВГБИЛ им. М. И. Рудомино, 2010.
4. Литвин И. П. Словарь географических названий стран Латинской Америки: в 4 т. / сост. И. П. Литвин, Н. П. Данилова. М. : Наука, 1975.
5. Литвин И. П. Словарь топонимической лексики Латинской Америки. М. : Наука, 1983.
6. Поспелов Е. М. Иллюстрированный атлас мира. География мира: новейший топонимический словарь. М. : Русские словари, 2007.

REFERENCES

1. Plotnitsky, Yu. E. (2002). Prostranstvo angloyazychnogo pesennogo diskursa = The space of English song discourse // Yazyk v prostranstve i vremeni: Tezisy i materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii 29–30 oktyabrya 2002 g. Chast' 1 S. (pp/ 182–185). Language in space and time: Abstracts and materials of the international scientific conference, October 29–30, 2002. Part 1. Samara: Samara State Pedagogical University. (In Russ.)
2. Morozov, A. Yu., Morozova, T. A. (2002). Rechevyye osobennosti sotsialnogo dialekta «B» v proizvedeniyakh pesennogo tvorchestva afroamerikantsev = Speech features of the social and public “B” in the works of songwriting of African Americans/ Yazyk v prostranstve i vremeni: Tezisy i materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii 29–30 oktyabrya 2002 g. Chast' 1. (pp. 113–115. The language of October in space and time: Abstracts and materials of the international scientific conference 29–30, 2002. Part 1. Samara: Samara State Pedagogical University. (In Russ.)
3. Lotman, Yu. S. (2010). Chemu uchatsya lyudi. Stat'i i zametki = What people are learning. Articles and notes. Moscow : Tsentr Knigi VGBIL im. M. I. Rudomino, 2010. What people are learning. Articles and notes. Moscow: Center Book VGBIL im. M. I. Rudomino. (In Russ.)
4. Litvin, I. P. (1975). Slovar' geograficheskikh nazvaniy stran Latinskoy Ameriki: V 4 t. / Sost. I. P. Litvin, N. P. Danilova. M.: Nauka. = Dictionary of geographical names of Latin American countries: [in 4 volumes]. Compilers: I. P. Litvin, N. P. Danilova. Moscow: Publishing house “Nauka”. (In Russ.)
5. Litvin, I. P. (1983). Slovar' toponimicheskoy leksiki Latinskoy Ameriki = Dictionary of toponymic vocabulary of Latin America. Moscow: Nauka. (In Russ.)
6. Pospelov, E. M. (2007). Illyustrirovanny atlas mira. Geografiya mira: noveyshiy toponimicheskyy slovar' = Illustrated atlas of the world. Geography of the world: the latest toponymic dictionary. Moscow: Russkie slovari (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дорофеева Александра Юрьевна

преподаватель кафедры испанского языка и перевода переводческого факультета

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dorofeeva Alexandra Yurevna

Lecturer of Department of the Spanish Language and Translation, Faculty of Translation and Interpreting,

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 06.05.2022
одобрена после рецензирования 04.06.2022
принята к публикации 11.07.2022

The article was submitted 06.05.2022
approved after reviewing 04.06.2022
accepted for publication 11.07.2022

Научная статья

УДК 8; 11:161

DOI 10.52070/2542-2197_2022_8_863_43

Подходы к исследованию фразеологизированных предложений русского языка в китайской русистике

Жэнь Цзяньсинь

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

zhen.tcz@dvfu.ru

Аннотация. В статье предлагается обзор подходов к исследованию фразеологизированных предложений русского языка в китайской русистике. Вслед за русскими учеными, китайские исследователи обратили внимание на поиск критериев выделения синтаксических фразеологизмов и определение круга данных построений. Принимая во внимание различные параметры описания данных языковых единиц, автор статьи подробно останавливается на конструкционном, структурно-семантическом и функционально-коммуникативном подходах.

Ключевые слова: синтаксические фразеологизмы, подходы, семантика, конструкция, упрощение

Для цитирования: Жэнь Цзяньсинь. Подходы к исследованию фразеологизированных предложений русского языка в китайской русистике // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 8 (863). С. 43–49. DOI 10.52070/2542-2197_2022_8_863_43

Original article

Approaches to the Study of Russian Phraseological Sentences in the Field of the Russian Language in China

Ren Jianxin

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

zhen.tcz@dvfu.ru

Abstract. The article gives an overview of various approaches to the study of Russian phraseological sentences in the field of the Russian language in China. Following Russian scholars, the author paid attention to the search of criteria for the identification of syntactic phraseological units and tried to determine the range of these structures. Taking into account different parameters of the description of these linguistic units, the author of the article distinguishes and describes three approaches: structural approach, structural-semantic approach and functional-communicative approach.

Keywords: syntactic phrases, approaches, semantics, construction, simplification

For citation: Ren, Jianxin. (2022). Approaches to the Study of Russian Phraseological Sentences in the Field of the Russian Language in China. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(863), 43–49. 10.52070/2542-2197_2022_8_863_43

ВВЕДЕНИЕ

В русском языке существуют построения, которые называются предложениями фразеологизированной структуры, или синтаксическими фразеологизмами (СФ) (*Парень как парень! Что за цветок! Ай да дачница!*). Они рассматриваются как нестандартные синтаксические построения, употребляются как полное предложение или в качестве сказуемого, имеют определенное типовое значение, включающее разнообразные субъективно-модальные оттенки, однако сочетание компонентов и не выводимая из них семантика конструкции являются специфическими для русского языка. Их образуют постоянные компоненты, которые формируют типовую модель фразеологических сочетаний и выражают обобщенное значение, и свободные, уточняющие семантику предложения. По фразеомодели можно легко построить предложение, что говорит о таком качестве СФ как предикативность, но, в отличие от предложений свободной структуры, подобные построения характеризуются воспроизводимостью, что позволяет относить их к числу фразеологических единиц. В «Русской грамматике» к СФ «относятся также построения с утраченными или ослабленными грамматическими или прямыми лексическими значениями тех компонентов, с которыми связано выражение тех или иных субъективно-модальных значений» [Шведова, 1980, с. 217].

Активное исследование синтаксических фразеологизмов в России началось с 1960-х годов, оно связано с именами таких ученых, как Н. Ю. Шведова, Д. Н. Шмелёв, Г. Я. Солганик, Т. А. Шутова, И. Н. Кайгородова, А. В. Величко, В. Ю. Меликян и др. Появились работы, объектом изучения которых стали фразеологические единицы синтаксического уровня, также сформировались разные подходы к их описанию. Л. А. Золотарёва и Нгуен Ань Нам в статье «Синтаксические фразеологические единицы в лексикографическом представлении» [Золотарёва, Нгуен Ань Нам, 2018, с. 20] выделяют пять направлений исследования СФ:

1) структурно-семантический подход является наиболее традиционным, к нему авторы статьи относят труды таких ученых, как Д. Н. Шмелёв (1960), Н. Ю. Шведова (1960), Г. Я. Солганик (1976), В. Ю. Меликян (2014); СФЕ (синтаксические фразеологические единицы) в данных работах получили статус фразеологических единиц синтаксического уровня, которые характеризуются прежде всего слитностью их семантики, а также впервые были выделены их структурные варианты;

2) идиоматический подход, представителем которого являются И. Н. Кайгородова (1999) и ее ученики, включает некоторые СФ в число синтаксических идиом, в состав которых входят также

клишированные выражения и часть фразеологизмов лексического уровня;

3) прагматический подход объединяет работы исследователей различных школ: Л. А. Пиотровскую (1994), Т. А. Шутову (1996), С. С. Сафонова (2013), которые выявляют прагматические функции СФЕ;

4) с позиций «лингвистики конструкций» рассматривают СФЕ представители конструкционного подхода: Л. Л. Иомдин (2007), Е. Л. Вилинбахова (2013), Н. Р. Добрушина (2013), М. В. Копотев (2009);

5) с позиций функционально-коммуникативной грамматики. Он связан с преподаванием русского языка как иностранного, поэтому он получил название – лингвометодический. К данному направлению относятся работы А. В. Величко (2016), М. В. Всеволодовой и Лим Су Ен (2002), Л. А. Балобановой (2004).

ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ СИНТАКСИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В КИТАЙСКОЙ РУСИСТИКЕ

Одно из первых исследований фразеологизированных предложений русского языка в китайской русистике относится к 1962 году, профессор Ху Мэнхао упоминает такие конструкции в своей статье «О переходе некоторых сложных конструкций в простые предложения в современном русском языке» [胡孟浩, 1962]. Хуа Шао (1979), Сюй Вэньюй (1982), Сун Ся'нань (1989), У Цзюнь (2001), Ван Фусян (2009) представили также различные подходы к описанию синтаксических фразеологизмов.

Ху Мэнхао, Ван Фусян, Сун Ся'нань и У Цзюнь считают фразеологизированные предложения феноменом конденсации, называют «конструкциями конденсации», Сюй Вэньюй называет «фразеологизированной структурой».

Подходы к описанию фразеологизированных предложений тесно связаны с развитием исследований по русскому языку в Китае. В основном можно выделить три подхода: конструкционный, структурно-семантический и функционально-коммуникативный.

Конструкционный подход

Данный подход возник на ранней стадии исследования синтаксиса русского языка, китайские исследователи не подходили к вопросу о предложениях фразеологизированной структуры отдельно, данные предложения считались особой конструкцией в русском синтаксисе и рассматривались как переходное явление. Ху Мэнхао первым обращает внимание на фразеологизированные

конструкции, считает их трансформацией сложных предложений в простые предложения и называет конденсацией. Он разделяет конструкции на две группы: конструкции перехода придаточных предложений в словосочетания (*Держись как хочешь; иди куда знаешь*) и конструкции перехода главных предложений в словосочетания (*черт знает; бог знает*) [胡孟浩, 1962].

В «Современной русской грамматике в новом освещении. т. 2. Синтаксис» Хуа Шао описывает упрощение сложных предложений. В работе подробно проанализированы случаи, когда «составные части сложных предложений упрощаются в члены предложения (*Всеми силами и во что бы то ни было уничтожить вторгшегося врага*), в служебные части речи (*На улице не то что дома, надо потеплее одеваться*) или в вводные слова (*Слуги его и все домашние не знали что делать, невесть плакать, невесть смеяться*)» и «обстоятельные придаточные предложения употребляются как члены предложения (*Щетка это чтобы машину чистить*) или как самостоятельные предложения (*Хоть бы сейчас окунуться с головой в реку*)» [华劭, 1979].

Лю Чанчунь в статье «Первоначальное изучение особых типов упрощенных сложных предложений» выделяет два типа упрощенных конструкций: предложения, упрощенные в соответствии со средством ассоциативного мышления, включая главное предложение со словом *чтобы* и с союзами (*Инженер Ваня нельзя чтобы сказать очень замечательный...; Словарь не знаю где достать*), упрощенные предложения с коррелятами (*Возьми во что завернуть*) или без них (*Вы не видели напротив живет?*) [刘长春, 1985, с. 53–54]. Конструкции *куда (где) там, а что если, как бы не* и другие Лю Чангунь рассматривают как упрощенные конструкции придаточных предложений с обстоятельственными значениями в статье «Простое обсуждение о упрощении придаточных предложений обстоятельства в русском языке» [刘长春, 1989].

Другой китайский лингвист Сунь Сяннань определяет СФ как «адвербиализированные конструкции» и описывает три группы:

«1) адвербиализированные конструкции с фразеологическими оборотами, включающие в себя адвербиализацию придаточной части (*куда глаза глядят, как ни в чем не бывало*) и адвербиализацию главной части (*бог знает, бог весть*);

2) адвербиализированные конструкции со стабилизированными компонентами (*Спроси у кого хочешь, Браню кого придется*);

3) адвербиализированные конструкции с нестабилизированными компонентами (*Где книга*

здесь лежала, Поставь на шкаф где ваза)» [孙夏南, 1989].

Самое полное и системное исследование конденсированных конструкций представлено в монографии У Цзюня «Конденсированные конструкции в современной русской разговорной речи» [吴君, 2001, с. 6]. Исследователь в числе первых рассматривал конденсацию как характерную черту русской разговорной речи, У Цзюнь определил отличительные черты конструкций с конденсацией, обозначил параметры выявления и мотивированности исследуемых построений, ученым была предложена своя типология конденсированных конструкций, рассмотрены наиболее частотные модели, а главное – было дополнено содержание самого понятия «конденсация». По мнению автора, данные конструкции можно разделить на две группы:

«1) конденсированные конструкции, образованные на основе фразеологизации главной части сложноподчиненных предложений одночленной структуры (*V + бог знает + pron. / adv.; будь что будет; есть + pron. / adv. + inf.*);

2) конденсированные конструкции, образованные на основе фразеологизации придаточной части сложноподчиненных предложений одночленной и двучленной структуры (*Бегите, кто куда хочет. Что хочешь делай. У нас в чулане старых железин сколько хочешь*)» [там же].

При этом в каждой группе выделяются подгруппы по структурам с разными компонентами. Исследование У Цзюня имеет большое значение для китайской русистики, так как помогает переводчикам и изучающим русский язык понимать и правильно использовать конденсированные конструкции как в разговорной речи, так и в художественной литературе.

Исследованию конденсации как языкового феномена русской речи посвящена работа Ван Фусяна, который также определял ее как процесс упрощения структуры сложных предложений, им были выделены следующие типы конденсированных конструкций:

1) конструкции с фразеологическими компонентами (*Все кому не лень ругают*);

2) конструкции со стабилизированными структурными компонентами (*А в общем, поступайте как / что / кто / куда знаете*);

3) конструкции со свободными структурными компонентами (*Мы принесли кто куда / что к чему / что и как*) [王福祥, 2009].

Таким образом, последователи данного подхода рассматриваются СФ как переход сложных предложений в простые и сосредотачивают свое внимание, главным образом, на описании конструкции конденсации.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Структурно-семантический подход представляют ученые, которые следуют за Д. Н. Шмелёвым и Н. Ю. Шведовой.

Чжу Чжаоань и Хэ Жунчан в монографии «Синтаксис разговорной речи современного русского языка» знакомят с теорией фразеологизированных предложений в «Русской грамматике», также приводят некоторые примеры различных типов: 1) фразеологизированные предложения с союзами (*Люди как люди; Нет чтобы + инф.*); 2) фразеологизированные предложения с предлогами ($N_1 + \text{не в} + N_2; \text{не до} + N_2$); 3) фразеологизированные предложения с частицами (*Вот память так память; Ах ты умница моя*) [祝肇安, 何荣昌, 1987].

Необходимо также отметить труды такого исследователя русской разговорной речи, как профессор Сюй Вэньюй, который в своей книге «Очерки по русской разговорной грамматике» (1990) выделяет предложения фразеологизированной структуры в составе простых, вопросительных и сложные предложений русского языка.

В группе простых предложений рассматриваются фразеологизированные структуры типа *Ай да N_1 ; N_1 не в N_2 ; Есть Pron Inf*. Сюй Вэньюй, вслед за Н. Ю. Шведовой, классифицирует их по грамматическому характеру лексически закрытого компонента, по его морфологической природе. Но он считает, что на практике такая группировка не очень удобна, поэтому автор предложил классификацию по субъективно-модальным значениям, выделил десять групп: фразеологизированные предложения положительной оценки, негативной оценки и просто оценки; фразеологизированные предложения, выражающие возможность, обычность, целесообразность, своевременность, множественность, согласие, угрозу или запрещение [徐翁宇, 1990, с. 210].

К вопросительным предложениям с фразеологизированной структурой относятся определенные построения с вопросительными частицами. Сюй Вэньюй включает в эту группу всего одиннадцать предложений: *Что за N_1 ; Что такое N_1 ; Что $N_2/Adj2$; Что из этого; Что N_1 ; Какое ($N3$) дело до N_2 ; Pron ли не...; До N_2 ли...; Что Inf; Как не Inf; Почему бы не Inf* [там же].

В группе фразеологизированных структур, состоящих из двух частей и соединенных союзами, Сюй Вэньюй рассматривает: *Pron – pron, a...; Pron другой, a...; Нет чтобы Inf; $N_1 N_2$, a...; Что (ни) N_1 , то...; Что... то...; Только и N_2 что...* Он также описывает их значение и ситуации использования в речи [там же].

Лян Хунци и Сюй Фэнцай в работе «Исследование о развитии фразеологизированной структуры в русском языке» (2014) попытались описать

законы формирования фразеологизированных предложений и установить соотношение семантики фразеологизированных структур и свободных структур простых предложений. По мнению авторов, простые предложения фразеологизированной структуры развиваются из свободных структур простых предложений по тем же законам, что и дополнение, повтор, сокращение и др. Фразеологизированные предложения *Ай да N_1 ; Ох (ах) уж этот N_1 ; Чем не N_1 ; Что за N_1* развиваются из структуры N_1 с помощью дополнения частицами с модальным значением или с экспрессивной окраской. N_1 как N_1 ; N_1 не в N_2 ; *Вот N_1 так N_1* соответствуют наполнению структуры N_1-N_2 , в которой повторяются грамматические формы существительного. Авторы также считают, что можно получить фразеосхему *Не до N_2* по закону сокращения распространяющих членов свободной структуры *Inf + распространяющие члены* [梁洪琦, 许凤才, 2014].

Таким образом, базирующийся на исследованиях Д. Н. Шмелёва и Н. Ю. Шведовой, структурно-семантический подход в китайской русистике рассматривает грамматические и семантические особенности фразеологизированных предложений.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД

В последние годы в Китае поддерживается функционально-коммуникативный подход в работах, основанных на исследовании А. В. Величко, которая приводит общую характеристику синтаксических фразеологизмов и выделяет шесть семантических групп в зависимости от общности основного значения (оценка, модальные значения, значения единственности, исключительности и множественности, акцентирование, значение логической обусловленности) [Величко, 1996]. В работе А. В. Величко «детально освещается не только семантика конструкций, но и их грамматическая оформленность и варьируемость, показывается функционирование конструкций в разговорной речи, приводятся возможные контексты употребления» [Золотарёва, Нгуен Ань Нам, 2018, с. 307]. Термин «синтаксический фразеологизм» стал чаще встречаться в статьях.

В своей статье Цю Фэнчан и Лу Чжаохуэй (1994) упоминают «синтаксический фразеологизм» и знакомят читателей с семантической классификацией А. В. Величко. Они обращают внимание на то, что в связи с экспрессивностью СФ, существуют трудности в процессе преподавания этих языковых единиц в китайской аудитории. Семантическая классификация помогает студентам легче усвоить их [邱丰昌, 陆昭徽, 1994].

Кроме того, работы некоторых молодых исследователей посвящены семантической специфике, синтаксическим функциям и прагматическим особенностям СФ. Эти особенные предложения были изучены в диссертациях магистров из разных университетов Китая (Университет международной экономики и торговли в Пекине, Ляонинский университет в Шэньяне, Цзилиньский университет в Чанчуне, Чжэцзянский университет в Ханчжоу и др.). Например, Чжан Мэн в своей диссертации «Семантика синтаксических фразеологизмов русского языка» показал анализ структурных особенностей некоторых моделей из шести семантических групп по А. В. Величко (*Ну и + сущ.; Это ли не + сущ.; Как не + инф.* и т. п.), представил схемы и варианты построения, особенности лексического наполнения свободного компонента, демонстрацию парадигм по категориям времени и наклонения [张萌, 2007].

В диссертации Ван Синсуна «Многоаспектное исследование синтаксических фразеологизмов со значением оценки в русском языке» проанализирована одна группа из шести по классификации А. В. Величко – группа СФ, выражающих оценку [王兴松, 2017]. В работе «Характерные черты фразеологизированных конструкций в русской разговорной речи и их прагматическом анализе» Лю Сэнсюе выявил их структурные, семантические, стилистические черты и пояснил вопрос, как и при каких условиях использовать данные конструкции [刘三学, 2006]. В диссертации Чэн Мина «Синтаксические фразеологизмы со значением оценки в современном русском языке» системно рассмотрены модели СФ со значением оценки, подробно показаны их структурные, семантические признаки и интонационное оформление, также они

сопоставлены с выражениями в китайском языке, передающими оценочное значение [陈铭, 2013].

Функционально-коммуникативный подход активно развивается в последние годы, но значимых исследований пока еще мало. О популярности данного подхода говорит возрастающее количество магистерских диссертаций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследования фразеологизированных предложений в китайской русистике имеют разные направления. Начало исследования СФ китайскими учеными связано с изучением русской разговорной речи. Ху Мэнхао, Хуа Шао, Сюй Вэньюй, Сун Ся'нань, У Цзюнь и Ван Фусян рассматривали фразеологизацию как особый переход сложных предложений в простые и называли этот процесс конденсацией. Структурно-семантический подход получил отражение в работах исследователей, которые описывали фразеологизированные предложения как со стороны их грамматических, так и семантических особенностей. Такой подход был популярен в китайской русистике в 90-х годах XX века и в начале XXI века. Стоит упомянуть, что в конце прошлого века появились работы, которые вслед за русским ученым А. В. Величко, рассматривают значение фразеологизированных предложений и возможные контексты употребления. Термин «синтаксический фразеологизм» более популярен в статьях, чем «фразеологизированные структуры». Появляются сопоставительные исследования фразеологизмов в русском и китайском языках. Данный подход часто встречается в работах молодых исследователей и в диссертациях магистрантов, однако комплексных исследований пока еще недостаточно.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шведова Н. Ю. Русская грамматика: в 2 т. М.: Наука, 1980. Т. 2. Синтаксис.
2. Золотарёва Л. А., Нгуен Ань Нам. Синтаксические фразеологические единицы в лексикографическом представлении // Научный диалог. 2018. № 6. С. 9–21.
3. 胡孟浩. 现代俄语中几种由复合句转化为简单句的句型[J]. 外语教学与研究. 1962. № 02. С. 17–22. = Ху Мэнхао. О переходе некоторых сложных конструкций в простые предложения в современном русском языке // Преподавание и исследование иностранных языков. 1962. № 2. С. 17–21.
4. 华劭. 现代俄语语法新编下. 句法[M]. 北京: 商务印书馆, 1979. = Хуа Шао. Современная русская грамматика в новом освещении. Синтаксис. Т. 2. Пекин: Коммерческая пресса, 1979.
5. 刘长春. 特种类型简化复句初探[J]. 中国俄语教学, 1985. № 2. С. 53–54. = Лю Чанчунь. Первоначальное изучение особых типов упрощенных сложных предложений // Русский язык в Китае. 1985. № 2. С. 53–54.
6. 刘长春. 浅谈俄语状语从句的简化现象[J]. 福建外语, 1989 (Z1): 17–20. = Лю Чанчунь. Простое обсуждение о упрощении придаточных предложений обстоятельства в русском языке // Иностранный язык в провинции Фуцзянь. 1989. № Z1. С. 17–20.
7. 孙夏南. 俄语口语语法[M]. 上海: 上海译文出版社, 1989. = Сунь Ся'нань. Грамматика русской разговорной речи. Шанхай: Шанхайское издательство по переводу, 1989.

8. 吴君. 现代俄语口语溶合结构[M]. 北京:外语教学与研究出版社,2001. = У Цзюнь. Конденсированные конструкции в современной русской разговорной речи. Пекин: Издательство по преподаваниям и исследованиям иностранных языков, 2001.
9. 王福祥. 俄语句法中的几个问题/王福祥集[C]. 哈尔滨:黑龙江大学出版社, 2009. = Ван Фусян. Некоторые вопросы в русском синтаксисе. В сб.: сборник статей Ван Фусяна. Харбин: Изд-во Хэйлуцзянского университета, 2009.
10. 祝肇安, 何荣昌. 现代俄语口语句法[M]. 合肥:安徽教育出版社, 1987. = Чжу Чжаоань, Хэ Жунчан. Синтаксис разговорной речи современного русского языка. Хэфэй: Изд-во образования Аньхоя, 1987.
11. 徐翁宇. 俄语口语语法概论[M]. 上海:上海外语教育,1990. = Сюй Вэнью. Очерки по русской разговорной грамматике. Шанхай: Шанхайское изд-во по обучению иностранным языкам, 1990.
12. 梁洪琦, 许凤才. 俄语熟语化简单句结构模式的演变研究[J]. 中国俄语教学,2014, 33(01), 11–15. = Лян Хунци, Сюй Фэнцай. Исследование о развитии фразеологизированной структуры в русском языке // Русский язык в Китае. 2014, 33 (01). С. 11–15.
13. Величко А. В. Синтаксическая фразеология для русских и иностранцев: учебное пособие. М. : Макс Пресс, 1996.
14. Золотарёва Л. А., Нгуен Ань Нам. Подходы к описанию фразеологических синтаксических конструкций русского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018, № 1 (79). Ч. 2. С. 305–308.
15. 邱丰昌, 陆昭徽. 熟语化结构句的语义分类[J]. 山东外语教学,1994(Z1):90-95. = Цю Фэнчан, Лу Чжаохуэй. О семантической классификации синтаксических фразеологизмов // Журнал преподавания иностранных языков провинции Шаньдун. 1994. № Z1. С. 90–95. DOI:10.16482/j.sdwy37-1026.1994.z1.032.
16. 张萌. 从语义角度研究俄语中的成语化结构句[D]. 吉林大学, 2007 = Чжан Мэн. Семантика синтаксических фразеологизмов русского языка: дис. ... маг. русский язык. Цзилиньский университет, 2007.
17. 王兴松. 表评价意义的俄语句法成语多维研究[D]. 辽宁大学, 2017 = Ван Синсун. Многоаспектное исследование синтаксических фразеологизмов со значением оценки в русском языке: дис. ... маг. русский язык. Ляонинский университет, 2017.
18. 刘三学. 俄语口语简单句成语化结构的特征及语用分析[D]. 对外经济贸易大学,2006 = Лю Саньсюэ. Характерные черты фразеологизированных конструкций в русской разговорной речи и их прагматический анализ; дис. ... маг. русский язык. Университет международного бизнеса и экономики, 2006.
19. 陈铭. 现代俄语中表示评价意义的句法成语研究[D]. 浙江大学, 2013. = Чэн Мин. Синтаксические фразеологизмы со значением оценки в современном русском языке: дис. ... маг. русский язык. Чжэцзянский университет, 2013.

REFERENCES

1. Shvedova, N. Iu. (1980). *Russkaia grammatika: V 2t. T. 2. Sintaksis.* = Russian grammar. VOL. II. SYNTAX. Moscow: Nauka. (In Russ.)
2. Zolotareva L. A., Nguen An' Nam (2018). *Sintaksicheskie frazeologicheskie edinicy v leksikograficheskom predstavlenii.* Nauchnyj dialog = Syntactic phraseological units in lexicographical description. Scientific dialogue, 6, 19–21. (In Russ.)
3. 胡孟浩. 现代俄语中几种由复合句转化为简单句的句型[J]. 外语教学与研究. 1962, 02, 17–22 = Hu Menghao. The Transition of Some Complex Constructions to Simple Sentences in Modern Russian. Foreign Language Teaching and Research, 2, 17–21. (In Chinese)
4. 华劭. 现代俄语语法新编下. 句法[M]. 北京: 商务印书馆, 1979 = Hua Shao. A new edition of modern Russian grammar. Syntax. Beijing: Commercial Press. (In Chinese)
5. 刘长春. 特种类型简化复句初探[J]. 中国俄语教学 (1985) = Liu Changchun. The original study of special types of simplified complex sentences. Teaching Russian in China, 2, 53–54. (In Chinese)
6. 刘长春. 浅谈俄语状语从句的简化现象[J]. 福建外语 (1989) = Liu Changchun. A simple discussion on the simplification of circumstance adjectives in Russian. Foreign Languages in Fujian, Z1, 17–20. (In Chinese)
7. 孙夏南. 俄语口语语法[M]. 上海:上海译文出版社 (1989) = Sun Xia'nan. Grammar of spoken Russian. Shanghai: Shanghai Translation Publishing House. (In Chinese)
8. 吴君. 现代俄语口语溶合结构[M]. 北京:外语教学与研究出版社 (2001) = Wu Jun. The Structure of Modern Russian Spoken Dissolution. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press. (In Chinese)

9. 王福祥. 俄语句法中的几个问题/王福祥集[C]. 哈尔滨: 黑龙江大学出版社 (2009) = Wang Fuxiang. Some Questions in Russian Syntax. In: Collection of articles by Wang Fuxiang. Harbin: Heilongjiang University Press. (In Chinese)
10. 祝肇安, 何荣昌. 现代俄语口语句法[M]. 合肥: 安徽教育出版社 (1987) = Zhu Zhaoan, He Rongchang. Oral Syntax in Modern Russian. Hefei: Anhui Education Publishing House. (In Chinese)
11. 徐翁宇. 俄语口语语法概论[M]. 上海: 上海外语教育 (1990) = Xu, Wengyu. Introduction to the Grammar of Spoken Russian. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education. (In Chinese)
12. 梁洪琦, 许凤才. 俄语熟语化简单句结构模式的演变研究[J]. 中国俄语教学(2014) = Liang Hongqi, Xu Fengcai. A Study on the Development of Phraseological Structure in Russian. Teaching Russian in China, 33(01), 11–15. (In Chinese)
13. Velichko, A. V. (1996). Sintaksicheskaya frazeologiya dlya russkix i inostrancev: uchebnoe sposobie = Syntactic phraseology for Russians and foreigners: a textbook. Moscow: Max Press. (In Russ.)
14. Zolotareva L. A., Nguen An' Nam. (2018). Podxody k opisaniyu frazeologicheskix sintaksicheskix konstrukcij russkogo yazyka // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Approaches to the description of phraseological syntactic structures of the Russian language. Questions of theory and practice, 1(79), 305–308. (In Russ.)
15. 邱丰昌, 陆昭徽. 熟语化结构句的语义分类[J]. 山东外语教学 (1994) = Qiu Fengchang, Lu Zhaohui. Semantic classification of syntactic phrases. Journal of Foreign Language Teaching in Shandong Province, Z1, 90–95. (In Chinese)
16. 张萌. 从语义角度研究俄语中的成语化结构句[D]. 吉林大学. (2007) = Zhang Meng. A Study of Idiomatic Structured Sentences in Russian from a Semantic Perspective: Master's thesis in the Russian language. Jilin University. (In Chinese)
17. 王兴松. 表评价意义的俄语句法成语多维研究[D]. 辽宁大学 (2017) = Wang Xingsong. A Multidimensional Study of Syntactic Phraseology with the Meaning of Evaluation in the Russian Language: Master's thesis in the Russian language. Liaoning University. (In Chinese)
18. 刘三学. 俄语口语简单句成语化结构的特征及语用分析[D]. 对外经济贸易大学 (2006) = Liu Sanxue. Characteristic features of phraseological constructions in Russian colloquial speech and their pragmatic analysis: Master's thesis in the Russian language. University of International Business and Economics. (In Chinese)
19. 陈铭. 现代俄语中表示评价意义的句法成语研究[D]. 浙江大学 (2013) = Chen Ming. Syntactic phraseological expressions with the meaning of evaluation in the modern Russian language: Master's thesis in the Russian language. Zhejiang University. (In Chinese)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Жэнь Цзяньсинь

аспирант Дальневосточного федерального университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ren Jianxin

Postgraduate student of Far Eastern Federal University

Статья поступила в редакцию 10.05.2022
одобрена после рецензирования 13.06.2022
принята к публикации 11.07.2022

The article was submitted 10.05.2022
approved after reviewing 13.06.2022
accepted for publication 11.07.2022

Научная статья

УДК 811.373

DOI 10.52070/2542-2197_2022_8_863_50

Особенности реализации аргументативно-риторического общения в журнальной публикации жанра «письмо редактору»

А. В. Иволгин

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

Xavok@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются механизмы авторской риторики в журнальной публикации жанра «письмо редактору», обеспечивающие реализацию опосредованного диалога между автором письма и читателем. В статье проведен анализ 67 писем редактору, опубликованных в журнале «Economist» с июля 2021 г. по январь 2022 г. Исследование продемонстрировало вариативность применяемых в рамках жанра риторических приемов воздействия, убеждения и манипуляции, а также их языковых выражений, что обусловлено различными способами создания авторами писем положительных и отрицательных ментальных репрезентаций.

Ключевые слова: коммуникация, аргументация, риторика, воздействие, убеждение, манипуляция, структура, письмо, журнал

Для цитирования: Иволгин А. В. Особенности реализации аргументативно-риторического общения в журнальной публикации жанра «письмо редактору» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 8 (863). С. 50–56. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_8_863_50

Original article

Features of Argumentative Rhetorical Communication in the Journal Publication of the Genre “Letter to the Editor”

Alexander V. Ivolgin

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Xavok@yandex.ru

Abstract. The article considers the mechanisms of author's rhetoric in the journal publications of the genre “letter to the editor” that help establish an indirect communicative exchange between the author of the letter and the reader. The article provides an analysis of 67 letters to the editor published in The Economist from July 2021 to January 2022. The research demonstrated the variability of the rhetoric devices of exposure, persuasion, and manipulation employed within the genre, as well as their linguistic expression, conditioned by differing approaches of the authors towards creating a system of positive and negative mental representations.

Keywords: communication, argumentation, rhetoric, exposure, persuasion, manipulation, structure, letter, journal

For citation: Ivolgin, A. V. (2022). Features of argumentative rhetorical communication in the journal publication of the genre “Letter to the Editor”. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(863), 50–56. 10.52070/2542-2197_2022_8_863_50

ВВЕДЕНИЕ

Письма жанра «письмо в редакцию», представляющие собой отклик на журнальную публикацию и содержащие ее критику или обсуждение, отражают одновременно особенности политического, разговорного и художественного дискурсов, характеризуются использованием различных стратегий аргументации, а также создают целостное коммуникативное диалогическое пространство, которое включает автора письма, автора оригинальной публикации и читателей и формируется посредством сопряжения лексических, грамматических, семантических и стилистических средств, среди которых наибольшим аргументативным влиянием обладают вопросительные конструкции. Данные свойства жанра были установлены в предыдущих статьях, посвященных письмам в редакцию; тем не менее мы уделили им внимание в частном порядке сообразно тем языковым характеристикам, которые наиболее важны для построения коммуникативных структур в тексте письма и создания взаимосвязи между первичным и вторичным текстами. Таким образом, логичным фокусом внимания настоящего исследования является установление типов риторических механизмов на уровне всего текста, с помощью которых автор письма осуществляет аргументативное воздействие на читателя.

Гипотеза настоящей работы состоит в наличии в рассматриваемых текстах нескольких типов аргументативно-риторического общения с преобладанием тех из них, которые реализуют воздействие на читателя посредством приведения эмпирических доводов.

Актуальность темы обусловлена значимостью рассматриваемого материала для исследований современного публицистического дискурса политической направленности с точки зрения теории аргументации, так как применяемые авторами писем в редакцию коммуникативные стратегии и риторические приемы выражены различными языковыми средствами.

В соответствии с темой и гипотезой работы мы выдвинули основной целью исследования определение диапазона риторических воздействий в текстах жанра «письмо в редакцию». Достижение данной цели обеспечивается выполнением следующих задач работы:

- 1) выявить используемые в письмах редактору типы аргументации согласно нескольким классификациям;
- 2) определить лексико-семантические средства, используемые для реализации каждого типа аргументации;
- 3) соотнести выявленные типы аргументации и лексико-семантические средства их реализации

с тематическими и структурными характеристиками писем в редакцию;

4) проанализировать коммуникативные характеристики писем в редакцию в контексте выявленных типов риторического общения между автором и читателем.

ТИПОЛОГИЯ РИТОРИЧЕСКИХ ВОЗДЕЙСТВИЙ

Вслед за Т. А. Кожевниковой, рассматривавшей риторический аспект аргументации в политическом интервью мы разграничиваем виды используемой в письмах редактору риторики на *воздействие*, *убеждение* и *манипуляцию* [Кожевникова, 2018]. Все три типа направлены на изменение взглядов реципиента дискурса, однако задействованные механизмы влияния различны: **воздействие**, отмечаемое лишь в 10 % проанализированных писем, характеризуется наименее прямым влиянием, которое реализуется посредством приведения в письме факта, указывающего на недостаточную полноту рассмотрения вопроса автором оригинальной публикации – при этом составитель письма в редакцию не комментирует данную информацию и не приводит собственную оценку, оставляя выводы на откуп читателя и осуществляя *имплицитивный* тип аргументации:

Christian Lacroix's glittering production of "La Vie Parisienne" at the Théâtre des Champs-Élysées this Christmas reminded me of one of the reasons why gentlemen went to restaurants in the 19th century: *they could entertain women who were not their wives*. Parisian restaurants such as the Café de Paris were famous for their private rooms, including the number 16, to which Offenbach pays such lyric tribute in "La Vie Parisienne". *Over time it became acceptable to take one's own wife out to dinner* (The Economist. 08.01.2022).

В свою очередь, наиболее частая для писем редактора риторика **убеждения**, наблюдаемая в 72 % текстов, содержит прямую аргументацию со стороны автора письма с выстраиванием системы доводов и широким диапазоном языковых конструкций, демонстрирующих читателю обоснованность изложенной информации и верифицируемость выводов. Мы утверждаем, что убеждение является основным способом риторики в письмах редактору, так как обоснованность и логичность отклика определяет вероятность его публикации в соответствующем разделе. Устанавливая тождество между убеждением и прямой аргументацией, при рассмотрении данного риторического механизма мы опираемся на категоризацию, включающую в себя *теоретическую* и *эмпирическую*

аргументацию [Баранов, 1990]. Большую часть проанализированных писем редактору с риторикой убеждения (73 %) составляют тексты, содержащие эмпирический вид: являясь реакцией на публикацию, письмо как вторичный текст содержит защиту авторской позиции, так как у автора письма должна быть определенная мотивация для составления текста, и чем более доказательной она является, тем больший резонанс будет иметь письмо. В то же время построение эмпирического аргументативного пространства, достигаемое истинностью аргументов и доказанной связью между ними, достаточно рискованно для автора письма редактору, поэтому данный вид аргументативного общения наблюдается в письмах редактору за авторством политических и общественных деятелей или членов организаций, проводящих конкретную верифицируемую работу в исследуемой авторами первичного и вторичного текстов сфере:

As a low-carbon, reliable and generally safe baseload power source, nuclear energy may have a role in the transition away from fossil fuels ("The discreet charm of nuclear power", November 13th). But let us not forget the *main motivations for the current energy transition, namely climate change and depleting finite resources. This argument is entrenched in the Brundtland Commission's definition of sustainable development from the 1980s, which is in effect not to oblige future generations to clean up our mess. This is precisely where nuclear power falls short* (*The Economist*. 11.12.2021).

Тем не менее 27 % писем с риторикой убеждения строятся на теоретической аргументации, т. е. содержат эмоциональную оценку проблемы, являющуюся сугубо умозрительной либо опирающуюся на личный опыт автора вторичного текста:

I have gone to anti-lockdown protests and *I don't think I am a crackpot*. Sure, there are some vocal people from the fringes at these demonstrations, but *I and many others have never been tempted by conspiracy theories*. We are just *normal people* who are very concerned about the many negative impacts of stopping people from living a regular life (*The Economist*. 24.07.2021).

Рассматривая риторический механизм убеждения, следует также выделить типы аргументации в зависимости от структуры аргументов: *конъюнктивную, дизъюнктивную и эквивалентную* [Кожевникова, 2018]. Мы установили, что наиболее частотным (встречающимся в 67 % писем) является эквивалентный тип аргументации, что обусловлено направленностью текстов жанра на дополнение первичного текста либо противоречие с ним:

Free and open debate is great, *in theory*. *In practice* we tend to hear rather more of what the billionaire with a megaphone has to say than the young single mother (*The Economist*. 18.09.2021).

Кроме того, учитывая, что спор является основным вектором создания текста жанра письма в редакцию, мы обнаружили, что важной характеристикой текстов рассматриваемого жанра является строящаяся на приеме отрицания полемическая аргументация [Дементьев, 2006]:

Your reasoning implies that more investment in housing should be welcomed because it would bring down house and rental prices. *This is not the case*. In many countries, private equity has invested primarily, and sometimes exclusively, in existing housing stock (*The Economist*. 04.12.2021).

Наконец, третьим рассматриваемым нами риторическим механизмом является *манипуляция*, содержащаяся в 18 % проанализированных писем и отличающаяся от убеждения направленностью на изменение сознания читателя посредством его введения в систему логических заблуждений, с помощью которых автор письма редактору настраивает против автора оригинала общественное мнение либо пытается дискредитировать его лично; в обоих случаях осуществляется подмена объекта критики для оказания давления на автора оригинала либо редакционную коллегию издания и принуждения их к смене вектора своей деятельности либо фокуса внимания в последующих публикациях.

Использование манипулятивной риторики, пусть и не столь частотное, как прием убеждения, однако является довольно распространенным в текстах рассматриваемого жанра, учитывая, что в продолжение предложенного выше разделения теоретической и эмпирической аргументации аргументативно-риторический тип общения в данных текстах не всегда следует правилам качественной аргументации [Ивлев, Новосёлов, Бергман, 2022]. Так, следующий пример демонстрирует, что и истинность аргументов, и непротиворечивость их совокупности подстраивается под мировоззрение автора письма:

Oh, Economist, I thought you'd got past all this. Saving the liberal order is *a defensible, if quixotic, goal*, but sniping at progressive excesses and dismissing the critique as restlessness doesn't help. Objectivity begins at home. Consider just economics and *the mantra that businesses must not be sheltered* from the gales of creative destruction. *Fair enough*. If you want to win you accept the rules. *But liberalism sees only the game and its players*. What about collateral damage? (*The Economist*. 18.09.2021).

СПОСОБЫ АРГУМЕНТАЦИИ В РИТОРИЧЕСКОМ ОБЩЕНИИ

Отличаясь друг от друга в риторическом аспекте, воздействие, убеждение и манипуляция задействуют схожие аргументативные модели, имеющие свои особенности при использовании в текстах жанра письма в редакцию.

Первая категоризация касается разграничения на универсальную и контекстуальную аргументацию [Ивин, 1997]. Во всех рассматриваемых текстах используется контекстуальная аргументация, так как они сконцентрированы на конкретной ситуации или проблеме:

“London’s bridges are falling down” (November 13th). Indeed. In 1282 a royal charter was granted establishing the Bridge House Estates as a charity to maintain London Bridge and subsequently other bridges leading into the City of London. Today it stewards a fund of around £1.6bn (\$2.1bn). A simple solution to London’s bridge woes would be to place them in the charity’s ownership, and for the local council authorities to pay an annual fee in exchange for ongoing maintenance (*The Economist*. 04.12.2021).

Вторым способом категоризации аргументации, в большей степени относящейся к ее теоретическому подвиду, является разделение на *дедуктивную, системную и методологическую* [там же]. Мы установили, что каждый из указанных видов составляет примерно треть исследованной выборки. Ниже приведены выявленные нами авторские интенции, соответствующие каждому типу.

Дедуктивная аргументация задействуется в письмах, проводящих прямую связь с первичным текстом и потому опирающихся на причинно-следственную связь:

The Polish Constitutional Tribunal did not terminate the controlled provisions of the treaty; they are not derogated from the Polish legal system. The judgment uses the formula “in so far”, which means that only certain interpretations of the treaty provisions are incompatible with the Polish constitution (*The Economist*. 30.10.2021).

Системная аргументация наблюдается в письмах, где указывается на несогласие с позицией автора первичного текста и где автором вторичного текста является эксперт, имеющий право привести статистику, подтверждающую собственные выводы и доказывающую, что таковые соответствуют научным и иным тенденциям:

Contrary to some reporting, few bed nets get used for fishing. A four-country study of over 25,000 bed

nets found less than 1% were being misused. A comprehensive analysis by Cochrane, an independent network of researchers, of 23 medical trials encompassing nearly 300,000 people showed that bed nets reduced deaths by a third. A study at Oxford concluded that they averted around 663m cases of malaria in Africa between 2000 and 2015. These important outcomes, by charities and others, should be applauded (*The Economist*. 30.10.2021).

Методологическая аргументация осуществляется в основывающихся на доказательной аргументации письмах редактору с выраженным эмпирическим компонентом, что обусловлено необходимостью сообщить читателю и автору первичного текста метод получения подтверждения тезиса для его верификации:

Your leader as well as your earlier article on the World Bank’s Doing Business report and China convey a false impression of Kristalina Georgieva’s role (“Why Georgieva should go”, September 25th). I was the senior director overseeing the report in 2017. Her direction to me was clear: verify the numbers without compromising the integrity of Doing Business (*The Economist*. 02.10.2021).

Следует также отметить вариативность обоснования аргументативной позиции автора письма, которое может быть *позитивным и критическим* [Смирнова, 2016]. Среди исследованных текстов 39 % не содержат выраженного обоснования, в 37 % осуществляется критический тип, реализующий анафорическую отсылку к более ранним выводам, а также к недостаткам оригинальной публикации, а в 24 % автор прибегает к позитивному обоснованию, подчеркивающему одобрение автором письма идей, выраженных в оригинальной публикации. Пример ниже содержит оба типа:

Alex Nicholls *rightly warns* against focusing on outputs rather than on outcomes in philanthropic programmes (Letters, October 16th). But *his example*, that antimalarial bed-net schemes “failed”, *is incorrect* (*The Economist*. 30.10.2021).

ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ АРГУМЕНТАТИВНО-РИТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ

При рассмотрении реализации риторического общения в текстах жанра письма в редакцию следует уделить внимание языковому выражению функций языка – номинации, предикации и локации. Данный аспект наиболее важен для реализации риторики воздействия.

В письмах редактору огромное значение играет вторичная номинация как использование имеющихся в языке номинативных средств в функции наречения [Шувалов, 2004]:

The stunt pulled by the illiberal left is their assertion that they are the champions of the marginalised. I do not doubt many are *sincere*, just as the leaders of the Catholic church were *sincere* in the Inquisition. Religious fundamentalists of all sorts are *sincere* (*The Economist*. 18.09.2021).

Данный пример отражают так называемую *искусственную номинацию* [Шакирова, 2012], составляющую основу большей части номинативных конструкций в письмах редактору, в то время как *естественная номинация* [там же] ограничена прецедентными феноменами, в особенности именами:

When I was a boy my heroes included *Neil Armstrong, John Glenn and Alan Shepard*. My grandson has to make do with *Jeff Bezos, Richard Branson and Elon Musk* ("The finite frontier", July 19th). Apparently the right stuff has been replaced with the rich stuff (*The Economist*. 24.07.2021).

Интересно, что относительно малое количество писем с *аффиксальной* номинацией (пять текстов) практически равно количеству таковых с *префиксальной* (четыре текста) [Сквирия, 2013], что обусловлено общей для двух типов функцией презентации политических взглядов автора письма в редакцию:

Thatcherism was little more than another form of *corporatism* (*The Economist*. 11.12.2021).

Your warning on the dangers of *wokeism* would leave many of the old thinkers on the left turning in their graves ("Out of the academy", September 4th) (*The Economist*. 18.09.2021).

Turn your attention to other European capitals if you are looking for a gap between *pro-EU* declarations and deeds (*The Economist*. 30.10.2021).

Столь же редкую, но не менее значимую роль в идентификации мировоззрения автора играет словосложение:

The *modern-day book-banners, no-platformers, deniers of free speech and opponents of universalism* in the name of identity politics are not of the left, the liberal left or even the New Left of the 1960s (*The Economist*. 18.09.2021).

Важным средством семантической связи в письмах редактору выступает *предикация*; как

отмечает Л. А. Коробова, «языковое образование приобретает статус предложения через предикативность – соотнесенность мыслительного содержания с объективной действительностью» [Коробова, 1983, с. 5]. В текстах рассматриваемого жанра наблюдается *распределенная предикация*, в рамках которой причины и следствия тех или иных действий содержатся в различных отрезках текста таким образом, что читатель самостоятельно выстраивает цепочку событий в своем сознании. При этом значение отдельных лексем, обеспечивающих предикацию, меняется таким образом, чтобы помочь читателю в интерпретации коммуникативной интенции автора:

Food's future is in the hands of regulators and consumers and so is the *fate of millions of livestock farmers*. Growing meat in a lab *may be disastrous* for them. *Engaging farmers* in these new *food futures* is *vital* (*The Economist*. 30.10.2021).

Кроме того, отметим повторение отдельных лексических средств и реализацию уже рассмотренной выше категории *прецедентности*, которая в случае предикации выражается в замене глагольных предикативных конструкций именными:

The *paradigm shift* that everyone was talking about after the financial crisis of 2007–09 *remains a work in progress*. Typically, *paradigm shifts* take a good 20 years to work out; *we are halfway there* (*The Economist*. 02.10.2021).

Характер *локативных структур* в письмах редактору находится в прямой зависимости от объекта публикации. Так, локация в письмах редактору, посвященных экономическим и внешнеполитическим вопросам, реализуется в именах собственных, а также указательных местоимениях:

Russia has made it clear that buffer states are an essential part of its defence strategy if not national identity, a principle that *NATO* seems unable to understand. *China, similarly*, is not about to give up its claims to *Taiwan*. Neither of *these perspectives* will be changed by the threat of Western hard power (*The Economist*. 08.01.2022).

В свою очередь, важным элементом убеждения в аргументативно-риторическом общении является понятие «демонстрации», т. е. связи между тезисом и аргументами [Смирнова, 2016]. Мы уже рассматривали лексико-семантические особенности текстов жанра, и следующие примеры показывают диапазон средств, используемых для

осуществления демонстрации и включающих лексические повторы, параллельные и перифрастические конструкции:

Loyalty oaths are not a novel, “woke” development at the University of California. Loyalty oaths were imposed on its employees in the 1950s, when a right-wing state legislature got caught up in the Red Scare and tried to flush out closet Marxists. This utterly failed (The Economist. 18.09.2021).

Experiments like this illustrate how fiscally big government need not imply administratively big government. Thus the need for greater public good as technology advances need not imply the growth of the administrative state (The Economist. 11.12.2021).

Наконец, во всех письмах, где задействуется *манипулятивная* риторика, наблюдается выражение риторической коммуникации на лексическом уровне, которое мы условно разделяем на *позитивное* и *негативное*. В первом случае автор письма редактору использует оценочные лексемы с положительным значением для подчеркивания правильности собственной позиции, согласия с автором оригинала или выделения значимости верного решения рассматриваемой проблемы для развития социума или человечества. Во втором случае автор обращается к лексемам с отрицательной эмоциональной окраской для указания на недостатки оригинальной публикации и, в отдельных случаях, для личных выпадов в адрес автора оригинала; кроме того, таким образом автор выделяет незначительность проблемы или неверность подходов к ее решению. Ниже приведен пример, сочетающий оба типа:

You encouraged more American and Western military engagement to make the world safer. With respect, you must be insane. Such thinking belongs in the pre-nuclear weapons era (The Economist. 08.01.2021).

Использование лексем различного значения вне зависимости от типа риторики составляет систему ментальных репрезентаций, которые формируют основу аргументативно-риторической коммуникации в письмах редактору и осуществляются согласно таким общим категориям, как авторитетное мнение, историческая справедливость, всеобщее благо, социальный прогресс, право на ошибку, экологическая солидарность, помощь бедным, право каждого гражданина на доступное жилье, образование и здравоохранение:

Contrary to popular perceptions, populist voters are not uniformly deplorable, stupid and racist; they are

deeply motivated by perceptions of a rigged, socially immobile economy (The Economist. 04.12.2021).

Данные ментальные репрезентации связывают тему одного письма с общими процессами, происходящими в мире, тем самым придавая письму редактору большую значимость в сознании читателя; в соответствии с рассмотренным в предыдущем разделе настоящей статьи членением аргументации на универсальную и контекстуальную ментальные репрезентации служат расширению актуальности контекстуальной аргументации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В публицистическом дискурсе политической направленности, осуществляющем изменение мировоззрения читателя текста, риторика выполняет крайне важную роль, что в полной мере отражено в журнальных публикациях жанра «письмо в редакцию».

Учитывая особенности жанра, мы выделили три основных вида риторического общения – воздействие, убеждение и манипуляцию – отметив, что последние два типа используются наиболее часто, так как отклик на оригинальную публикацию содержит полемический компонент, а письмо редактору в целом содержит комментарии и оценки, которые практически никогда не бывают беспристрастными. Лексико-семантическое выражение каждого из видов риторического общения уникально: воздействие реализуется постановкой семантически значимых компонентов в тексте посредством номинации, предикации и локализации; убеждение отражено в связи между тезисом и аргументами; манипуляция как наиболее эмоционально насыщенный и наименее логически обусловленный тип риторического общения выражена в категории лексической оценочности.

Полученные данные позволили сделать следующие выводы об особенностях реализации аргументативно-риторического общения в текстах жанра письма в редакцию: основными мотивами такового является дополнение, расширение и уточнение положений, упущенных либо недостаточно раскрытых в оригинальной публикации с целью восполнения информационного пробела в глазах читателей издания либо для дискредитирования журналистских компетенций автора оригинала; реализация данных мотивов осуществляется на различных уровнях языка с созданием системы ментальных репрезентаций положительного либо отрицательного характера.

Изучение данной темы будет продолжено в контексте исследования особенностей модальной коммуникации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кожевникова Т. А. Риторический аспект аргументации в современном американском политическом интервью: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2018.
2. Баранов А. Н. Лингвистическая теория аргументации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1990.
3. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М. : Гнозис, 2006.
4. Ивлев Ю. В., Новосёлов М. М., Бергман А. С. Аргументация // Гуманитарный портал: Концепты. Центр гуманитарных технологий. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7226>
5. Ивин А. А. Основы теории аргументации: учебник. М. : ВЛАДОС, 1997.
6. Смирнова О. М. Риторика и теория аргументации. Ч. 2. Теория аргументации: учебное пособие. М. : Российский государственный университет нефти и газа им. И. М. Губкина, 2016.
7. Шувалов В. И. Метафорическая стратегия рекламно-коммерческих текстов // Научные труды Московского педагогического государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». М. : Прометей, 2004. С. 407–409.
8. Шакирова Т. В. Определение понятий «естественное» и «искусственное» в качестве сопутствующих характеристик процесса номинации // Молодой ученый. 2012. № 6 (41). С. 289–291.
9. Сквиря В. К. Понятие, виды и способы номинации политической лексики в английском языке // Вестник Челябинского государственного университета. «Филология. Искусствоведение». 2013. Вып. 4 (295). С. 97–101.
10. Коробова Л. А. Заглавие как компонент текста (на материале газетной публицистики ГДР): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 1983.

REFERENCES

1. Kozhevnikova, T. A. (2018). Ritoricheskiy aspekt argumentatsii v sovremennom amerikanskom politicheskom interv'yu = A rhetorical aspect of argumentation in contemporary American political interviews: abstract of PhD in Philology. St. Petersburg. (In Russ.)
2. Baranov, A. N. (1990). Lingvisticheskaya teoriya argumentatsii = Linguistic theory of argumentation: abstract of Senior Doctorate in Philology. Institute of the Russian Language, Academy of Sciences of the Soviet Union. (In Russ.)
3. Dement'ev, V. V. (2006). Nепryamaya kommunikatsiya = Indirect Communication. Moscow: Gnozis. (In Russ.)
4. Ivlev, Yu. V., Novoselov, M. M., Bergman, A. S. (2022). Argumentation. Humanitarian Portal: Concepts. Centre for Humanitarian Technologies. <https://gtmarket.ru/concepts/7226> (In Russ.)
5. Ivin, A. A. (1997). Osnovy teorii argumentatsii: Uchebnik = Foundations of the Theory of Argumentation: a Manual. Moscow: VLADOS Humanitarian Publishing Centre. (In Russ.)
6. Smirnova, O. M. (2016). Ritorika i teoriya argumentatsii. Chast' 2. Teoriya argumentatsii: Uchebnoe posobie = Rhetorics and Theory of Argumentation. Part 2. Theory of Argumentation: a Manual. Moscow: Gubkin University. (In Russ.)
7. Shuvalov, V. I. (2004). A metaphorical strategy of commercial texts. Scientific works of Moscow State Pedagogical University. Humanities, 407 – 409. Moscow: Prometei. (In Russ.)
8. Shakirova, T. V. (2012). Defining “natural” and “artificial” as accompanying features of the nomination process. Young Scientist, 6(41), 289–291. (In Russ.)
9. Skvirya, V. K. (2013). Definition, types and ways of nomination of political lexis in the English language. Vestnik of Chelyabinsk State University. Philology. Arts, 4(295), 97–101. (In Russ.)
10. Korobova, L. A. (1983) Zaglavje kak komponent teksta (na materiale gazetnoj publicistiki GDR) = Headline as text component (on the basis of the GDR newspaper journalism): abstract of PhD in Philology. Pyatigorsk. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иволгин Александр Валериевич

преподаватель кафедры стилистики английского языка и кафедры второго иностранного языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivolgin Alexander Valerievich

Lecturer at the Department of English Stylistics and the Department of Second Foreign Languages, Faculty of English, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 23.05.2022
одобрена после рецензирования 20.06.2022
принята к публикации 11.07.2022

The article was submitted 23.05.2022
approved after reviewing 20.06.2022
accepted for publication 11.07.2022

Научная статья

УДК 81'276.6

DOI 10.52070/2542-2197_2022_8_863_57

Особенности лингвистики профессионально ориентированных текстов в парадигме межкультурной коммуникации (на материале немецкого языка)

Е. В. Климова¹, Н. Ю. Мороз²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹cha-helene99@yandex.ru

²nataschamoroz@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности профессионально ориентированных текстов в формате лингвистических проявлений. Актуальность вопроса обусловлена необходимостью социально-профессиональной консолидации будущих специалистов в современных условиях международного рынка труда, где специализированные языки широко распространены в области науки, техники и управления. На материале немецкого языка в статье анализируются лексико-синтаксические особенности профессионально ориентированных текстов.

Ключевые слова: профессиональный язык, специализированный текст, лингвистика профессионально ориентированных текстов, межкультурная коммуникация, лексико-синтаксические особенности

Для цитирования: Климова Е. В., Мороз Н. Ю. Особенности лингвистики профессионально ориентированных текстов в парадигме межкультурной коммуникации (на материале немецкого языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 8 (863). С. 57–62. DOI 10.52070/2542-2197_2022_8_863_57

Original article

Features of Linguistics of Professionally-Oriented Texts in the Intercultural Communication Paradigm (based on the material of the German language)

Elena V. Klimova¹, Natalia Yu. Moroz²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹cha-helene99@yandex.ru

²nataschamoroz@yandex.ru

Abstract. The article elaborates on the specifics of professionally-oriented texts from the perspective of linguistics. The issue shows a high relevance due to the demand on social and professional consolidation of future specialists on modern labor market. A modern specialist is supposed to use professional languages, which are widely spread in the sphere of science, technology and management. The article suggests the analysis of lexical and syntactical peculiarities of German professionally-oriented texts.

Keywords: professional language, specialized text, linguistics of professionally oriented texts, intercultural communication, lexical and syntactical peculiarities

For citation: Klimova, E. V., Moroz, N. Yu. (2022). Features of linguistics of professionally-oriented texts in the intercultural communication paradigm (based on the material of the German language). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(863), 57–62. 10.52070/2542-2197_2022_8_863_57

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫК»

Существует множество определений термина «профессиональный язык» как отечественных, так и зарубежных лингвистов. По мнению отечественного лингвиста Е. И. Малюги, общенациональный язык является фактором социальной консолидации, а профессиональный язык представляет собой самостоятельное существующее языковое явление, но в системе общенационального литературного языка [Малюга, 2010].

В этой связи можно сослаться также на похожее утверждение Е. И. Головановой, которая рассматривает специальный язык как функциональную разновидность национального языка и считает, что язык профессиональной коммуникации представляет собой автономную, хотя и не искусственно обособленную систему в рамках естественного языка, истоки которой уходят в глубь веков, где даже самый примитивный хозяйственный уклад требовал разделения труда, с чем и связано появление профессиональной лексики специальных групп. Таким образом, язык профессии представляет собой в настоящее время довольно автономное языковое явление, которое не существует отдельно от языковой системы общенационального языка. В профессиональных языках наблюдаются специфические отличия от общенационального языка на всех уровнях языковой системы. Так как эти отличия носят системный характер и ведут к определенной группировке языковых средств в общей системе языка, Е. И. Голованова считает, что, вероятно, углубление этой тенденции приведет к еще большей дифференциации профессиональных языков в системе национального языка [Голованова, 2011].

Немецкий лингвист Гадумод Буссманн (Hadumod Bussmann) похожим образом трактует понятие профессионального языка как языковую разновидность общелитературного языка с функцией точного, эффективного общения в основном в конкретных областях профессиональной деятельности. Термин «специализированные языки» она относит к «технологическим» языкам, ссылаясь на то, что на английском языке он означает «technical Languages», а на французском – «langues de spécialité». В исследованиях немецких ученых встречается термин «Fachsprache», т. е. профессиональный язык [Bussmann, 2002].

Наиболее известное и, возможно, наиболее точное определение профессионального языка было представлено известным немецким ученым в области лингвистики Лотаром Хоффманом (Lothar Hoffmann), который считает, что исследования в области профессионального языка определяют

специализированные языки как совокупность всех языковых средств, используемых в профессионально ограниченной области общения для обеспечения взаимопонимания между людьми, работающими в данной области [Hoffmann, 1988].

Однако когда речь идет о профессиональном языке целесообразно использовать множественное число, т. е. термин «специализированные языки». Количество профессиональных языков велико и область их задач широка. Профессиональные устные и письменные тексты лингвистически довольно специфичны, часто неспециалисты понимают их с большим трудом.

Работа над профессиональным языком некоторое время недооценивалась на уроках иностранного языка. В современной лингвистической науке предметный текст рассматривается как базовая коммуникативная единица, т. е. он представляет собой базовую единицу профессионального общения. На этом этапе важно подчеркнуть, что специализированные тексты не создаются для самоцели; их следует рассматривать как инструменты человеческой деятельности, что подтвердило определение Лотара Хоффманна [Hoffmann, 1988].

Необходимо заметить, что профессиональный язык относится к определенному типу социализации участников коммуникационного процесса. И в этом случае профессиональный язык как средство общения является результатом социализации внутри определенной дисциплины, которая отражает определенные структуры или элементы мышления, определяемые непосредственно содержанием профессионального контента с использованием соответствующих языковых форм или терминологии предмета.

Различные типы использования специализированного языка могут возникать в рамках одной и той же дисциплины, потому что носители и составители текстов специализированного языка по-разному социализированы в рамках одного предмета. Уместно указать на определение Е. И. Головановой, которая характеризует профессиональную личность, использующую профессиональный язык, как совокупность интеллектуальных, социально-культурных и морально-волевых качеств человека, сформированных в особой профессионально-культурной среде и отраженных в свойствах его сознания, поведения и деятельности, которые через профессиональный язык отображают определенные структуры сообщений и предназначены для общения через предметный контент [Голованова, 2011].

Поскольку профессиональный язык основан на общеязыковом «инвентаре» фонологических, лексических, синтаксических и стилистических средств, он характеризуется определенными

лингвистическими особенностями, которые отличают его от общего языка. Профессиональный язык не считается самостоятельным проявлением языка, но является подсистемой общего языка, представляя собой совокупность языковых средств, используемых в одной из определенных областей человеческой деятельности и служащих средством коммуникационного взаимопонимания среди профессионалов. Такого рода профессиональная область характеризуется специфическим словарным запасом и специальными нормами, предназначенными для использования наряду с общеязыковыми лексическими и грамматическими средствами.

Общий язык понятен и используется всеми носителями определенной языковой системы. Язык специальности используется в одной области знаний, и его профессиональные термины четко обозначены. Специализированные языки включают в себя не только термины и терминологию, но и фонетические и морфологические средства, лексические элементы (специализированные слова), синтаксические и стилистические конструкции и т. д.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ТЕКСТЫ

Основы профессионального обучения и преподавания профессионального языка как иностранного имеют характерные особенности. Так, например, немецкий лингвист Торстен Релке (Thorsten Roelcke) считает, что специализированные тексты являются сложными и согласованными языковыми (и неязыковыми) высказываниями в рамках общения в определенной сфере деятельности человека. Помимо лексических и грамматических особенностей они отличаются подлинными текстуальными особенностями, которые поддерживают и предназначены обеспечивать профессиональное общение и, безусловно, определяют степень профессионализма его участников [Roelcke, 2010].

Следует учитывать, что исследования специализированного языка стремятся прийти к дифференциации типов текстов путем анализа конкретных профессиональных сфер. С другой стороны, текстовая лингвистика пытается исходить из текста и его специфики. И с этой точки зрения специализированные тексты представляют собой сложные структурно-функциональные единицы. Целевая аудитория профессионально ориентированных текстов – специалисты в той или иной сфере. Немецкий лингвист Бауман (Baumann, K.-D.) придерживается мнения, что в различных областях профессионального общения, кроме лексического уровня, специфические особенности других языковых уровней постоянно развиваются и трансформируются, поэтому

следует распространить анализ таких текстов на все уровни языка [Baumann, 1992].

Это должно означать, что в настоящее время характеристики специализированных текстов находят свое выражение не только в конкретном словарном запасе (лексике), но и на всех уровнях языка в зависимости от соответствующей профессиональной сферы. Так среди специализированных текстов различают, например, научные, научно-популярные, политические, технические, медицинские, юридические, экономические и др.

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ И ИХ ТИПИЧНЫЕ СВОЙСТВА В ФОРМАТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОПИСАТЕЛЬНЫХ УРОВНЕЙ

Специфический признак текстов профессионального языка – употребление специального вокабуляра по сравнению с общеупотребительной лексикой, т. е. использование определенной терминологической системы и / или номенклатуры в соответствующей профессиональной сфере, которая включает разные части речи и которую необходимо отдельно выделить из общеупотребительного языка.

В немецком языке эксклюзивно профессиональный характер имеют не только определенные части речи (например, существительные), но и глаголы, прилагательные и другие части речи:

- существительное: *Iso-Propanol* (*изопропанол*)
- глагол: *sandstrahlen* (*производить пескоструйную обработку*)
- прилагательное: *spanabhebend* (*снимающий стружку*)
- частица: *gerade dann, wenn* (*именно тогда, если*)
- предложения – *Ich stelle fest, dass es nicht der Fall ist¹* (*Я констатирую, что это не тот случай²*).

Терминологическая номенклатура профессионального языка содержит максимально полный перечень наименований и / или обозначений какой-либо предметно-профессиональной области, где между объектами не должно быть полностью определенных, тем более систематических или иерархических отношений. Такого рода номенклатуры терминов существуют, например, в медицине, биологии, химии и фармацевтике и других профессиональных областях.

¹ URL: <https://nats-www.informatik.uni-hamburg.de/~vhahn/German/Fachsprache/vHahn/Eigenschaften/Texte/Eigenschaften.htm>

² Зд. и далее перевод наш. – Е. К., Н. М.,

Для профессиональной терминологии в большой степени характерны лексические сокращения, смысл которых заключается, с одной стороны, в экономии употребления профессиональных терминов после однозначно трактуемого понятия, с другой – в однозначности коммуникационной ситуации. В случае сокращений профессиональных терминов в немецком языке опускаются определяющие слова, например:

- Klemmenabdeckplatte → Abdeckplatte → Platte (накладка на клемму → накладка → панель)
- Bohrmaschine → Bohrer (сверлильный станок → сверло)
- Digitalanzeigevorrichtung → Anzeige (устройство цифрового дисплея → дисплей)¹

Существует ли эксклюзивный синтаксис профессионального языка? Возникает та же проблема, что и в вопросе о разнице между специализированными языками и общим языком. Без констатации отличия общего языка от профессионального критерий исключительности бессмыслен, так как существующие описания синтаксиса почти всегда являются общезыковыми. Таким образом, в грамматике любого общего языка можно найти примеры профессионального языка в большом количестве: *a resultiert aus B (A является результатом B)*.

Was bisher geschehen ist, läßt sich am besten am Beispiel Brasiliens, des größten Subkontinents zeigen.²

То, что произошло до сих пор, лучше всего показать на примере Бразилии, крупнейшего субконтинента.

Синтаксис профессионального языка не эксклюзивное явление по отношению к общеупотребительному литературному языку. Он представляет собой скорее специальное распределение и оценку в использовании общеупотребительных языковых средств. Примерами типичных синтаксически значимых языковых конструкций является модальность высказываний в отношении речевого акта, намерения или действия. Например, употребление таких существительных, как: *Tatsache, Frage, Problem, Fall, Vorstellung, Behauptung, Umstand, daß...* (факт, вопрос, проблема, случай, представление, утверждение, обстоятельство, что...). В профессионально ориентированных текстах нередко используются модальные слова для модальной маркировки текстового содержания. В немецком языке такими маркерами считаются слова и выражения: *in der Regel, zweifellos, aus meiner Sicht, alles in allem* (обычно, несомненно, на мой взгляд, в общем и целом).

¹URL: <https://nats-www.informatik.uni-hamburg.de/~vhahn/German/Fachsprache/vHahn/Eigenschaften/Texte/Eigenschaften.htm>

²<https://nats-www.informatik.uni-hamburg.de/~vhahn/German/Fachsprache/vHahn/Eigenschaften/Texte/Eigenschaften.html>

Кроме того, профессиональный язык изобилует структурированными атрибутами. Такого рода атрибуты особенно характерны для профессионально ориентированных текстов на немецком языке:

Die bei solchen von Menschen nachträglich befestigten Ufern in einiger Tiefe sich typischerweise ansiedelnden Lebewesen.

На таких берегах, впоследствии укрепленных людьми, на некоторой глубине обычно поселяются живые существа³.

С точки зрения синтаксиса профессиональные тексты часто включают распространенные придаточные предложения, что особенно часто встречается в специализированных текстах на немецком языке.

Лингвист из Германии Анке Феринг (Anke Fehring) приводит пример такого предложения из немецкого учебника, который наглядно иллюстрирует это явление:

Eine mit den Ausführungen unter a) und b) kompatible, in der Perspektive aber leicht veränderte Interpretation der unterschiedlichen kommunikativen Verhaltensweisen von Männern und Frauen ist die Ausdeutung der Unterschiede als Ausdruck eines kooperativen und konsensorientierten weiblichen Interaktionsverhalten gegenüber einem leistungs- und konfliktorientierten Verhalten auf Seiten der Männer [Fehring, 2017].

Интерпретация отличий в коммуникативном поведении мужчин и женщин, соответствующая положениям разделов а) и б), но слегка измененная в перспективе, является толкованием этих отличий как выражение интерактивного поведения женщин, направленного на взаимодействие и ориентированного на достижение консенсуса, в сравнении с поведением мужчин, ориентированным на результативность и конфликт.

На уровне стилистики часто встречаются слова, используемые для «тонирования» высказывания: *relativ, einigermaßen, ziemlich, mehr oder weniger, ungefähr, verhältnismäßig* (относительно, достаточно, довольно, более или менее, приблизительно, пропорционально) и так называемые вторичные предлоги: *angesichts, hinsichtlich, ungeachtet, auf Grund von, in Hinblick auf, in Bezug auf* (ввиду, в отношении, несмотря на, на основании, касаясь).

В профессионально ориентированных текстах, как правило, имеет место анонимизация высказывания, например в немецком языке с помощью безличного местоимения *man* или посредством использования глагольной формы презенса, пассивных глагольных форм, грамматических модальных

³URL: <https://nats-www.informatik.uni-hamburg.de/~vhahn/German/Fachsprache/vHahn/Eigenschaften/Texte/Eigenschaften.html>

конструкций, вербальных абстракт (Verbalabstarkta), т. е. отглагольных номинализаций:

Wenn man die Flüssigkeit abgießt, sieht man einen braunen Bodensatz.

Когда вы сливаете жидкость, видно коричневый осадок почвы.

Nach Abgießen der Flüssigkeit ist ein brauner Bodensatz zu sehen.

Если жидкость выливается, виден коричневый напор почвы¹.

Конденсация текстуальных высказываний с помощью функциональных глаголов представляет собой еще одну характерную особенность профессиональных текстов. В немецком языке существует группа семантически бедных функциональных глаголов, таких как: *bringen, geben, setzen, treten, kommen, nehmen* (принести, давать, ставить, наступать, приходить, брать). С использованием соответствующих существительных возникают функциональные глагольные соединения, где глаголы имеют почти вспомогательный характер. Именной характер терминологии сохраняется, а форма глагола больше не обозначает личное действие: *zur Aufführung bringen, in Ansatz bringen, in Vorlage treten, zur Anwendung kommen, in Auftrag geben, Entscheidung treffen* (привести в исполнение, ввести в курс дела, представить, применить, заказать, принять решение).

Конденсация профессионально ориентированного текста возможна также с помощью номинализации. Например:

X ist verboten; jedem, der versucht, x zu tun, wird hier durch mit einer Strafe gedroht.

Действие X запрещено каждому, а тот, кто попытается осуществить действие X, тому грозит наказание.

X ist bei Strafandrohung verboten.

Действие X запрещено, в противном случае – угроза наказанием².

¹URL: <https://nats-www.informatik.uni-hamburg.de/~vhahn/German/Fachsprache/vHahn/Eigenschaften/Texte/Eigenschaften.htm>

²URL: <https://nats-www.informatik.uni-hamburg.de/~vhahn/German/Fachsprache/vHahn/Eigenschaften/Texte/Eigenschaften.html>

В профессиональных текстах часто встречаются пространственные ссылки, такие как: *wie unten angegeben, wie oben gezeigt* (как показано ниже, мы показали выше).

На конденсацию профессионального текста указывают ссылки на неязыковые элементы, т. е. какой-либо факт кратко представлен рисунком или формулой. При этом происходит смешение языковых и неязыковых знаков, связь которых друг с другом должна быть четко установлена. Либо к неязыковым объектам прилагается ссылочный заголовок (например, *рис. 3*), который можно использовать в качестве ссылки «... как показано на рисунке 3», или пространственная последовательность отмечена двоеточием, тогда выражение имеет вид формулы: $g \text{ Ed} \rightarrow p (g) < p' (g)$.

Выводы

1. Профессиональный язык основан на общеязыковом инвентаре фонологических, лексических, синтаксических и стилистических средств, но характеризуется определенными лингвистическими особенностями, которые отличают его от общего языка. Профессиональный язык характеризуется как специфическое средство общения, которое обеспечивает точное и четкое взаимопонимание между профессионалами в определенной области знаний. Разграничение, или дифференциация, между текстом общего лексического характера и специализированным текстом является предметом анализа в лингвистике специализированного текста. Исходя из многих определений, специализированный текст лежит в основе специализированного дискурса, являясь профессиональным маркером.

2. В лингвистической парадигме профессионально ориентированные тексты на немецком языке характеризуются модальностью, анонимизацией содержания, наличием структурированных атрибутов и функциональными глагольными соединениями. Синтаксическая часть содержания профессиональных текстов часто представляет собой распространенные придаточные предложения, а терминологическая номенклатура таких текстов имеет тенденцию к конденсации содержания. Характерным элементом специализированного текста выступает встраивание неязыковых элементов в его содержание.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Малюга Е. Н. Основные характеристики профессионального языка. Категория профессионального деятеля в динамическом пространстве языка (лингвокогнитивный анализ): дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2004.
2. Голованова Е. И. Введение в когнитивное терминоведение: учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2011.

3. Bussman H. (Hrsg.). Lexikon der Sprachwissenschaft. Dritte, aktualisierte und erweiterte Auflage. Tübingen: Alfred Kröner Verlag in Stuttgart GmbH, Verlag Stuttgart, 2002.
4. Hoffman L. Vom Fachwort zum Fachtext. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1988.
5. Roelcke T. Fachsprachen. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2010.
6. Baumann K.-D. Fachtextsorten als Thema: Zur Einführung, in Fachliche Textsorten. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1992.
7. Fehring Anke. Textverständlichkeit. 2017. URL: https://www.uni-due.de/imperia/md/images/schreibwerkstatt/sprachtipps_4_textverstaendlichkeit_endversion.pdf

---

REFERENCES

1. Malyuga, E. N. (2004). Osnovnyye kharakteristiki professional'nogo yazyka. Kategoriya professional'nogo deyatelya v dinamicheskom prostranstve yazyka (lingvokognitivnyy analiz) = The main characteristics of professional language. The category of a professional figure in the dynamic space of language (linguocognitive analysis): Senior Doctoral thesis in Philology. Chelyabinsk. (In Russ.)
2. Golovanova, E. I. (2011). Vvedeniye v kognitivnoye terminovedeniye: ucheb. posobiye = Introduction to cognitive terminology: textbook. Moscow: Flinta : Nauka. (In Russ.)
3. Bussman, H. (Hrsg.). (2002). Lexikon der Sprachwissenschaft. Dritte, aktualisierte und erweiterte Auflage. Tübingen: Alfred Kröner Verlag in Stuttgart GmbH, Verlag Stuttgart. (In German)
4. Hoffman, L. (1988). Vom Fachwort zum Fachtext. Tübingen: Gunter Narr Verlag. (In German)
5. Roelcke, T. (2010). Fachsprachen. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2010. (In German)
6. Baumann, K.-D. (1992). Fachtextsorten als Thema: Zur Einführung, in Fachliche Textsorten. Tübingen: Gunter Narr Verlag. (In German)
7. Fehring, Anke. (2017). Textverständlichkeit. https://www.uni-due.de/imperia/md/images/schreibwerkstatt/sprachtipps_4_textverstaendlichkeit_endversion.pdf (In German)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Климова Елена Владимировна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области медиатехнологий
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

Мороз Наталья Юрьевна

кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой лингвистики
и профессиональной коммуникации в области медиатехнологий
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Klimova Elena Vladimirovna

PhD (Philology), Associate Professor at the Department of Linguistics
and Professional Communication in the Sphere of Media Technologies,
Institute of International Relations and Social and Political Sciences, Moscow State Linguistic University

Moroz Natalia Yurievna

PhD (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Linguistics
and Professional Communication in the Sphere of Media Technologies,
Institute of International Relations and Social and Political Sciences, Moscow State Linguistic University

---

Статья поступила в редакцию 16.05.2022
одобрена после рецензирования 10.06.2022
принята к публикации 11.07.2022

The article was submitted 16.05.2022
approved after reviewing 10.06.2022
accepted for publication 11.07.2022

Научная статья

УДК 81'44; 811.221.18

DOI 10.52070/2542-2197_2022_8_863_63

Результативная акциональность в осетинских глаголах начинательного способа действия (в сопоставлении с русским языком)

А. А. Левитская

*Институт истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания, Владикавказ,
Республика Северная Осетия-Алания, Россия, 54alina.levitskaya@gmail.com*

Аннотация. В статье приводятся результаты наблюдений над особенностями обозначения начинательности действия в современном осетинском языке в сопоставлении с русскими функционально-переводными соответствиями. Работа проводилась с использованием методов компонентного анализа, описательного, сравнительного и типологического. Результаты исследования убеждают в единстве закономерностей восприятия мира носителями разных языков при расхождении в уникальных комбинациях универсальных и идиоэтнических смыслов, отличающих аспектуальные системы сопоставляемых языков.

Ключевые слова: начинательность, инхоативность, ингрессивность, способ действия, предельность, неопредельность, результативность, универсальность, идиоэтничность

Для цитирования: Левитская А. А. Результативная акциональность в осетинских глаголах начинательного способа действия (в сопоставлении с русским языком) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 8 (863). С. 63–72. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_8_863_63

Original article

Resultative Actionality in the Ossetian Verbs of the Initiative Mode of Action (in comparison with the Russian language)

Alina A. Levitskaya

*Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz,
the Republic of North Ossetia-Alania, Russia, 54alina.levitskaya@gmail.com*

Abstract. The results of observations on the peculiarities of the designation of the initiative mode of action in the modern Ossetian language in comparison with the Russian functional-translational correspondences using methods of the component, descriptive, comparative, typological types of analysis convince of the unity of the laws of perception of the world by native speakers of different languages with discrepancies in unique combinations of universal and idioethnic meanings that distinguish the aspectual systems of the compared languages.

Keywords: initiativeness, inhoativity, ingressivity, mode of action, terminativeness, aterminativeness, resultativeness, universality, idioethnicity

For citation: Levitskaya, A. A. (2022). Resultative actionality in the Ossetian verbs of the initiative mode of action (in comparison with the Russian language). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(863), 63–72. 10.52070/2542-2197_2022_8_863_63

ВВЕДЕНИЕ

В статье исследуются особенности обозначения начинательности действия в современном осетинском языке с позиции их отнесенности, так же как и в русском, к терминативно-временным способам действия (СД), образующим сферу глагольной лексики с предельностью особого характера. «Само значение начинательности является предельным, так как оно указывает на становление действия. Поэтому начинательность придает непредельным глаголам значение предельности» [Шелякин, 2017, с. 79]. Временная граница начала действия, собственно говоря, и служит его своеобразным ограничителем, его пределом. Краткое исследование начинательности как характеризованного СД впервые в осетиноведческой научной традиции было предпринято нами в рамках общего описания организации функционально-семантического поля аспектуальности (ФСП) в современном осетинском языке [Цалиева, 1983]. Были выделены и описаны СД со значением начинательности, осложненным такими акциональными нюансами, как внезапность (например, «**æрбау**асын / неожиданно, внезапно замычать» и др.), интенсивность («**ныу**асын / громко, сильно замычать» и др.), подчеркнутая результативность («**бау**асын / замычать» с подчеркнутым значением начала действия как искомого результата и др.), которые маркируются соответствующими превербами: **æрба-**, **ны-**, **ба-**. Кроме того, были выделены разряды глаголов со значением начинательности без дополнительных акциональных оттенков, маркированной превербами **æр-** (*æрсыбар-сыбур кæнын*¹ / *зашуршать* и др.) и **с-** (*скуысын* / *заработать* и др.).

Несмотря на то, что в русской аспектологии теме начинательности как особому СД посвящено немало научных исследований (А. А. Авилова, 1980; А. В. Бондарко, 1971; А. А. Зализняк, А. Д. Шмелев, 2000; Е. А. Земская, 1955; Ю. С. Маслов, 2004; В. П. Недеяков, 2017; В. С. Храковский, 2017; М. А. Шелякин, 1972 и др.), «в области функционирования начинательных глаголов еще много неясного, в частности, не ясно, что связано с нормативной избирательностью средств, что – со значением коррелятов начинательности, а что – со смысловыми особенностями данного показателя начинательного значения» [Недеяков, 2017, с. 195]. В этой связи более чем актуальными представляются слова Ю. С. Маслова о том, что «наиболее перспективными сопоставительными исследованиями окажутся такие, которые а) учитывают, в первую очередь, функционально-семантические, содержательные сходства и различия внешне структурного порядка; б) не ограничиваются поисками в одном языке

смысловых эквивалентов для видовых категорий другого, но стремятся выявить, что в сфере аспектуальной интерпретации действия, обозначенного глаголом, составляет специфику данного языка по сравнению с другими...» [Маслов, 2004а, с. 345].

ИНХОАТИВНАЯ НАЧИНАТЕЛЬНОСТЬ

Выше мы обратили внимание на акциональные нюансы значения начинательности, маркируемые в осетинских глаголах начинательного СД приставками **æрба-**, **ба-**, **ны-**, что позволило выделить глаголы:

- внезапно-начинательного СД (*æрбаниуын* / *внезапно завывать*; *æрбазыр-зыр к.* / *внезапно задрожать*; *æрбарынчын уын* / *неожиданно заболеть* и др.);
- результативно-начинательного СД (*базарын* / *запеть*; *базмæлын* / *завешелиться*; *бакæл-кæл к.* / *захохотать* и др.);
- интенсивно-начинательного СД (*ныхху-дын* / *громко засмеяться*; *ныддодой к.* / *громко запричитывать*; *ныззарын* / *громко запеть* и др.) [Левитская, 2007].

Значение начинательности действия без дополнительных акциональных оттенков, как было отмечено выше, маркируется в современном осетинском языке приставками **æр-** и **с-**, например:

Вот каблуки ее **застучали** по родному крыльцу. –
Мæнæ йæ зæвæттæ **скъуырцц-къуырцц кодтой** йæ
райгуырæн хæдзары дæлбазыры²

Машина **завелась**. – Машина **скуыста**.

Сопоставление вышеназванных (и им подобных) примеров осетинских приставочных образований в значении начинательного СД с их русскими функционально-переводными соответствиями дает возможность сделать вывод, что начинательность, маркированная приставками **æр-**, **æрба-**, **ба-**, **ны-**, **с-** – это начинательность инхоативная: «Инхоативные глаголы как бы «вырезают» начальный отрезок ситуации, по которому можно идентифицировать всю ситуацию в целом... Инхоативный СД... образуется от обозначения гомогенных ситуаций, не имеющих ни начальной, ни конечной фазы, отличной от срединной...» [Зализняк, Шмелёв, 2000, с. 107]. В «Русской грамматике» эта разновидность начинательности определяется «как приступ к действию, имеющему дальнейшее продолжение,

¹ Далее *кæнын* – к., вспомогательный глагол в составных глаголах.

² В статье рассуждения автора иллюстрируются примерами из романа А. Фадеева «Молодая гвардия» на русском и осетинском языках. А. А. Фадеев. Молодая гвардия // Собр. соч. в 7 т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1970.; А. Фадеев. *Æрыгон гварди*. Дзеуджыхъæу: Цæгæт Ирыстоны чингуыты рауагъдат, 1953.

обладающему длительностью... Такие глаголы всегда могут быть истолкованы сочетанием «начать делать что-либо» [Авилова, 1980, т. I, с. 597]. Осетинские глаголы данной разновидности начинательности образуются так же, как и в русском языке, от исходных бесприставочных с самыми разными лексическими значениями – цвета, звучания, света, многоактного действия, внутреннего состояния и других глаголов, обозначающих гомогенные¹ процессы [Левитская, 2007]. Но, если «русский язык устроен таким образом, что только для гомогенных ситуаций начальной фазе соответствует специальный концепт, закрепленный в определенной словообразовательной модели (в модели с приставкой *за-*)» [Зализняк, Шмелёв, 2000, с. 109], то в осетинском языке данному концепту соответствуют словообразовательные модели с приставками *æр-*, *с-*, а также с приставками *æрба-*, *ба-*, *ны-*, вносящими акциональные оттенки, дополнительные к значению начинательности.

Исключением в этих аспектуально-акциональных и лексико-семантических параллелях между русско-осетинскими функционально-переводными соответствиями является группа глаголов движения-перемещения. При образовании значений начинательного СД от глаголов данного лексико-семантического разряда в современном осетинском языке наблюдаем заметные расхождения с русским языком. Дело в том, что в русском языке инхоативная начинательность образуется от глаголов ненаправленного (разнонаправленного) движения: *заходить, забегать, залетать, зашагать, задвигаться* и т. д. [там же, с. 107], а от глаголов однаправленного движения с помощью приставок образуется значение начинательности другой разновидности – ингрессивной²: *пойти, побежать, поплыть, поехать, полететь, помчаться, потечь* и др., когда в начинательных ингрессивных глаголах «выражается слияние начала действия с последующим действием, цельность начала и последующего протекания действия» [Авилова, 1980, с. 597]. В глаголах с ингрессивной начинательностью «значение начинательности ослаблено, оказывается как бы заместителем значения действия в целом... Ингрессивное значение в каком-то смысле смыкается с результативным: начало некоторой ситуации

оказывается равнозначным ее осуществлению» [Зализняк, Шмелёв, 2000, с. 110].

В осетинских бесприставочных глаголах движения совмещено обозначение ненаправленных (разнонаправленных) и одинаправленных действий: *цæуын – идти, ходить; згъорын – бегать, бежать; тæхын – лететь, летать; хæсын – нести, носить; ласын – везти, возить* и т. д.

Присоединение любой приставки к бесприставочному глаголу движения сообщает ему значение линейной одинаправленности и дополнительно (кроме приставки *фæ-*) значение пространственной ориентации с позиции условного наблюдателя за действием при его локализации внутри, снаружи, наверху, внизу [Абаев, 1962; Исаев, 2010; Выдрин, 2016], поэтому одному и тому же русскому глаголу перемещения (наружу, внутрь, вниз) соответствуют два разных осетинских глагола в зависимости от локализации условного наблюдателя:

<i>выйти</i> (движение наружу)	}	<i>ацæуын</i> – наблюдатель находится внутри <i>рацæуын</i> – наблюдатель находится снаружи
<i>войти</i> (движение внутрь)	}	<i>æрбацæуын</i> – наблюдатель внутри <i>бацæуын</i> – наблюдатель снаружи
<i>пойти вниз</i> (спуститься)	}	<i>ныццæуын</i> – наблюдатель наверху <i>æрцæуын</i> – наблюдатель внизу
<i>пойти наверх</i> (подняться)	}	<i>сцæуын</i> – без указания локализации наблюдателя

Преверб *фæ-* может обозначать одинаправленное движение в любом направлении при любой локализации условного наблюдателя. Уточнение пространственно ориентационной семантики в случаях с обозначением действия движения глаголом с *фæ-* актуализируется при необходимости контекстом. Принимая во внимание два вышеназванных факта, а именно:

1) осетинские бесприставочные глаголы движения вне контекста обозначают и одинаправленные, и ненаправленные (разнонаправленные) действия;

2) каждый осетинский преверб (кроме *фæ-*) вносит в приставочное образование от глаголов движения наряду со значением определенного направления действия и значение определенной пространственной локализации условного

¹Гомогенными, вслед за А. А. Зализняком и А. Д. Шмелёвым, мы называем «непредельные процессы, которые обычно являются однородными, т. е. представляют собой повторение одних и тех же элементов» [Зализняк, Шмелёв, 2000, с. 67].

²Термины «ингрессивная», «инхоативная» начинательность различается в соответствии с определениями, данными этим разновидностям начинательности А. А. Зализняком, А. Д. Шмелёвым [Зализняк, Шмелёв, 2000, с. 106], используемым ими вслед за Е. А. Земской [Земская, 1955].

наблюдателя – находим объяснение тому факту, что русские глаголы со значением инхоативной начинательности типа *заходить, забегать, зашагать* и т. д. не имеют функционально-переводных соответствий среди осетинских приставочных глаголов движения. Причина, на наш взгляд, очевидна: русские глаголы движения со значением инхоативной начинательности остаются глаголами неоднаправленными. Именно в силу этой семантической особенности – сохранения ненаправленности – «специальный содержательный концепт – глагол с приставкой *за-*, закрепленный в русской словообразовательной модели только для описания начальной фазы глагольных ситуаций» [Зализняк, Шмелёв, 2000, с. 109], не может иметь аспектуально-акциональной параллели среди осетинских приставочных глаголов движения.

Все осетинские приставочные глаголы движения являются одинаправленными и поэтому не могут выступать функционально-переводными соответствиями русских ненаправленных глаголов с приставкой *за-* в значении инхоативной начинательности. Для выражения этой разновидности начинательности в осетинском языке используются описательные обороты со вспомогательными глаголами *байдайын / начать, приступить; райдайын / начать, приступить; сисын / начать, взяться* (менее употребителен): *цæуын байдайын / заходить, начать ходить; згъорын райдайын / забегать, начать бегать; санчъех кæнын сисын / зашагать, начать шагать* и др. Например:

Валько отпустил Костиевича и **заходил** по камере. – Валько æруагъта Костиевич æмæ камерæйы **рацу-бацу кæнын байдыдта**.

Акциональной особенностью осетинских соответствий русским глаголам со значением инхоативной начинательности является также и указание на кратный (или многоактный) характер начавшегося ненаправленного действия: в русских вариантах это значение присутствует имплицитно, а в осетинских вариантах оно обозначено глаголами многоактного повторно-возвратного СД (*рацу-бацу к. / ходить, шагать туда-сюда; рауай-бауай к. / бегать, ходить туда-сюда* и т. д.) [Левитская, 2019], от которых образованы глаголы в значении инхоативной начинательности, т. е. оба акциональных значения – и начинательность, и особая разновидность мультипликативности в осетинских формах эксплицированы. В этом плане осетинский язык проявляет бóльшую последовательность в обозначении аспектуально-акциональных характеристик действия с инхоативной начинательностью, чем русский.

ИНГРЕССИВНАЯ НАЧИНАТЕЛЬНОСТЬ, МАРКИРОВАННАЯ ПРЕВЕРБОМ А-

Отдельного анализа и описания заслуживает ситуация в современном осетинском языке с выражением глаголами движения значения ингрессивной начинательности, когда «начало и продолжение действия слиты в едином целом, которое не членится на фазисы (достижение результата в процессе возникновения действия): *пойти вскричать...* Такие глаголы не могут быть преобразованы в сочетании с глаголом *начать*» (*начать делать что-либо*) [Авилова, 1980, с. 597]. Наиболее выразительно начинательность этой разновидности выражается в современном русском языке глаголами с префиксом *по-*: *пойти, побежать, поплыть, поехать, полететь, помчаться* и т. д., а в осетинском языке – приставочными образованиями с *а-*. Заметим, что русский префикс *по-* в таком значении присоединяется к глаголам одинаправленного движения. Что касается осетинских функционально-переводных соответствий русским глаголам движения со значением ингрессивной начинательности, маркированным приставкой *по-*, то, как подтверждает фактический материал, это, как правило, глаголы с приставкой *а-*. (Есть еще и группа бесприставочных глаголов движения с имплицитным присутствием в их семантике идеи направленности движения типа *раст уын / отправляться в путь; тæбæртт к. / мчаться, бежать; æсхуысын размæ / рваться вперед* и т. д., от которых с помощью преверба *фæ-* возможно также выражение значения ингрессивной начинательности: *фæраст уын / отправиться; фæтæбæртт к. / помчаться, побежать; фесхуысын¹ размæ / рвануться вперед* и т. д., но об этой части глагольной лексики речь будет идти ниже.) Сосредоточим наше внимание на факте актуализации значения ингрессивной начинательности в глаголах движения именно в приставочных образованиях с *а-* (другие осетинские приставки это значение не маркируют). Например:

Олег... с силой оттолкнувшись от угла, **побежал вниз по улице, к балке**. – Олег... кзулæй йæжи асхойгæйæ, уынг-уынг **азгъордта** далæгмæ, æрхы'рдæм.

Объяснение факта обозначения ингрессивной начинательности в осетинских глаголах движения именно приставочными образованиями с *а-* кроется, на наш взгляд, в том, что в отличие от других превербов, только данный преверб при соединении с глаголами движения вносит значение

¹фæ – вариант приставки фæ- как результат стяжения гласного приставки и начального гласного æ- корня.

удаления прочь по горизонтали в сторону от условного наблюдающего за действием, что не противоречит не только идее начала действия линейного перемещения в широком смысле слова, но и идее слияния начала с последующим протеканием действия. Пространственно-ориентационная семантика этого преверба обеспечивает возможность выражения с его помощью ингрессивной начинательности и тем самым функционального соответствия русским глаголам с приставкой *по-*, образующей от бесприставочных однонаправленных глаголов движения значение ингрессивной начинательности.

Выше мы уже упоминали о способности преверба *а-* маркировать значение делимитативности при соединении с глаголами определенных лексико-семантических разрядов, в том числе и с глаголами движения при актуализации в них (в соответствующем контексте) значения ненаправленного перемещения: *аратæх-батæх к. / полетать*; *аразгъор-базгъор к. / побегать*; *арадав-бадав к. / поносить* и др. Например:

Ваня бесцельно **потыкался** из угла в угол и сел, не утишив угрызений совести.

Ваня æнæсæрфат **рауай-бауай акодта** иу къуымæй иннæ къуыммæ æмæ æрбадт, – йæ зæрды цы уыд, уый йæ къухы нæ бафтгæйæ.

Обращает на себя внимание в осетинских вариантах глагольных форм комбинация значений делимитативности и кратности (многоактности) действия, которые маркируются соответствующими морфологическими показателями: делимитативность – превербом *а-*, повторно-возвратная многоактность – сложным префиксом *ра-* – *ба-* и повтором основы (глагол характеризованного многоактного повторно-возвратного СД).

Таким образом, сопоставление аспектуально-акциональных потенциалов осетинских глаголов движения с приставкой *а-* и русских глаголов с приставкой *по-* обнаруживает черты сходства при выражении русско-осетинскими функционально-переводными соответствиями значения ингрессивной начинательности, когда в контексте актуализируется идея однонаправленного характера перемещения: *азгъорын / побежать*, *атæхын / полететь*, *ацæуын / пойти* и т. д., а также при выражении делимитативности, когда в контексте актуализируется идея ненаправленного движения: *аленк к. / поплавать*, *арабыр-бабыр к. / поползть*, *арадав-бадав к. / поносить* и т. д. Очевидны и определенные расхождения: при выражении инхоативной начинательности осетинские глаголы могут комбинировать это значение с другими акциональными оттенками, например с многоактностью:

рацу-бацу к. байдайын / начать ходить туда-сюда, заходить; *разгъор-базгъор сисын / забегать, начать бегать туда-сюда* и др.; так же, впрочем, как и при обозначении делимитативного характера движения, о чем речь шла выше. В осетинских вариантах функциональных соответствий каждый из акциональных смыслов морфологически маркируется, тогда как в русских вариантах обозначается только начинательность, другие смыслы присутствуют имплицитно. Данный факт составляет выразительную аспектуально-акциональную идиоэтническую особенность современного осетинского языка.

Значение делимитативности действия в современном осетинском языке выражается приставочными образованиями с *а-* от глаголов разных лексико-семантических разрядов неопредельной семантики [Цалиева, 1983], как, впрочем, и в современном русском языке – с помощью приставки *по-* [Зализняк, Шмелёв, 2000]. При соединении с приставкой *а-* происходит сдвиг в семантике осетинского глагола, значение образованной приставочной лексемы попадает в сферу семантики СВ, и тем самым и в сферу категории предельности. В таких глаголах «предел носит иной характер, чем в обычных предельных глаголах: он обусловлен не внутренним содержанием действия, не внутренней логикой его развития, а большей или меньшей, но всегда ограниченной “порцией времени”, отведенной на протекание этого действия. С известной точки зрения, такой чисто временной предел... тоже должен быть назван “внутренним”, не только в том смысле, что на его наличие указывает сама форма глагола, его основа (а именно – приставка), а не какой-либо “внешний”, т. е. контекстный ограничитель – другое слово (ведь обстоятельство продолжительности действия лишь уточняет “порцию времени”, указание на которую дано уже приставкой)» [Маслов, 1959, с. 200]. Глаголы такого рода выделяются как предельно количественные. Согласно нашим исследованиям, они образуются, как и в русском языке [Шелякин, 1972], не от всех неопредельных основ, а главным образом от таких, которые обозначают действия и которые могут быть ограниченными временем или степенью его развития. Как справедливо заметила Н. С. Авилова, в русском языке иногда трудно различить в глаголах с префиксом *по-* значение «произвести действие слегка, с небольшой интенсивностью» и значение «произвести действие в течение недолгого времени». Иногда эти значения совмещаются: «Поговорили немного и разошлись» [Авилова, 1980, с. 599]. В осетинских глаголах с префиксом *а-* различие аттенуативности и делимитативности тоже довольно часто возможно только благодаря контексту, но «без преверба *а-* осетинский

глагол этих значений вовсе не имеет» [Цаболов, 1957, с. 339]. Например:

Катя **поскребла** *еще раз*.

Катя та *ноджыдæр ахыртт-хыртт кодта*.

ИНГРЕССИВНАЯ НАЧИНАЛЬНОСТЬ, МАРКИРОВАННАЯ ПРЕВЕРБОМ ФÆ-

Возвращаясь к теме выявления терминативно-временных значений, маркированных превербом **фæ-**, в связи с анализом способов выражения ингрессивной начинательности, отметим, что факты функционирования приставочных образований с **фæ-** в этой разновидности начинательности наблюдаем в случаях соединения преверба **фæ-** с беспривставочными глаголами в следующих лексикосемантических разрядах:

- глаголы движения, в семантике которых присутствует идея направленного перемещения:

...Серезка **ринулся** *за ней* и давай чесать нога за ногу...

...Афтæ Серезкæ кæфгæ-кафын **фæраст** *йæ фæдыл*.

Валя сорвалась с холма и во всю прыть, как в детстве, **помчалась** *им навстречу*.

Валя асхьиудта кыуыбырæй, æмæ-иу сывæллонæй куйд кодта, афтæ **фæтъæбартт кодта** *сæ размæ*.

В данном разряде глагольной лексики значение начинательности выражается приставочными образованиями с **фæ-**, производными от многозначных глаголов (с предельными и неопредельными значениями), и в этих случаях мы наблюдаем возможности обозначения и ингрессивной, и инхоативной начинательности. Например, сравним приставочные образования с **фæ-** от предельного и неопредельного значений глагола *змæлын / двигаться, трогаться, шевелиться*:

Однако, когда танк **тронулся** и танкисты рассмотрели, что с ними едет молодая женщина, они изменили отношение к ней.

Фæлæ куйддæр танк **фæзмæлыд** æмæ танкистæ æркастысты, семæ æрыгон сылгоймаг кæй цæуы, уымæ, уæд æм фыццаджы цæстæй нал кастысты.

Тронулся / фæзмæлыд ← *тронуться / фæзмæлын*, т. е. начать и продолжить движение.

В данном примере реализуется значение ингрессивной начинательности, когда предельный «глагол с исходным значением «начать < нечто делать > оказывается как бы заместителем действия

в целом» [Зализняк, Шмелёв, 2000, с. 109]. В случаях же реализации значения начинательности от производящего неопредельного многоактного глагола *шевелиться* наблюдаем пример реализации инхоативной начинательности, когда по начальной фазе действия можно идентифицировать все действие:

«Полицай» вышел из камеры, и дверь захлопнулась, и ключ **завизжал** в замке.

«Пъолицæй» рацыди камерæйæ, дуар ныггуйпп ла-ста, æмæ дæгъæл **фæзмæлыдис** (букв. 'зашевелился': – А. Л.) гуыдыры хуылфы

Завизжал / фæзмæлыдис (зашевелился) ← фæзмæлын / зашевелиться ← змæлын / шевелиться.

Случаи, когда от многозначного глагола возможно образование и инхоативного, и ингрессивного вариантов начинательности наблюдаем и в русском языке [там же]: в контексте инхоативности акцент делается на характерном способе движения (в нашем примере – *фæзмæлыдис / завизжал* – многоактное действие «зашевелился с характерным звуком»), а в контексте ингрессивности акцент – на однонаправленности цельного движения, начало и продолжение которого слиты (в нашем примере глагол *фæзмæлыдис / тронулся*). Использование приставочных глаголов с **фæ-** для обозначения ингрессивной начинательности в подобных случаях вполне объяснимо тем, что данный преверб не имеет определенной, закрепленной за ним пространственно-ориентационной семантики, но, являясь элементом системы осетинских глагольных приставок с общей для них исторической миссией – маркировать предельность и обозначать линейный однонаправленный характер перемещения, обеспечивает приставочным образованиям с **фæ-** участие в обозначении ингрессивной начинательности;

- разряд приставочных образований с **фæ-**, участвующих в обозначении ингрессивной начинательности, – это производные от глаголов со значением внутреннего состояния, восприятия, чувствования. Начало состояния в глаголах этой группы смыкается фактически с полным переходом в это состояние, например,

Олег **почувствовал** угрызения совести от того, что он до сих пор не навестил Валю...

Олег **фенкъардта**, фæсмон кæй кæны, ныронг Валяйы кæй нæ бабæрæг кодта, уый тыххæй...

Глаголы подобной семантики передают не столько начало состояния, сколько его самостоятельность, и совершенно не существенно, в течение

какого времени продолжают эти состояния, – главное то, что в них начинательное значение смыкается с результативным. Отметим также, что осетинскими функционально-переводными эквивалентами русских глаголов с приставками **о-** / **об-**, **у-**, примыкающими к данному разряду (обозначение наступления внутреннего состояния человека), тоже являются образования с приставкой **фæ-**. Например:

На лице денщика **появилось выражение** не то чтобы страха, но **сомнения** в том, что он, денщик, поступает достаточно выгодно для себя...

Салдат та тарсгæ нæ, фæлæ **фæгуырыско** (букв. 'усомнился'. – А. Л.), хъуыдаг ын хорз куы нæ рауайа, ууыл.

Что касается глаголов типа *заболеть*, которые можно было бы, по мнению А. А. Зализняка и А. Д. Шмелёва, «назвать несобственно-инхоативными и отнести их к группе инхоативных глаголов» [Зализняк, Шмелёв, 2000, с. 108], то в их осетинских функционально-переводных параллелях наблюдаем актуализацию именно результативной компоненты, что позволяет говорить об обозначении в этих случаях скорее не начального отрезка действия, а результата действия целиком, поэтому в подобных глаголах следует вести речь об их принадлежности к общерезультативному СД. Дело в том, что русскому глаголу *заболеть* (и др. глаголам подобной семантики) соответствует осетинский составной глагол СВ *фæрынчын уын / стать больным*, образованный от глагола НСВ *рынчын уын / быть больным, болеть*, т. е. осетинский глагол НСВ обозначает «состояние («state» по Вендлеру), а СВ – переход в это состояние («achievement» по Вендлеру)» [там же, с. 57], в то время как в русском языке перфективный глагол *заболеть* означает «начать быть больным», а имперфективный – *заболевать* – имеет «значение процесса прохождения подготовительной фазы (отличной от срединной)... описывает состояние, непосредственно предшествующее состоянию быть больным. Именно существование такой начальной (подготовительной) фазы и отличает эти глаголы от собственно-инхоативных» [там же, с. 108]. Очевидны нюансы в аспектуально-акциональных потенциалах сравниваемых осетинских и русских функциональных эквивалентов и перевес в пользу значения результативности в осетинской версии, что подтверждают примеры, подобные ниже приведенному:

С юных лет работая в вечной сырости, Александр Федорович **нажил** свирепый *ревматизм*, вышел на пенсию и стал сторожем в тресте...

Йæ æрыгон бонтæй фæстæмæ куыста æнусон уымæлы. Афтæмæй Александр Федорович **фæрынчын**

æндыснаггæй, куыст ныуагъта мæ пенсии иста, стæй ныллæууыди тресты гæсæй...

Значение общерезультативного СД в русском глаголе *нажил* в составном именном сказуемом *нажил свирепый ревматизм* передается осетинским функциональным вариантом *фæрынчын æндыснаггæй* (букв. 'стал болен ревматизмом').

Таким образом, завершая краткое освещение способности преверба **фæ-** маркировать в современном осетинском языке значение начинательности, подчеркнем, что это преимущественно ингрессивная разновидность начинательности, которая соединяет в себе значения начала действия и его результата. Этот факт чрезвычайно важен для понимания аспектуально-акциональной сферы употребления приставочных образований с **фæ-** во всей ее полноте, поскольку этот преверб имеет особый статус, обеспечивающий ему неограниченную востребованность и участие в маркировке многих акциональных смыслов при соединении с глаголами как предельной, так и неопредельной семантики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вышеприведенные факты убеждают в том, что осетинский и русский языки заметно расходятся в обозначении универсального значения начала действия (процесса, состояния). В осетинском языке, в отличие от русского, дополнительно к значению начинательности могут присоединяться такие акциональные оттенки, как внезапность, неожиданность начала действия (*æрбадымын / неожиданно задуть* (о ветре) и др.), подчеркнутость начала как искомый результат действия (*базарын / запеть* и т. д.), интенсивность, экспрессивность начала (*ныхъхъæр к. / заорать, громко закричать* и др.), маркируемые соответствующими приставками. Исследованный материал позволил установить, что в современном осетинском языке начинательная акциональность представлена так же, как и в русском, двумя разновидностями: инхоативной и ингрессивной. Инхоативная начинательность в осетинском выражается приставочными образованиями с превербами **æрба-**, **ба-**, **ны-**, **æр-**, **с-**, но в отличие от русского языка эта разновидность начинательности, обозначающая начало как приступ к действию и синонимичная конструкции «начать что-то делать», не образуется с помощью приставок от глаголов движения.

В русском языке значение инхоативной начинательности образуется от глаголов ненаправленного перемещения и обозначается с помощью приставки **за-**, присоединение которой к этому классу глаголов не придает им значения

однаправленности, они остаются ненаправленными (*заходить, забегать, залетать* и др.), тогда как в осетинском языке присоединение любой приставки к глаголу движения придает ему значение однаправленности в обязательном порядке. Поэтому функциональными соответствиями русских глаголов в значении инхоативной начинательности в осетинском могут выступать только описательные обороты со вспомогательными глаголами (*райдайын / начать, приступить; байдайын / начать, приступить; сисын / начать, взяться*), например, *згъорын райдайын / начать бегать* и т. д. Акциональной особенностью осетинских соответствий русским глаголам движения со значением инхоативной начинательности является также и эксплицитное указание на кратный характер начавшегося ненаправленного (разнонаправленного) действия благодаря маркировке кратного характера действия в глаголе повторно-возвратного СД, дополнительно к обозначению его начала (*рацу-бацу канын байдайын / заходить, зашагать туда-сюда* и т. д.).

Наблюдаются идиознические особенности и в обозначении ингрессивной начинательности в группе глаголов движения, когда начало и продолжение действия слиты воедино. Большая часть осетинских глаголов движения в значении ингрессивной начинательности маркируется превербом *a-*, поскольку только его пространственно ориентированная семантика не противоречит идее линейного перемещения в широком смысле слова и идее слияния начала с последующим его протеканием, и тем самым функционально соответствует русским глаголам движения с приставкой *по-*, присоединяемой к однаправленным глаголам перемещения. При актуализации в приставочных образованиях с *a-* в соответствующих контекстах идеи ненаправленного движения в осетинском языке так же, как и в русском при соединении приставки *по-* с глаголами ненаправленного движения, образуется глагол со значением делимитативности (*аленк к. / поплавать, арабыр-бабыр к. / поползть*

и др.). Причем делимитативная акциональность в осетинском может комбинироваться с другими акциональными оттенками (многоактности / кратности), как, например, в вышеприведенных примерах. Что касается выражения ингрессивной начинательности приставочными образованиями с *фæ-*, то они выступают в этом значении только при соединении *фæ-* с глаголами движения, в семантике которых уже присутствует идея однаправленности перемещения (*фæрст уын / отправиться в путь; фæтæбæртт к. / помчаться* и др.). Кроме выше названного разряда глагольной лексики приставочные образования с *фæ-* принимают участие так же, как и в русском языке, в обозначении ингрессивной начинательности и в глаголах со значением внутреннего состояния, восприятия, чувствования (*фенхъæлын / подумать; фæкæсын / показаться, почудиться* и др.). Осетинские приставочные глаголы, являясь предельными глаголами, при обозначении начинательности, акциональная суть которой является тем результатом, на достижение которого направлено действие, выступают носителями результирующей акциональности, поскольку «значение результирующей вообще является одним из основных аспектуальных значений категории предельности» [Шелякин, 2017, с. 68].

Расширяя границы наших аспектологических представлений об универсальных и идиознических компонентах в строении функционально-семантического поля аспектуальности в родственных индоевропейских языках (осетинском и русском) на примере особенностей глаголов терминативно-временного начинательного способа действия, а также учитывая, что «языковые значения всегда дают не механическую копию действительности, а ее отражение, своеобразно преломленное сознанием человека» [Маслов, 2004б, с. 309], мы всё больше убеждаемся в единстве закономерностей восприятия мира носителями разных языков и уникальной специфичности отражения этих закономерностей в каждом из сопоставляемых языков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шелякин А. М. Способы действия в поле лимитативности // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. М. : URSS, 2017. С. 63–85.
2. Цалиева (Левитская) А. А. Аспектуальность в осетинском языке, ее генетические и ареальные связи: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1983.
3. Недялков В. П. Начинательность и средства ее выражения в языках разных типов // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектология. Временная локализованность. Таксис. 7-е изд. М. : Ленанд, 2017. С. 180–195.
4. Маслов Ю. С. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии // Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М. : Языки славянской культуры, 2004а. С. 369–394.

5. Левитская А. А. О видовой несоотнесенности в современном осетинском языке (влияние универсальных и идиоэтнических факторов) // Вопросы языкознания. 2007. № 5. С. 89–107.
6. Зализняк А. А., Шмелёв А. Д. Введение в русскую аспектологию. М. : Языки русской культуры, 2000.
7. Авилова Н. С. Способы глагольного действия // Русская грамматика. М. : Наука, 1980. Т. I. С. 596–604.
8. Земская Е. А. Типы одновидовых приставочных глаголов в современном русском языке // Исследования по грамматике русского литературного языка. М. : Изд-во Академии Наук СССР, 1955. С. 5–41.
9. Абаев В. И. Грамматический очерк осетинского языка. В кн. : Осетинско-русский словарь. 2-е изд. Орджоникидзе, 1962. С. 494–662.
10. Исаев М. И. Осетинский язык: учебно-методическое пособие. Владикавказ : Изд-во СОГУ, 2010.
11. Выдрин А. П. Превербь в осетинском языке: взаимодействие с категорией времени // Грамматические категории в языках мира: иерархия и взаимодействие: материалы докладов / Институт лингвистических исследований РАН. СПб. : Нестор–История, 2016. С. 9–15.
12. Левитская А. А. Мультипликативные способы действия в современном осетинском языке: повторно-возвратный способ действия (в сопоставлении с русским) // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2019. № 3. С. 21–33.
13. Маслов Ю. С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление) // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М. : АН СССР, 1959. С. 157–312.
14. Шелякин М. А. Приставочные способы глагольного действия и категория вида в современном русском языке (к теории функционально-семантической категории аспектуальности): дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1972.
15. Цаболов Р. Л. К истории осетинских превербов // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. 1957. Т. XIX. С. 319–354.
16. Маслов Ю. С. К основаниям сопоставительной аспектологии // Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М. : Языки славянской культуры, 2004б. С. 305–364.

REFERENCES

1. Shelyakin, A. M. (2017). *Sposoby deystviya v pole limitativnosti = Methods of action in the field of limitativity. Teoriya funktsional'noy grammatiki: Vvedeniye. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis* (pp. 63–85). Moscow: URSS. (In Russ.)
2. Tsalieva (Levitskaya), A. A. (1983). *Aspektual'nost' v osetinskom yazyke, yeye geneticheskiye i areal'n-yye svyazi = Aspectuality in the Ossetian language, its genetic and areal connections: PhD in Philology. Leningrad.* (In Russ.)
3. Nedyalkov, V. P. (2017). *Nachinatel'nost' i sredstva yeye vyrazheniya v yazykakh raznykh tipov = Initiativeness and means of its expression in languages of different types. Teoriya funktsional'noy grammatiki: Vvedeniye. Aspektologiya. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis.* (pp. 180–195). 7th ed. Moscow: Lenand. (In Russ.)
4. Maslov, Yu. S. (2004a). *K osnovaniyam sopostavitel'noy aspektologii. Izbrann-yye trudy. Aspektologiya. Obshcheye yazykoznanie = To the foundations of comparative aspectology. Selected works. Aspectology. General Linguistics.* (pp. 305–364.) Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ.)
5. Levitskaya, A. A. (2007). *O vidovoy nesootnositel'nosti v sovremennom osetinskom yazyke (vliyaniye universal'nykh i idioetnicheskikh faktorov) = On species disparity in the modern Ossetian language (the influence of universal and idioethnic factors). Issues of Linguistics, 5, 89–107.* (In Russ.)
6. Zaliznyak, A. A., Shmelev, A. D. (2000). *Vvedeniye v russkuyu aspektologiyu = Introduction to Russian aspectology.* Moscow: Languages of Russian culture.
7. Avilova, N. S. (1980). *Sposoby glagol'nogo deystviya. Russkaya grammatika = Modes of Verbal Action. Russian grammar.* (pp. 596–604). Vol. I. Moscow: Nauka. (In Russ.)
8. Zemskaya, E. A. (1955). *Tipy odnovidovykh pristavochnykh glagolov v sovremennom russkom yazyke = Types of single-species prefixed verbs in the modern Russian language. Issledovaniya po grammatike russkogo literaturnogo yazyka* (pp. 5–41). Moscow: Izd-vo Akademii Nauk SSSR. (In Russ.)
9. Abaev, V. I. (1962). *Grammaticheskiy ocherk osetinskogo yazyka = Grammatical essay of the Ossetian language.* In the book: *Ossetian-Russian dictionary.* (pp. 494–662). 2nd ed. Ordzhonikidze, (In Russ.)
10. Isaev, M. I. (2010). *Osetinskiy yazyk. Uchebno-metodicheskoye posobiye = Ossetian language. Educational and methodological manual.* Vladikavkaz: Publishing House of NOSU. (In Russ.)
11. Vydrin, A. P. (2016). *Preverby v osetinskom yazyke: vzaimodeystviye s kategoriyei vremeni // Grammaticheskiye kategorii v yazykakh mira: iyerarkhiya i vzaimodeystviye. Materialy dokladov. Institut lingvisticheskikh issledovaniy RAN = Preverbs in the Ossetian language: interaction with the category of time. Grammatical categories in the*

- languages of the world: hierarchy and interaction (pp. 9–15). Abstracts of the reports. Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg: Nestor-History. (In Russ.)
12. Levitskaya, A. A. (2019). Mul'tiplikativn-yye sposoby deystviya v sovremennom osetinskom yazyke: povtorno-vozvratnyy sposob deystviya (v sopostavlenii s russkim) = Multiplicative modes of action in the modern Ossetian language: a re-return mode of action (in comparison with Russian). *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskiye nauki*, 3, 21–33. (In Russ.)
  13. Maslov, Yu. S. (1959). Glagol'nyy vid v sovremennom bolgarskom literaturnom yazyke (znachenije i upotreblenije) Verb form in the modern Bulgarian literary language (meaning and usage). *Voprosy grammatiki bolgarskogo literaturnogo yazyka* (pp. 157–312). Moscow: AN SSSR. (In Russ.)
  14. Shelyakin, M. A. (1972). Pristavochn-yye sposoby glagol'nogo deystviya i kategoriya vida v sovremennom russkom yazyke (k teorii funktsional'no-semanticheskoy kategorii aspektual'nosti) = Prefixed methods of verbal action and the category of the type in modern Russian (to the theory of the functional-semantic category of aspectuality): Senior Doctoral thesis in Philology. Leningrad. (In Russ.)
  15. Tsabolov, R. L. (1957). K istorii osetinskikh preverbov = To the history of Ossetian preverbs. *Izvestija Severo-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta* (pp. 319–354). Vol. XIX. (In Russ.)
  16. Maslov, Yu. S. (20046). Sistema osnovnykh ponyatij i terminov slavyanskoy aspektologii = System of basic concepts and terms of Slavic aspectology. Selected works. *Aspectology. General Linguistics. Izbrann-yye trudy. Aspektologiya. Obshcheye yazykoznanije* (pp. 369–394). Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Левитская Алина Афаковна

кандидат филологических наук, доцент

руководитель отдела культурного наследия Института истории и археологии

Республики Северная Осетия-Алания

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Levitskaya Alina Afakoevna

PhD (Philology), Associate Professor, Head of Cultural Heritage Department,

Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia-Alania

---

Статья поступила в редакцию 06.05.2022
одобрена после рецензирования 06.06.2022
принята к публикации 11.07.2022

The article was submitted 06.05.2022
approved after reviewing 06.06.2022
accepted for publication 11.07.2022

Научная статья

УДК 811.111'373'601

DOI 10.52070/2542-2197_2022_8_863_73

Анализ типов семантической связи элементов гендиадисных единиц в английском языке

А. В. Макаровских

Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия

makarovskih@tpu.ru

Аннотация. В статье проводится анализ типов семантической связи элементов парных образований гендиадисного (биномиального) характера в современном английском языке. Настоящий анализ основан на данных, собранных в ходе изучения классификаций, разработанных в разное время зарубежными лингвистами. Цель статьи – определить особенности типов семантической связи элементов гендиадисных единиц в качестве дистинктивного признака и в этой связи выявить возможность их категоризации.

Ключевые слова: гендиадис, биномиалы, типы семантической связи, классификация, категоризация, английский язык

Для цитирования: Макаровских А. В. Анализ типов семантической связи элементов гендиадисных единиц в английском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 8 (863). С. 73–79. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_8_863_73

Original article

Analysis of Semantic Relations Types of Hendiadys Elements in English

Alexandra V. Makarovskikh

National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia

makarovskih@tpu.ru

Abstract. In this article types of semantic relations between elements of hendiadys (binomial) paired-word units in English are analyzed. The analysis is based on the data collected during the study of classifications developed at different times by foreign scholars. The purpose of the article is to determine the peculiarities of the semantic relations types of hendiadys elements as a distinctive feature and, in this regard, to identify the possibility of their categorization.

Keywords: hendiadys, binomials, semantic relations, classification, categorization, English

For citation: Makarovskikh, A. V. (2022). Analysis of Semantic Relations Types of Hendiadys Elements in English. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(863), 73–79. 10.52070/2542-2197_2022_8_863_73

ВВЕДЕНИЕ

В современных лингвистических исследованиях гендиадисные, или биномиальные, образования представляют собой структуры из двух слов, принадлежащих к одной части речи, реализующих одну и ту же синтаксическую функцию, объединенных союзом «и» / «или» и имеющих семантическую связь, например, *bread and butter*. При этом именно семантическая связь между знаменательными элементами является одним из важнейших факторов, влияющих на их структурирование и порядок. Кроме того, некоторые типы семантической связи фактически становятся основанием для образования новых гендиадисных единиц.

Так, в разное время вопросу семантической связи элементов гендиадисных единиц (биномиалов) в английском языке были посвящены исследования лингвистов, таких как Р. Д. Абрахам (R. D. Abraham, 1950), Я. Малкиель (Ya. Malkiel, 1959), И. Коскениemi (I. Koskenniemi, 1968), У. Купер и Дж. Р. Росс (W. Cooper, J. R. Ross, 1975), Р. Дьюри (R. Dury, 1996), С. Б. Бенор и Р. Леви (S. B. Benor, R. Levy, 2006). Следует отметить, что С. Б. Бенор и Р. Леви наряду с Я. Малкиелем имеют один из самых высоких индексов цитирования научных работ, посвященных изучению биномиалов. Большую значимость в научных кругах имеет труд М. Густафсон (M. Gustafsson, 1975), а именно – ее диссертация о типах семантической связи и синтаксических функциях английских биномиалов. Позже этому вопросу уделили внимание С. Моллин (S. Mollin, 2014), изучающая биномиалы с точки зрения (не)реконструируемости в рамках корпусной лингвистики, Дж. Копачик и Г. Зауэр (J. Korpaczuk, H. Sauer, 2017), Г. Зауэр и Б. Шван (H. Sauer, B. Schwan, 2017) и Г. Зауэр (H. Sauer, 2017), интересующиеся биномиалами в историческом аспекте.

Большое количество научных трудов по изучению типов семантической связи элементов гендиадисных единиц не дает общего мнения по вопросу их классификации, поскольку при ограниченном числе однородных элементов и элементов-связок, участвующих в их создании, типов семантической связи намного выше, что вызывает определенные трудности в систематизации и категоризации исследуемых структур.

ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ ТИПОВ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СВЯЗИ ЭЛЕМЕНТОВ ГЕНДИАДИСНЫХ ЕДИНИЦ

Интерпретация семантической связи элементов гендиадисных единиц является сложной задачей и имеет множество подводных камней. В частности, возникает вопрос о необходимости разграничения

терминов «синонимия» и «тавтология». По определению И. В. Арнольд «синонимами называются слова, различные по звучанию, но совпадающие или очень близкие в одном или нескольких из своих значений. Благодаря общности одного или нескольких из них синонимы оказываются в известных пределах взаимозаменяемыми» [Арнольд, 2012, с. 292]. При этом часто денотативное (основное или прямое) значение синонимов, как правило, совпадает, в то время как коннотативное (переносное, стилистически окрашенное) может различаться. Тавтология, в свою очередь, относится к словам, которые имеют одно и то же значение (как денотативное, так и коннотативное) и являются полностью взаимозаменяемыми. При этом истинная тавтология считается очень редким случаем. Примером подобного случая в современном английском языке могут служить глаголы с общим значением «крестить» *to baptize* и *to christen*: *She was baptized Dorothy* эквивалентно *She was christened Dorothy* [Sauer, Schwan, 2017].

В английском языке часто бывает затруднительно отличить синонимию от тавтологии, особенно в текстах древнеанглийского и среднеанглийского периодов. Так, Г. Зауэр и Б. Шван предпочитают не разграничивать синонимы и тавтологические пары и объединяют все соответствующие случаи биномиальных образований в категорию «синонимия». По их мнению, очевидными примерами тавтологии можно считать удвоение одного и того же элемента в одной биномиальной единице, например, *days and days* или *years and years* среди существительных и *little and little* или *more and more* среди прилагательных и наречий. При этом даже здесь тавтология является формальной, а не семантической, потому что удвоение, судя по всему, придает биномиалам большей выразительности. Другими словами, полученный таким образом биномиал семантически и прагматически представляет собой нечто более выразительное, чем просто сумму элементов [там же].

Что касается противоположных по значению элементов, то в некоторых случаях антонимия превращается в своего рода синонимию или комплементарность (взаимодополняемость элементов) путем приобретения одним из элементов изменений по морфологическому признаку, например *open and unfold* [Sauer, 2017], что также может затруднять категоризацию биномиалов.

Дополнительную сложность в составлении классификации может вызывать и тот факт, что практически все синонимы и большинство антонимов в биномиальных образованиях, как правило, принадлежат к одному лексико-семантическому полю и являются когипонимами. Однако в случае комплементарных пар встречаются структуры,

в которых компоненты могут принадлежать разным лексико-семантическим полям и поэтому тип связи установить практически невозможно, например *adornment and purity* [Sauer, 2017].

Помимо прочего, определенные проблемы в вопросе классификации гендиадисных единиц возникают и в связи с антонимией комплементарного характера. Дело в том, что, с одной стороны, подобные элементы кажутся противоположными по значению, а значит они – антонимы, с другой – в сочетании они являются частями единого целого и выражают одно конкретное понятие, например, *men and women* (= *all humanity*) или *heaven and earth* (= *creation*) [Koraszuk, Sauer, 2017].

Однако без классификации бесчисленное множество существующих типов семантической связи кажется необозримым. Поэтому, несмотря на несовершенство существующих типологий, на рассмотрение предлагается обзор нескольких наиболее известных в научных лингвистических кругах классификаций.

ОБЗОР КЛАССИФИКАЦИЙ ТИПОВ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СВЯЗИ ЭЛЕМЕНТОВ ГЕНДИАДИСНЫХ ЕДИНИЦ

В рамках исследований в данной области у большинства вышеупомянутых ученых сформировался свой подход к классификации типов семантической связи элементов исследуемых единиц, в результате чего появилось несколько их разновидностей, более или менее позволяющих получить представление об анализируемых типах.

Классификация А

Я. Малкиель различает пять моделей семантической связи элементов биномиальных образований [Malkiel, 1959].

Модель 1 включает неточные (условные) синонимы (*near-synonyms*), придающие высказыванию стилистическую окраску и выразительность, например: *death and destruction, law and order, null and void, soft and easy*.

Модель 2 включает взаимодополняющие (комплементарные) элементы (*mutually complementary*), которые вместе формируют общее более сложное понятие, например: *food and drink, mind and body, Mom and Dad, salaries and wages*.

Модель 3 включает элементы, имеющие противоположное синтаксическое (а) или лексическое (б) значение, так называемые антонимы (*opposites*), например: (а) *to be or not to be*; (б) *dead or alive, love and hate, war and peace, win or lose*.

Модель 4 подразумевает подчинение одного элемента другому (*subdivision*), например: *genus and species, dollars and cents, months and years, (every) nickel and dime*.

Модель 5 подразумевает определенную последовательность элементов, т. е. второй элемент является следствием первого (*consequence*), при этом часто эти элементы выражены глаголами или их формами (отглагольные существительные, причастия), например: *divide and rule, to shoot and kill, spit and polish, the rise and fall*.

Классификация Б

И. Коскенниemi выделяет четыре основные категории семантической связи элементов биномиальных образований [Koskenniemi, 1968]. Дальнейшая их расшифровка подкреплена исследовательскими материалами Дж. Копачик и Г. Зауэра [Koraszuk, Sauer 2017].

Категория 1. Синонимия / неточная синонимия (*synonymy / near-synonymy*) включает биномиалы, состоящие из семантически схожих элементов, некоторые из которых очень близки по значению, например: *often and frequently, oath and promise, wide and distant, peace and reconciliation*.

Категория 2. Комплементарность (*complementation*) подразумевает взаимодополняющие элементы, принадлежащие одному лексико-семантическому полю. Технически они являются когипонимами и, как правило, имеют более отчетливую семантическую связь антонимического характера, поскольку выражены двумя наиболее репрезентативными элементами-антонимами, которые служат индикаторами границ лексико-семантического поля, например: *father and son* (= *family relationships*), *land and sea* (= *all places*), *here and there / far and near* (= *everywhere*).

Категория 3. Смежность понятий (*contiguity*) также подразумевает биномиалы, состоящие из элементов, принадлежащих одному лексико-семантическому полю, но отличные от комплементарных пар. В отличие от структурных элементов биномиальных образований категории 2, элементы данной категории являются составляющими более узкого круга семантически объединенных когипонимов, например: *oath and ordeal* (область судебных разбирательств), *fasts and prayers* (область религиозных обрядов).

Категория 4. Перечень понятий (*enumeration*) подразумевает биномиалы, состоящие из структурных элементов, которые являются не просто когипонимами единого лексико-семантического поля, но составными частями списка / перечня определенного характера, например: *theft and murder* (элементы списка грехов), *sword and spear* (элементы перечня оружия / орудий).

Классификация В

М. Густафсон подразделяет элементы парных образований биномиального характера на четыре категории [Gustafsson, 1975]. Дальнейшая их расшифровка подкреплена исследовательскими материалами С. Моллин [Mollin, 2014] и П. Дамовой [Damova, 2007].

Категория 1. Семантическая оппозиция (semantic opposition), где структурные элементы являются антонимами, например: *directly or indirectly, drivers and passengers, sell or purchase*.

Категория 2. Семантическая гомеосемия (semantic homeosemy), где структурные элементы являются синонимами или неточными синонимами, т. е. имеют общее значение или их значения отличаются только коннотативно, например: *goods and materials, injury and damage, rules or regulations*.

Категория 3. Семантическая гипонимия (semantic hyponymy), где один из структурных элементов является гиперонимом для другого, например: *understandings and agreements, licences and documents, full and absolute*.

Категория 4. Семантическая комплементарность (semantic complementation), где структурные элементы принадлежат единому лексико-семантическому полю, но не являются антонимами, синонимами или гипонимами, например: *create and implement, diligently and faithfully, unable or unwilling*.

Классификация Г

Г. Зауэр и Б. Шван предлагает унифицированную версию классификации, где на первый план выходят три основные категории типов семантической связи парных образований биномиального характера [Sauer, Schwan, 2017, с. 187–188].

Категория 1. Синонимия (synonyms / synonymy) включает парные образования, состоящие из элементов, близких по значению и являющихся когипонимами в рамках единого лексико-семантического поля, например: *joy and delight, sorrow and distress; clean and spotless, still and unmoving; deem and judge, lead and conduct*.

Категория 2. Антонимия (antonyms / antonymy / oppositeness / contrasting pairs) включает парные образования, состоящие из элементов, противоположных по значению и являющихся когипонимами в рамках единого лексико-семантического поля. Данная категория представлена несколькими подкатегориями антонимов [Sauer, Schwan, 2017]:

а) абсолютные антонимы выражают понятия, состояния или отношения, которые, как правило, являются взаимоисключающими, например: *friend or foe, dead or alive, black and white*;

б) градационные антонимы выражаются прилагательными, которые подвержены ранжированию по степени интенсивности, например: *hot and cold*;

в) обратные антонимы выражают понятия, которые подразумевают сосуществование, т. е. одно понятие существует за счет другого, например: *like father, like son*. Строго говоря, человека можно назвать отцом, если у него есть сын или дочь.

Наиболее важным аспектом в контексте изучения биномиалов авторы классификации считают тот факт, что именно антонимичные пары часто выражают единства семантически более сложного характера, например: *body and mind (= human being), father and mother (= parents), men and women (= people, mankind), sons and daughters (= children), Adam and Eve (= the first humans)*.

Категория 3. Г. Зауэр и Б. Шван считают комплементарность (complementarity / complementary pairs / complementary relations) специфическим типом семантической связи элементов биномиальных образований и относят к этому типу все парные образования, не имеющие однозначных признаков синонимии или антонимии. В данной категории они выделяют множество формул образования биномиальных пар, хотя подчеркивают, что имеющийся список далеко не полный и может быть дополнен. Более того, некоторые биномиалы нелегко классифицировать, поскольку некоторые из них могут образовываться по двум (или более) формулам. Принцип построения формул заключается в такой последовательности элементов парных образований, которая формирует комплементарные пары за счет взаимодополнения [Sauer, Schwan, 2017]:

а) *общее – конкретное*, где за более общим понятием следует более конкретное, например: *acts and triumphs, errors and idolatry, years and days, a wicked man and a traitor; evil and ungracious; perished and drowned*;

б) *конкретное – общее*, где более общее понятие следует за более конкретным, например: *treasure and riches, any crystal or precious stone; superfluous and not praiseworthy; shot and slew*;

в) *позитивное – позитивное*, т. е. сочетание двух элементов с положительным значением, например: *dukes and princes, faith and understanding, kingdoms and empires, laud and glory, leader and teacher; clear and pure, gracious and merciful, cause and effect, soft and gentle*;

г) *негативное – негативное*, т. е. сочетание двух элементов с отрицательным значением, например: *doubts and regrets, malice and envy, sorrow and distress, a wicked man and a traitor; concerned and fearful, lascivious and wanton, poor and feeble*;

д) *последовательность действий*, где элемент **В** следует за элементом **А** или элемент **В** является следствием элемента **А**. Поскольку действия выражаются глаголами, в этой подгруппе в основном присутствуют глагольные биномиалы, например: *hear and understand, receive and retain, studied and memorized*, хотя также встречаются и субстантивные, например, *meditation and wisdom*;

е) *причинно-следственная связь*, как правило, подразумевает последовательность действий или состояний, например: *darkness and dread, victories and triumphs; mortal and dead, sharp and cutting*;

ж) *нарастание и переход к наивысшей точке* (и наоборот), т. е. элемент **В** выражает более высокую (или более низкую) степень, чем элемент **А**, например: *error or heretic; few or none, good and excellent, little or nothing*;

з) *взаимодополняющие элементы*, например: *astronomy and philosophy, causes and conditions, fish and fowl, hair and beard, herbs and trees, seeing and hearing, sword and shield; hot and dry, cold and moist; eat and drink*;

и) *от большего к меньшему* (и наоборот), например: *genus and species, months and years*;

к) *имена*. Некоторые биномиалы, состоящие из имен, также образуют своего рода семантическую связь, способствующую формированию единого понятия, например: *Jesus and Mary, Peter and Paul, Alexander and Caesar*.

Классификация Д

Дж. Копачик и Г. Зауэр выделяют три основные группы биномиалов на основе семантических связей между их элементами [Корасзык, Sauer, 2017]:

Группа 1. Синонимия (synonymy) включает биномиалы, состоящие из неточных синонимов (near-synonyms), например *tattered and torn*, а также тавтологию (tautology), когда два слова могут иметь одно и то же значение, например *aches and pains*.

Группа 2. Антонимия (antonymy) включает биномиалы, состоящие из элементов с

противоположным значением, которые, в свою очередь, подразделяются на несколько подгрупп:

а) *градационные антонимы*, подверженные ранжированию по степени интенсивности, например *young and old*;

б) *взаимодополняющие антонимы*, выражающие единства семантически более сложного характера, например *men and women*;

в) *ориентационные антонимы*, выражающие характер направления, например *back and forth*;

г) *концептуально противоположные антонимы* (абсолютные), например *heaven and hell*;

д) *относительные антонимы*, выражающие характер взаимоотношений, например *master and servant*.

Группа 3. Смежность понятий (contiguity) охватывает все остальные случаи семантических отношений, несоответствующих группам 1 и 2. К ним относятся гипонимия (hyponymy) и гиперонимия (hyperonymy) различной степени, причинно-следственная связь, метонимия (metonymy) и метафора (metaphor) и т. д.

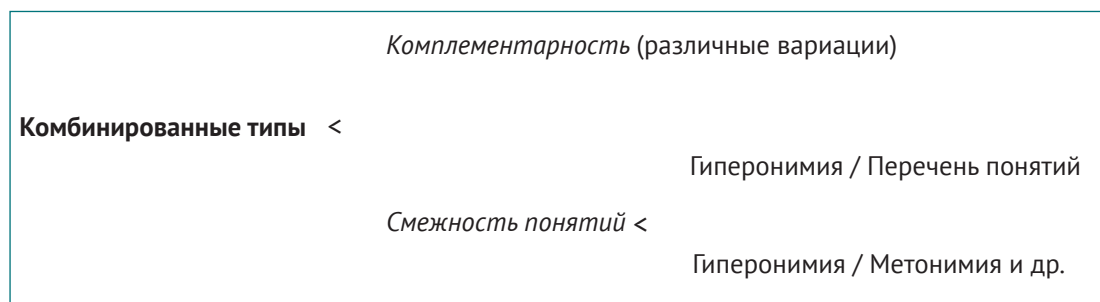
Выводы

Итак, на основании проведенного исследования типы семантической связи элементов гендиадических единиц условно можно разделить на две подгруппы, представленные в виде семантических моделей:

Из модели 1 видно, что к базовым типам относятся синонимия / неточная синонимия / тавтология (в пяти классификациях из пяти – 5 / 5) и антонимия / оппозиция / комплементарность, подразумевающая гипонимию антонимичного характера (5 / 5). Комбинированными же можно считать типы, образующие модель 2, куда входят комплементарность в чистом виде (3 / 5) с ее различными вариациями, смежность понятий, подразумевающая гипонимию, т. е. принадлежность к одному семантическому полю (3 / 5) и прочие типы, трудно поддающиеся точной категоризации.

Модель 1

	Неточная синонимия / Семантическая гомеосемия
Синонимия <	Тавтология
Базовые типы <	Оппозиция (Синтаксич. / Лексич. / Семантич.)
Антонимия <	Комплементарность с гипонимией антонимичного характера

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, можно резюмировать, что вопрос классификации и категоризации типов семантической связи структурных элементов гендиадических единиц не находит однозначного решения и остается до некоторой степени субъективным. Тем не менее лингвисты, изучающие данный вопрос, склонны к выделению повторяющихся из классификации в классификацию категорий / моделей / групп, так или иначе отражающих

основные типы семантической связи с учетом дифференциации в терминологии. Однако, несмотря на относительную гибкость представленных классификаций, проблема перехлеста в категориях остается в связи с тем, поскольку в зависимости от восприятия некоторые бинарные образования могут подпадать под несколько категорий сразу, что, к сожалению, может вызывать трудности в систематизации и категоризации исследуемых структур по типу семантической связи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012.
2. Sauer H., Schwan B. Heaven and Earth, Good and Bad, Answered and Said: a Survey of English Binomials and Multinomials (Part 2) // *Studia Linguistica Universitatis Jagellonicae Cracoviensis*. 2017. № 134. P. 185–204.
3. Sauer H. The World in Two Words: Binomials in Two English Translations of the Lotus Sutra // *Linguistica Silesiana*. 2017. № 38. P. 7–37.
4. Kopaczyk J., Sauer H. Binomials in the History of English (Studies in English Language): Fixed and Flexible. Cambridge: Cambridge University Press (Kindle Edition), 2017.
5. Malkiel Y. Studies in Irreversible Binomials // *Lingua*. 1959. Vol. 8. P. 113–160.
6. Koskeniemi I. Repetitive word pairs in Old and Early Middle English prose. Turku: Turun Yliopisto. 1968.
7. Gustafsson M. Binomial expressions in Present-Day English: A syntactic and semantic study. Turku: Turun Yliopisto. 1975.
8. Mollin S. The (Ir) reversibility of English Binomials: Corpus, Constraints, Developments. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2014.
9. Damova P. The Language of Law – A Stylistic Analysis with a Focus on Lexical (Binomial) Expressions // Thesis. Brno, 2007.

REFERENCES

1. Arnol'd, I. V. (2012). *Leksikologiya sovremennogo angliyskogo yazyka: ucheb. posobiye = Lexicology of modern English: textbook. 2-e izd. pererab.* Moscow: FLINTA : Nauka. (In Russ.)
2. Sauer, H., Schwan, B. (2017). Heaven and Earth, Good and Bad, Answered and Said: a Survey of English Binomials and Multinomials (Part 2). *Studia Linguistica Universitatis Jagellonicae Cracoviensis*, 134, 185–204.
3. Sauer, H. (2017). The World in Two Words: Binomials in Two English Translations of the Lotus Sutra. *Linguistica Silesiana*, 38, 7–37.
4. Kopaczyk, J., Sauer, H. (2017). Binomials in the History of English (Studies in English Language): Fixed and Flexible. Cambridge: Cambridge University Press (Kindle Edition).
5. Malkiel, Y. (1959). Studies in Irreversible Binomials. *Lingua*, 8, 113–160.

6. Koskeniemi, I. (1968). Repetitive word pairs in Old and Early Middle English prose. Turku: Turun Yliopisto.
7. Gustafsson, M. (1975). Binomial expressions in Present-Day English: A syntactic and semantic study. Turku: Turun Yliopisto.
8. Mollin, S. (2014). The (Ir) reversibility of English Binomials: Corpus, Constraints, Developments. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.
9. Damova, P. (2007). The Language of Law – A Stylistic Analysis with a Focus on Lexical (Binomial) Expressions. Thesis. Brno.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Макаровских Александра Викторовна

аспирант отделения иностранных языков

Национального исследовательского Томского политехнического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Makarovskikh Alexandra Viktorovna

Postgraduate student, Division for Foreign Languages,

National Research Tomsk Polytechnic University

Статья поступила в редакцию 20.05.2022
одобрена после рецензирования 21.06.2022
принята к публикации 11.07.2022

The article was submitted 20.05.2022
approved after reviewing 21.06.2022
accepted for publication 11.07.2022

Научная статья

УДК 811.1/.2

DOI 10.52070/2542-2197_2022_8_863_80

Лингвистические основания экспрессивной гетерономинации в Испании и Великобритании

Е. А. Попова¹, О. А. Гусева²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹*o-genia@yandex.ru*

²*gouseva_olga80@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности экспрессивной этнономинации в испанском и английском языках на материале их пиренейского и британского вариантов соответственно. Особое внимание уделяется гетерообразам, связанным с наименованием других национальностей и рас и с обозначением жителей регионов внутри одной страны. Делается вывод о том, что семантика экспрессивных этнонимов в первую очередь развивается через процессы метафоризации и метонимизации, путем нарочитой искаженности структуры слова и семантической деривации. При этом важную роль в процессе номинации играют экстралингвистические факторы, обуславливающие необходимость комплексного анализа исследуемого феномена.

Ключевые слова: испанский язык, английский язык, экспрессивный этноним, гетерономинация, метафора, метонимия

Для цитирования: Попова Е. А., Гусева О. А. Лингвистические и экстралингвистические основания экспрессивной этнономинации в Испании и Великобритании // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 8 (863). С. 80–85. DOI 10.52070/2542-2197_2022_8_863_80

Original article

Linguistic Bases of Expressive Heteronomination in Spain and Great Britain

Evgeniya A. Popova¹, Olga A. Guseva²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹*o-genia@yandex.ru*

²*gouseva_olga80@mail.ru*

Abstract. The article deals with the characteristic features of expressive ethnonymic nomination in Spanish and English on the basis of their Iberian and British variations. It pays special attention to hetero-images associated with the names of other nationalities and races and with the designation of residents in different regions within one country. The article concludes that the semantics of expressive ethnonyms develops through metaphor and metonymy, deliberate distortion of the word structure, and semantic derivation. At the same time, extralinguistic factors play an important role in the process of such nomination, which demands a comprehensive analysis of the phenomenon under investigation.

Keywords: Spanish language, English language, expressive ethnonym, hetero-nomination, metaphor, metonymy

For citation: Popova, E. A., Guseva, O. A. (2022). Linguistic and extralinguistic bases of expressive ethnonymic nomination in Spain and Great Britain. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(863), 80–85. 10.52070/2542-2197_2022_8_863_80

ВВЕДЕНИЕ

Название народа формируется в процессе этногенеза – становления этнической общности и в ходе взаимодействия, контакта с другими народами, поскольку именно в процессе коммуникации одной группы с другой у говорящих возникает потребность в использовании специальных слов для обозначения как своей группы, так и отличной от нее. При этом в процессе этнономинации может учитываться не только признак этничности, но и другие характеристики, поскольку, согласно теории самокатегоризации Дж. Тернера (1987), человеку свойственно рассматривать себя в первую очередь именно как представителя некоей социальной категории (нации, расы, религиозной, политической или языковой группы и т. д.).

Актуализируясь в процессе межгруппового взаимодействия, любая информация о нашем Я имеет аффективные и мотивационные последствия [Почебут, 2005], поэтому в ходе исторического развития разница в картинах мира вышеупомянутых групп начинает выражать себя в стереотипах. Одной из форм их вербальной передачи стали экспрессивные этнонимы – лексические единицы (*далее* ЛЕ), не только обозначающие определенную группу населения, но и содержащие эмоционально-оценочные характеристики, типичные либо для «своих» (автообраз), либо – для «не-своих», которые, в зависимости от складывающихся отношений, могут восприниматься в контексте градации «другие – иные – чужие – враги» (гетерообраз) [Камалова, 2020]. Принадлежность к определенному образу или его типу определяет коннотации указанных ЛЕ.

Изучение вопросов экспрессивной этнономинации представляется актуальным, поскольку современные миграционные процессы, дифференциация и сепарация культур на фоне глобализации и космополитизма часто приводят к неприятию инаковости и межгрупповым конфликтам. Оппозиция «свои – чужие» и средства ее реализации в языке таким образом становится предметом междисциплинарных исследований в самых разных научных областях – этно- и психолингвистике, этнической и кросс-культурной психологии, лингвокультурологии, лингвистической имагологии: Э. Г. Апанасенко (2009), А. И. Грищенко (2007), С. Д. Камаловой (2020), М. Е. Покровской (2009), А. С. Полякова (2016), Л. Г. Почебут (2005), Т. А. Цебровской (2017) и др.

Цель статьи – выявление языковых (семантических и словообразовательных) особенностей экспрессивной этнономинации в испанском и английском языках с учетом экстралингвистических факторов, затрагивающих области проживания соответствующих общностей. Поскольку оба языка

являются полинациональными, для сопоставительного анализа выбраны пиренейский национальный вариант испанского языка и британский национальный вариант английского языка. Для достижения данной цели используются методы сплошной выборки из толковых и идеографических словарей испанского и английского языков, семантического, лингвокультурологического и этимологического анализа с привлечением соответствующих источников: «Diccionario de la lengua española», «Real Academia española» (DRAE)¹, «Diccionario de americanismos», «Real Academia Española» (RAE amer)², «Diccionario etimológico de castellano en línea» (DECEL)³, «Urban Dictionary»⁴, «The Racial Slur Database»⁵.

МЕТАФОРА В ГЕТЕРОНОМИНАЦИИ

В центре нашего внимания в первую очередь находятся гетерообразы, лежащие в основе экспрессивной этнономинации в изучаемых языках и подразумевающие определенные лексикосемантические средства актуализации. Поскольку гетерообраз является репрезентацией «чужих» и, как правило, отражает культурные различия или историко-политические разногласия. Экспрессивные гетероэтнонимы практически всегда имеют негативные коннотации и являются этнофолизмами – уничижительными эмоционально-оценочными ЛЕ для номинации представителей расовых, национальных или этнических групп [Грищенко, 2007].

В качестве первого семантического явления, характерного для экспрессивной этнономинации в обоих языках, выделим метафору, основанную на стереотипизированных представлениях о жителях других стран и регионов. Одним из концептов, участвующих в создании негативного гетерообраза, выступает пища. Ярким примером в испанском языке является номинация жителей Мексики и других латиноамериканских стран посредством этнонимов *panchito* и *periguancho*.

Panchito – диминутивная форма от *pancho* – *хот-дог, бутерброд с колбасой, человек, набивающий желудок* (значения, характерные для испанского языка в странах Латинской Америки, согласно словарю RAE amer). Этимологически данная ЛЕ либо образована от слова *panza* – *брюхо*, либо является блендом *pan* – *хлеб* + *chorizo* – *кровяная колбаса* (DECEL). ЛЕ *Periguancho*, с точки зрения словообразования, также является блендом (*peregrino* – *странник* + *pancho*) и, не будучи зарегистрирована в словарях,

¹ URL: <https://dle.rae.es/>

² URL: <https://lema.rae.es/damer/>

³ URL: <http://etimologias.dechile.net>

⁴ URL: <https://www.urbandictionary.com>

⁵ URL: <http://www.rsd.org/>

активно используется в разговорной речи, подчеркивая негативное отношение к так называемым экономическим переселенцам. Таким образом актуализируется негативный стереотип бедности латиноамериканских стран и связанного с ней постоянного чувства голода их представителей.

Еще одним этнофолизмом, в основе которого лежит домен-источник «пища» является *champiñon* (букв. 'шампиньон'), обозначающий в Испании эквадорских иммигрантов. Словарь «Racial Slur Database» объясняет происхождение данной метафоры следующим образом: *The stereotypical person from Ecuador is short with a big head giving the appearance of a mushroom*¹ (Стереотипная внешность жителя Эквадора – низкий рост и большая голова – напоминает гриб)².

Уничижительные коннотации прослеживаются и в английских экспрессивных этнонимах, характеризующих жителей Латинской Америки через концепт пищи: ЛЕ *chili* (букв. 'острый перец') и *beanbag* (букв. 'мешок бобов') имеют в основе типичные латиноамериканские продукты питания, а во втором случае с помощью словосложения формируется ассоциация с сумой бедняка. Образ не только бедного, но и ленивого латиноамериканского мигранта «рисует» гетероэтноним *cheddar* (букв. 'сыр чеддер'): это – испаноговорящие мигранты, живущие на социальное пособие (*welfare*) и получающие, таким образом, «сыр от правительства» – *government cheese*³ (ср. рус. 'плюшки' в том же значении). Алиментарным этнонимом, не имеющим явно выраженной отрицательной оценки, является в данном списке *coffee bean* (букв. 'кофейное зерно') для обозначения колумбийцев, поскольку экспорт высококлассного кофе по всему миру – основная статья дохода страны.

Вторым метафорическим источником экспрессивных этнонимов в двух языках являются животные. Так, например, у Великобритании исторически складывались непростые отношения с Францией, что нашло отражение в ЛЕ *frogs* (ср. рус. 'лягушатники') и комплексной метафоре *Cheese eating surrender monkeys*. Оба этнонима также связаны и с типичной для французов пищей. В своей монографии «Дерогативно маркированные этнонимы в английском языке» Т. А. Цебровская отмечает, что изначально, до наполеоновских войн, прозвищем *frogs* британцы называли других основных противников – голландцев, поскольку считали их «обитателями болот» [Цебровская, 2017].

ЛЕ *cheese eating surrender monkey* вобрала в себя несколько смыслов. Во-первых, *cheese eating* (букв. 'поедающий сыр') характеризует особенность

французской кухни, для которой сыры имеют огромное значение и в которой они широко представлены. Во-вторых, лексема *monkey* (*обезьяна*), согласно словарю «Urban Dictionary», несет в себе целый набор оценочных суждений – от «низкооплачиваемого работника с низким уровнем навыков» до «беспольного человека» и «идиота»⁴. Указанную ЛЕ содержит и экспрессивный этноним *northern monkeys* (*северные обезьяны*): так жители южной части Британских островов называют северян, намекая на тупость.

Говоря об анималистических этнонимах в испанском языке, необходимо упомянуть ЛЕ *charnego* (каталонский вариант написания – *xarnego*), образованную от каталонского *lucharniego* путем усечения основы слова (букв. 'собака, выходящая на ночную охоту'). Сегодня таким образом каталонцы называют приезжих (так называемых экономических мигрантов) в свой регион из других частей Испании или испаноязычных стран. Отметим, что изначально лексема использовалась ими для автономии: *people whose ancestors came from different parts of Catalonia* (*люди, чьи предки происходят из разных частей Каталонии*).

Возвращаясь к английскому этнофолизму *cheese eating surrender monkey*, выделим его третий компонент – *surrender* (*сдаваться в плен*), который описывает реакцию Франции на интервенцию извне, с точки зрения британцев. Считается, что французы немедленно сдаются практически без сопротивления, как, например, это случилось в начале Второй мировой войны. В данном случае можно говорить еще об одном основании для метафорического переноса – негативных характеристиках человека, которые могут быть связаны с его внешностью, поведением, отсутствием каких-либо умений и т. д. Так, немцев англичане «наградили» этнонимами *squarehead* (букв. 'квадратная голова') и *boxhead* (*голова-коробка*), с одной стороны, основываясь на стереотипизированном образе человека с короткой стрижкой и «квадратной» головой, а с другой – принижая умственные способности оппонентов. Согласно исследованию Т. А. Цебровской, данные этнофолизмы появились во время Второй мировой войны, что вновь подчеркивает важность для возникновения подобных ЛЕ исторического фактора. Сюда же можно отнести и ЛЕ *jerry* – *ночной горшок*, на который, по мнению британских солдат, были похожи немецкие каски [Цебровская, 2017].

Для испаноговорящих в английском языке существует этноним *spic* (с вариантами написания *spick*, *spik*, *spig*, *spiggoty*), поскольку те известны стереотипно плохими способностями к изучению

¹ URL: <http://www.rsd.org/races#ecuadorians>

² Эд. и далее пер. наш. – Е. П., О. Г.

³ URL: <http://www.rsd.org/slur/cheddar>

⁴ URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Monkey>

иностранных языков. Данная ЛЕ впервые появилась в начале XIX века, но этимология ее доподлинно неизвестна. По одной из версий, это часть искаженной фразы *no spik English* (≈ я не говорю английским); по другой, *spic* – усечение от *Hispanic*, а согласно третьей – аббревиатура от *SPanish, Indian, and Colored* (букв. ‘испанцы, индейцы и цветные’), используемая для обозначения населения Латинской Америки во время испанской колонизации, которое состояло из конкистадоров и колонистов, коренных индейских народов и чернокожих рабов, привезенных на континент из Африки¹.

Палитра испанских этнофолизмов указанного типа еще более насыщена. Например, *региональный* этноним *maqueto / maketo* означает приезжих из других частей Испании в Страну Басков, с точки зрения жителей данного автономного сообщества (от баскского *makito / maketo* – *глупый*), а ЛЕ *gordita* (букв. ‘толстенькая, полненькая’) – мексиканских женщин, во-первых, намекая на их комплекцию, а во-вторых, подчеркивая любовь мексиканцев к диминутивам (которая получила печальную известность в соответствующем национальном варианте испанского языка). Для жителей латиноамериканских стран в целом существует дерогативно маркированная ЛЕ *sudaca*, которая, с одной стороны, является усечением географического названия *Sudamérica* (*Южная Америка*), с другой – созвучна глаголу *sudar* – *потеть* (DECEL). С точки зрения испанцев, он характеризует латиноамериканских иммигрантов, приезжающих в страну в поисках лучшей жизни и актуализирует уже упомянутый выше стереотип.

Не повезло и «лингвистическим результатам» отношений Испании с Францией: во времена войны с армией Наполеона в испанском языке появились этнонимы *franchutes* и *gavachos*. Первый образован с помощью суффикса, имеющего пейоративное значение (ср. рус. *французишка*); второй – от французского слова *gavach* – *тот, кто плохо говорит* (ср. с вышеприведенным *spik*). Отметим, что сегодня таким же образом мексиканцы называют американцев по причине непростых отношений между двумя странами (DRAE).

Европейских туристов, в первую очередь – англосаксонского происхождения, в Испании называют *guiris*, предположительно – от названия растения *английский дрок*. Данный этноним не является этнофолизмом, а используется больше с иронией. Носители испанского языка на форуме Quora сходятся во мнении, что типичный «гири» имеет светлую кожу, в результате чего под лучами испанского солнца «становится похожим на креветку», носит белые носки с сандалиями и либо

блондин, либо имеет рыжий цвет волос². Приведенное определение позволяет отнести ЛЕ *guiri* не только и не столько к межнациональному, сколько к расовому типу.

Вышеописанные этнонимы *sudaca, frog* (для обозначения голландцев), *northern monkey* в некоторой степени основаны и на географическом факторе, поскольку в них заложены особенности территории проживания называемых групп. Сюда же можно отнести такие экспрессивные ЛЕ, как *southern fairy* (букв. ‘южная фея’) и *bogtrotters* (букв. ‘ходящие по болотам’). Первой английские северяне называют южан, подразумевая их изнеженную натуру; вторая используется для номинации ирландцев, вследствие непростых отношений двух стран в ходе истории. На примере данной группы можно сделать вывод о том, что метафорическая этнономинация может быть мотивирована несколькими концептами и факторами одновременно.

ОСОБЕННОСТИ МЕТОНИМИЧЕСКОГО ПЕРЕНОСА

Метонимия как сходство по смежности и распространение одного характерного признака на всю описываемую группу в экспрессивной этнономинации обоих языков проявляется достаточно ярко, однако основания для метонимического переноса различаются. Так, анализ отобранного материала обнаружил наличие в пиренейском варианте испанского языка ряда ЛЕ, мотивированных расовым фактором. ЛЕ *indios* (*индейцы*) относится к обозначению представителей Латинской Америки и уходит корнями в эпоху конкистадоров. Данный тип также можно проиллюстрировать экспрессивными этнонимами *moro* – *мавр*, который отсылает нас к эпохе семи веков арабского владычества, и *chino* – *китаец*. Первый используется сегодня по отношению к представителям мусульманских, а второй – азиатских стран.

В британском варианте английского языка нами были найдены прозвища ирландцев, образованные от названий конкретных религиозных и политических групп. К ним относятся, например, *fenian* (по названию католической общины Fenian Brotherhood), *taig* (название ирландских националистов и других радикалов, образовано от ирландского имени Tadhg), *knacker* (одно из значений слова – *старая кляча*, прозвище общины «Irish Travellers» – «Ирландские странники»).

² Por qué los españoles llaman guiris a los ingleses // Quora. 11.01.2022. URL: <https://es.quora.com/Por-qué-los-españoles-llaman-guiris-a-los-ingleses-a-los-catalanes-polacos-a-los-franceses-franchutes-a-los-musulmanes-moros-a-los-norteamericanos-yankis-a-los-de-Gibraltar-lanitos-y-a-los-latinos>

¹ URL: <http://www.rsd.org/slur/spic>

К метонимическому переносу восходит и антономазия – переход имен собственных в категорию нарицательных и использование их для номинации всей группы или этнической общности. Как правило, такими именами являются наиболее частотные в том или ином регионе; обычно дерогативная маркированность при актуализации достигается за счет фонетических искажений.

Указанная категория экспрессивных этнонимов широко представлена в английском языке. Обратимся к примерам. ЛЕ *degos* (с вариантом написания *dagos*) предположительно явилась следствием искажения имени *Diego* и называет представителей не только испанского, но и итальянского и португальского народов. Вторая мировая война пополнила английский язык (и многие другие) еще двумя ЛЕ – *dolf* и *fritz*. *Dolf* образовано от имени *Адольф (Гитлер)* путем начального усечения. *Fritz* – это немецкое имя *Fritz* (полная форма *Friedrich*), перешедшее в разряд нарицательных и ставшее обозначением немецких солдат и офицеров, а затем распространившееся на всю немецкую нацию. Данный этноним существует и в некоторых других языках – русском, французском, венгерском, польском.

Помимо агрессивной номинации в отношении других стран внутри самой Великобритании возникли экспрессивные этнонимы, основанные на антономазии и направленные жителями одного региона против жителей другого. Например, ирландцев называют *paddy* (сокращение от *Patrick* – типичного ирландского имени и, конечно, имени святого покровителя Ирландии). Шотландцы и валлийцы также не остались без лингвистического внимания: первых называют *jock / jocky* (от шотландской версии имени *John / Jack*), вторых – *taffy / taff* (от *Dafydd* – валлийского варианта имени *David*).

В истории существует и достаточное количество событий, связанных с противостоянием Испании и Великобритании, например, англо-испанские войны XVI–XVIII веков за господство над океанскими торговыми путями и за колониальные владения. Одним из таких событий стала уступка Испанией в 1713 году стратегически важной территории Гибралтара и передача ее в бессрочное пользование Великобритании. Испания до сих пор не прекращает дипломатических попыток вернуть данную территорию, а Великобритания, поддерживаемая населением Гибралтара, категорически отказывается идти на уступки. В результате в испанском языке появился экспрессивный этноним *llanito / yanito*. Таким образом испанцы называют жителей Гибралтара, однако, согласно данным словаря DRAE, лексема не имеет негативной окраски и используется, скорее, в качестве доброго, ироничного подтрунивания, которое сами гибралтарцы принимают достаточно благосклонно.

Считается, что *llanito* либо является искажением от английского имени *Джонни – Johnny*, либо имеет ономастическое происхождение от испанского слова *oído – слух*. Изначально данная ЛЕ использовалась для номинации испано-английского диалекта, на котором говорят в Гибралтаре, а этнонимом она стала в результате метонимического переноса¹.

Как видно из последнего примера, при образовании экспрессивных этнонимов с помощью метонимии также бывает необходим учет целого комплекса факторов, в связи с чем иногда бывает сложно выделить тот или иной тип мотивации. Подчеркнем, что приведенный перечень ЛЕ нуждается в дальнейших изысканиях, хотя анализ имеющихся единиц уже сейчас позволяет сделать вывод о сильном влиянии на их семантику исторического фактора, с одной стороны, и этнических стереотипов – с другой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Экспрессивные этнонимы, используемые в гетерономинации, будучи нежелательными в вежливом общении, тем не менее вносят значительное разнообразие в языковую палитру. Вслед за Т. А. Цебровской, подчеркнем, что «истоки этнической агрессии следует искать в историко-культурных различиях этносов, вследствие чего оценка представителей “чужих” этнических групп осуществляется через призму “своего опыта”» [Цебровская, 2017, с. 70].

Наличие в языке экспрессивного этнонима, направленного против какой-либо нации, расы, территориальной, религиозной или иной общности указывает на исторические, экономические, культурные, (гео)политические, языковые и другие разногласия в ходе отношений с данной группой. Таким образом, это экстралингвистически обусловленные единицы, которые появляются в результате разных типов межгрупповых контактов.

При сопоставлении единиц экспрессивной номинации в двух языках можно сделать вывод о том, что практически все рассмотренные этнонимы относятся к мотивированным: мы можем проследить их этимологию, когнитивные и словообразовательные процессы, а также образы, стоящие за подобными ЛЕ. Семантика изучаемого типа этнонимов в обоих языках указывает на класс, расу, физиологические, поведенческие и другие характеристики представителя определенной этнической группы.

С лингвистической точки зрения, оценочные коннотации в анализируемых единицах появляются посредством метафорического и метонимического

¹¿Qué es el llanito o yanito de Gibraltar? // Tradulpa, 13.04.2019. URL: <https://tradupla.com/es/llanito-yanito-gibraltar-ejemplos/>

переноса, нарочитой искаженности структуры лексем, находящихся в их основе, а также семантической деривации. К словообразовательным процессам при образовании экспрессивных этнонимов, выявленным в ходе исследования, можно отнести суффиксацию, блендинг, словосложение, аббревиацию и усечение основ, т. е. практически весь имеющийся в этой области арсенал обоих языков.

В современном обществе, в период подъема толерантности, этнофолизмы как будто бы должны отойти на дальний план и постепенно исчезнуть. Однако, возможно, именно «приучение»

и иногда даже принуждение к толерантности дает обратный эффект. Данный пласт языка продолжает существовать и, вероятно, будет пополняться, так как известно, что запреты и ограничения порождают интерес к запретному, а порой и его бурное подпольное развитие. Это предположения, которые лишь предстоит проверить с течением времени в дальнейших исследованиях. Перспективы изучения лексических единиц подобного рода мы видим также в возможности их структурно-семантической классификации и более полном отражении языковых механизмов, лежащих в основе этнономинии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Почебут Л. Г. Взаимопонимание культур: Методология и методы этнической и кросс-культурной психологии. Психология межэтнической толерантности: учебное пособие. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2005.
2. Камалова С. Д. Образ «чужих» в мультикультурной литературе с позиции лингвистической имагологии (на материале англоязычной художественной литературе о палестинско-израильском конфликте): дис. ... канд. филол. наук. М., 2020.
3. Цебровская Т. А. Дерогативно маркированные этнонимы в английском языке: монография. Симферополь : Антиква, 2017.

REFERENCES

1. Pochebut, L. G. (2005). Vzaimoponimanie kul'tur: Metodologiya i metody etnicheskoy i kross-kul'turnoj psihologii. Psihologiya mezhetnicheskoy tolerantnosti: Uchebnoe posobie = Mutual Understanding of Cultures: Methodology and Methods of Ethnic and Cross-Cultural Psychology. Psychology of Inter-Ethnic Tolerance: Study Guide. St. Petersburg: St. Petersburg University Press. (In Russ.)
2. Kamalova, S. D. (2020). Obraz "chuzhih" v mul'tikul'turnoj literature s pozicii lingvisticheskoy imagologii (na materiale angloyazychnoj hudozhestvennoj literature o palestino-izrail'skom konflikte) = Image of "Aliens" in Multicultural Literature from the Point of View of Linguistic Imagology (Based on English-Speaking Fiction about the Israel-Palestine Conflict): PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
3. Cebrovskaya, T. A. (2017). Derogatивно markirovannyye etnonimy v anglijskom yazyke: monografiya = Derogatively Marked Ethnonyms in English. Simferopol: Antikva. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Попова Евгения Андреевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры второго иностранного языка
Института иностранных языков им. М. Тореза Московского государственного лингвистического университета

Гусева Ольга Андреевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры лексикологии английского языка
факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Popova Evgeniya Andreevna

PhD (Philology), Assistant Professor at the Department of the Second Foreign Language,
M. Thorez Institute of Foreign Languages, Moscow State Linguistic University

Guseva Olga Andreevna

PhD (Philology), Assistant Professor at the Department of English Lexicology,
Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 15.05.2022
одобрена после рецензирования 10.06.2022
принята к публикации 11.07.2022

The article was submitted 15.05.2022
approved after reviewing 10.06.2022
accepted for publication 11.07.2022

Научная статья

УДК 81'373.612.2

DOI 10.52070/2542-2197_2022_8_863_86

Концептуальная подоплека современных политкорректных трендов: новое или хорошо забытое старое?

Л. В. Порохницкая

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
lidie@list.ru*

Аннотация. В статье представлены результаты концептуального анализа эвфемизмов английского и французского языков, фигурирующих в современном медкорректном дискурсе. Показано, что в обоих языках реализуются идентичные модели концептуального профилирования, которые обнаруживают достаточно высокую стабильность в диахронии. Вместе с тем изучение фондов современных эвфемистических единиц демонстрирует, что превалирование модели с конкретизированным фокусом номинации работает на снижение эвфемистического потенциала языковой единицы.

Ключевые слова: метафорический концепт, метонимический концепт, концептуальный фокус, модель профилирования, эвфемистический потенциал

Для цитирования: Порохницкая Л. В. Концептуальная подоплека современных политкорректных трендов: новое или хорошо забытое старое? // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 8 (863). С. 86–90. DOI 10.52070/2542-2197_2022_8_863_86

Original article

Conceptual Patterns of Current Politically Correct Trends: is Everything New Well Forgotten Old?

Lydia V. Porokhnitskaya

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
lidie@list.ru*

Abstract. The paper presents the findings of the conceptual analysis of English and French euphemisms employed in modern medically correct discourse. The results of the research testify to the presence of identical focus patterns that are characterized by a high degree of diachronic stability. It is noteworthy that the most up-to-date pattern with a definite focus is certain to diminish the euphemistic potential of a language unit.

Keywords: metaphoric concept, metonymic concept, conceptual focus, focus pattern, euphemistic potential

For citation: Porokhnitskaya, L. V. (2022). Conceptual patterns of current politically correct trends: is everything new well forgotten old. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(863), 86–90. 10.52070/2542-2197_2022_8_863_86

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на подробное изучение многих аспектов эвфемизации как в нашей стране, так и за рубежом, некоторые вопросы семантики и прагматики эвфемизмов остаются в определенной степени дискуссионными. Одной из таких проблем можно считать, по нашему мнению, определение факторов, влияющих на степень эвфемистического потенциала языковой единицы. Под эвфемистическим потенциалом мы понимаем способность единицы выполнять смягчающую и / или маскировочную функцию в достаточно широком спектре коммуникативных ситуаций.

Проведенное исследование на материале эвфемизмов германских и романских языков продемонстрировало, что степень эвфемистического потенциала зависит от двух основных факторов: характера концепта, лежащего в основе семантики языковой единицы, и специфики его профилирования. Концептуальный фокус единицы, являясь проекцией прагматической интенции автора сообщения, представляет собой ключ к пониманию принципа выбора конкретного метафорического (метонимического) концепта из всех возможных. В каждой номинативной сфере существует определенный набор ведущих концептуальных фокусов, реализация которых в сопоставляемых языках обнаруживает закономерности, позволяющие говорить о действии регулярных концептуальных моделей, изучение которых создает предпосылки для моделирования процесса эвфемизации некоторого понятия в рамках конкретной лингвокультуры.

СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ МЕТАФОРИЧЕСКИХ И МЕТОНИМИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ В СЕМАНТИКЕ ЭВФЕМИЗМА

Семантика большинства эвфемизмов в германских и романских имеет в своей основе действие метафорического или метонимического концепта. В первом случае стигматичное понятие номинируется через призму некоторого концепта, являющегося конституентом одного из четырех блоков концептуального базиса (антропоморфные представления, сложные артефакты, природные явления, базовые представления). Реализация большинства метафорических концептов выделенных блоков обнаруживает ряд общих закономерностей во всех анализируемых языках, что позволяет говорить о наличии общих концептуально-метафорических моделей эвфемизации в германских и романских языках [Порохницкая, 2015].

Исследование показывает, что многие эвфемизмы, в основе значения которых лежит действие

метафорического концепта, обладают амбивалентной коннотацией, что существенно ограничивает их способность реализовывать свою смягчающую и / или маскировочную функцию. Причем степень их эвфемистического потенциала в этом случае непосредственным образом коррелирует с концептуальной сложностью основания их семантики. Чем более сложная конфигурация концептов моделирует их значение, тем более ограниченным оказывается спектр прагматических ситуаций их актуализации.

Реализация концептуальной метонимии в семантике языковой единицы также характерна для всех без исключения сфер эвфемистической номинации, хотя ее продуктивность существенно выше в областях, мотивированных действием законов политкорректного взаимодействия. Большое разнообразие метонимических концептов, репрезентирующих многочисленные аспекты актуальных проблем политики, экономики, острых социальных вопросов, позволяет реконструировать систему метонимических блоков и кластеров, общую в своей основе для анализируемых романских и германских языков. Структура метонимической репрезентации включает семь константных блоков: структурные, пространственные, темпоральные, антропоцентричные, абстрактные, а также блоки, репрезентирующие изменение состояния и отклонения от нормы. Хотя описанная система является в значительной степени универсальной, частотность реализации конкретного метонимического концепта, а также кластера и блока, элементом которых он является, зависит от особенностей каждой номинативной сферы и лингвокультуры, в рамках которой он реализуется.

Концептуальный анализ эвфемизмов романских и германских языков продемонстрировал, что роль концептуальной метонимии в эвфемизации не ограничивается только сферой политкорректного общения. Метонимические концепты, позволяющие, не выходя за рамки некоторого концептуального пространства, репрезентировать один из его элементов, апеллируя к концепту в целом, или, напротив, через один конституирующий подконцепт актуализировать представление обо всем концептуальном пространстве, реализуются во всех без исключения эвфемистических областях.

Концептуальный фокус – это в большинстве случаев центральный подконцепт в составе метафорической (метонимической) конфигурации, моделирующей семантику языковой единицы, репрезентирующий тот признак номинируемого явления, который является ключевым в конкретной прагматической ситуации. Чем более обобщенный характер имеет концептуальный фокус при условии его

реализации в рамках неусложненного концепта, тем более высоким эвфемистическим потенциалом языковая единица, как правило, обладает.

МОДЕЛИ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПРОФИЛИРОВАНИЯ В СЕМАНТИКЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕДКОРРЕКТНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

Достаточно показательны в этом плане современные тренды моделирования так называемых медкорректных единиц в германских и романских языках. Поскольку эвфемизмы в политкорректном дискурсе описывают сложившуюся ситуацию максимально завуалированным образом, отвлекая внимание от негативных сторон обсуждаемого явления, перед номинатором всегда стоит задача поиска новых моделей создания языковых единиц, обладающих высокой степенью эвфемистического потенциала.

Концептуальный анализ эвфемистических единиц, используемых в современном медкорректном дискурсе английского и французского языков, представляющем собой неотъемлемую часть политкорректного дискурса, позволяет констатировать определенную трансформацию моделей концептуального профилирования, отражающую, по всей видимости, существенные подвижки в восприятии людей, имеющих проблемы со здоровьем.

На протяжении последних десятилетий параллельно существовало несколько концептуальных моделей, по-прежнему характеризующихся достаточно высокой продуктивностью. Прежде всего стоит отметить реализацию концептуального фокуса ОТСУТСТВИЕ (НЕДОСТАТОК). Сравните, например:

англ. **below medium height** – очень низкого роста, карлик – ниже среднего роста;

фр. **personne n'ayant pas les pré-requis cognitifs** – с умственными отклонениями (человек, не обладающий когнитивными предпосылками), **personne présentant un déficit auditif** – глухой (человек демонстрирующий недостаток слуха).

Высокой продуктивностью отмечен также фокус номинации ПРЕОДОЛЕНИЕ. Например:

англ. **visually challenged** – слепой, **intellectually challenged** – с умственными отклонениями, **vertically challenged** – человек очень низкого роста, **physically challenged** – инвалид;

фр. **personne confrontée à un challenge physique** – инвалид, **personne confrontée à un défi oculaire** – слепой и т. д.; в фокусе – преодоление некоторого вызова, который бросает человеку его недуг;

англ. **visually inconvenienced** – слепой, **aurally inconvenienced** – глухой;

фр. **personne visuellement contrariée** – слепой, **personne à verticalité contrariée** – человек очень низкого роста; в фокусе – идея преодоления неудобства, препятствия.

Следующей активной моделью концептуального профилирования в рамках современного медкорректного дискурса надо признать реализацию фокуса ОТЛИЧИЕ. Например:

англ. **differently abled** – инвалид (с другими способностями), **differently weighted** – с избыточным весом (с другим весом);

фр. **personne à émotivité différée** – с нарушениями психики (с другой эмоциональностью), **personne possédant une image corporelle alternative** – с избыточным весом (человек с альтернативным внешним видом).

Концептуальный фокус ОТЛИЧИЕ, который по инференции содержит указание на обладание альтернативными возможностями и способностями, логически подводит нас к концептуальной модели, которая реализуется в политкорректном дискурсе уже несколько десятилетий, но в последнее время начинает становиться всё более активной. Речь идет о фокусе НАЛИЧИЕ, который вопреки базовым нормам политкорректности, прямо указывает на существование у человека определенного заболевания, которое не мешает ему вести нормальную жизнь и оставаться личностью. Сравните, например:

англ. **people with AIDS** – больные СПИДом – люди со СПИДом, **people who are blind** – слепые (люди, которые слепые), **people who have schizophrenia** – люди, страдающие шизофренией (люди, у которых есть шизофрения);

фр. **une personne aveugle** – слепой человек.

Важно отметить, что описанная модель, нивелирующая традиционное представление об инвалидности как о страдании, преодолении и т. д., непосредственным образом коррелирует с концептуальным фокусом ЕСТЕСТВЕННОСТЬ, который является ведущим как в традиционных областях эвфемизации, так и в современных политкорректных сферах.

Интересно, что фокус НАЛИЧИЕ представляет собой конституент концептуальной оппозиции НАЛИЧИЕ – ОТСУТСТВИЕ, второй элемент которой переживает, по сути, новое рождение в языке политкорректности, иллюстрируя принцип возвращения к старым моделям эвфемизации, который Р. Киз предложил называть *euphemistic carousel* [Keyes, 2010]. Фокус ОТСУТСТВИЕ, являясь одним из наиболее амбивалентных фокусов в контексте номинирования болезней, всегда характеризовался высокой продуктивностью как в структуре метонимических концептов, моделирующих семантику

эвфемизмов первой волны идеологии политкорректности (например, фр. *non-voquant* – незрячий), так и в рамках метафорических концептов, моделирующих дисфемистические номинации (например, англ. *a card short of a full deck* – имеющий умственные отклонения (букв. ‘карты не хватает в колоде’). В настоящее время активизацию фокуса ОТСУТСТВИЕ (НЕДОСТАТОК) можно наблюдать преимущественно в более обобщенных метонимических концептах, например, фр. *une déficience visuelle* – слепота (недостаток зрения), что позволяет преуменьшить серьезности медицинской проблемы.

Представляется, что реализация современной концептуальной модели с фокусом НАЛИЧИЕ, которая на первый взгляд противоречит основополагающим канонам идеологии политической корректности, на самом деле является ее логическим следствием. Данный фокус должен, по замыслу разработчиков соответствующих директив, указывать лишь на определенный медицинский диагноз, наличие заболевания, являющегося для человека повседневной реальностью, не допуская тем самым упоминания о сопряженных страданиях и дискриминации, представляющих собой наиболее табуированные понятия описываемой номинативной сферы.

Проведенный анализ показал, что концептуальная модель с фокусом НАЛИЧИЕ предполагает несколько модификаций на языковом уровне. В первом случае допускается вкрапление эвфемизмов, что ослабляет конкретизацию фокусной идеи и повышает степень эвфемистического потенциала единицы. Сравните, например, англ. *people who have a mental health problem* – люди с умственными отклонениями (люди, которые имеют проблемы с психическим здоровьем).

Более радикальный вариант данной модели с конкретизированным фокусом номинации предполагает прямое указание на медицинский диагноз, который может обозначаться либо профессиональным термином, характеризующимся ограниченной сферой употребления (например, фр. *personne tétraplégique* – полностью парализованный), либо расхожим термином, в большинстве случаев сопряженным с отрицательными социокультурными

ассоциациями (например, англ. *people with Down syndrome* – люди с синдромом Дауна).

Очевидно, что языковые единицы, имеющие в основе своей семантики действие описанной модели, в особенности, принадлежащие ко второй ее модификации, воспринимаются неоднозначно, а во многих случаях и резко негативно, в частности людьми с инвалидностью, которые полагают, что описанная модель, искусственно насаждаемая чиновниками, должна отделить человека от его заболевания [Ladau, 2015]. Парадокс сложившейся ситуации заключается в том, что основная цель новых директив, объединенных термином «People first language», как раз и заключалась в намеренном недопущении «смешения человека и его диагноза» [Guide terminologique, 2004].

Отметим, что излишняя конкретизация фокуса многих языковых единиц, образованных по описанной модели, ограничивая их эвфемистический потенциал рамками институционального дискурса, приближает их к категории прямой номинации, что априори лишает их статуса эвфемизма. В этой связи подчеркнем, что отнесение слова или сочетания к разряду эвфемизмов, дисфемизмов или прямых обозначений табуированного понятия всегда неоднозначно и решается в каждом случае отдельно¹. Заметим лишь, что многие единицы, воспринимаемые на синхронном срезе как прямые обозначения табуированных явлений (или дисфемизмы), начинали свою жизнь как эвфемизмы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, хочется отметить, что современные модификации концептуальных моделей семантики политкорректных языковых единиц, позволяющие выводит в фокус всё более конкретизированные идеи, приближают такие сочетания к статусу прямой номинации и, по всей видимости, лишь обостряют существующие противоречия между «своими» и «чужими», или в контексте изучаемой проблемы – disabled vs temporarily abled.

¹Подробнее о разграничении эвфемизмов и смежных языковых явлений см.: [Порохницкая, 2010].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Порохницкая Л. В. Константность и вариативность сегментов концептуального номинативного базиса как критерий сопоставительного изучения эвфемизмов разных языковых систем // Вестник Московского государственного лингвистического ун-та. Языкознание. Вып. 12 (723). 2015. С. 159–164.
2. Keyes R. Unmentionables. What we say instead of what we mean. L.: John Murray, 2010.
3. Ladau E. Why People First Language Doesn't Always Put the Person First, 2015. URL: <https://www.thinkinclusive.us/why-person-first-language-doesnt-always-put-the-person-first/>

4. Guide terminologique. Un vocabulaire approprié à l'égard des personnes handicapées de l'Ontario. 2004. URL: <https://www.sdc.gov.on.ca/sites/mgcs-onterm/Documents/Guides/vocapp.htm#sec11>
5. Порохницкая Л. В. Toilet vs WC (к вопросу о разграничении х-фемизмов в европейских языках) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Языкознание. Вып. 21 (600). 2010. С. 143–151.

REFERENCES

1. Porohnickaya, L. V. (2015). Konstantnost' i variativnost' segmentov konceptual'nogo nominativnogo bazisa kak kriterij sopostavitel'nogo izucheniya evfemizmov raznyh yazykovykh sistem. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Linguistics, 12(723), 159–164.
2. Keyes, R. (2010). Unmentionables. What we say instead of what we mean. Lnd: John Murray.
3. Ladau, E. (2015). Why People Fist Language Doesn't Always Put the Person First. <https://www.thinkinclusive.us/why-person-first-language-doesnt-always-put-the-person-first/>
4. Guide terminologique. (2004). Un vocabulaire approprié à l'égard des personnes handicapées de l'Ontario. <https://www.sdc.gov.on.ca/sites/mgcs-onterm/Documents/Guides/vocapp.htm#sec11>
5. Porohnickaya, L. V. (2010). Toilet vs WC (k voprosu o razgranichenii x-femizmov v evropejskikh yazykah). Vestnik of Moscow State Linguistic University, 21(600), 143–151.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Порохницкая Лидия Васильевна

доцент, доктор филологических наук, профессор кафедры лексикологии английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Porokhnitskaya Lydia Vasilievna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor, Professor at the Department of English Lexicology, English Language Faculty, Moscow State Linguistic University

---

Статья поступила в редакцию 16.05.2022 одобрена после рецензирования 16.06.2022 принята к публикации 11.07.2022	The article was submitted 16.05.2022 approved after reviewing 16.06.2022 accepted for publication 11.07.2022
---	--

Научная статья

УДК 81'42

DOI 10.52070/2542-2197_2022_8_863_91

Лингвостилистические особенности речи на церемонии вручения дипломов

П. А. Салтанова

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
1996-polina@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются лингвостилистические особенности одного из устных жанров мотивационного дискурса – речи на церемонии вручения дипломов. Исследуется корреляция функций и лексико-стилистического выражения различных типов мотивационного языка, структурные компоненты и посыл речи, а также характерные для них элементы церемониальности и межличностного общения и их лингвистическое проявление.

Ключевые слова: дискурс, анализ дискурса, мотивационный дискурс, стилистические приемы, речь на церемонии вручения дипломов

Для цитирования: Салтанова П. А. Лингвостилистические особенности речи на церемонии вручения дипломов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 8 (863). С. 91–98. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_8_863_91

Original article

Lexico-Stylistic Peculiarities of Commencement Speech

Polina A. Saltanova

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
1996-polina@mail.ru*

Abstract. The article examines lexico-stylistic peculiarities of one of the spoken genres of motivational discourse – the commencement speech. The author investigates the correlation between the functions and the lexico-stylistic manifestation of different types of motivating language, the speeches' structural components and messages as well as linguistic manifestation of typical of the genre of commencement speech solemnity and elements of interpersonal communication.

Keywords: discourse, discourse analysis, motivational discourse, stylistic devices, commencement speech

For citation: Saltanova, P. A. (2022). Lexico-stylistic peculiarities of commencement speech. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(863). 91–98. 10.52070/2542-2197_2022_8_863_91

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия прослеживается рост популярности такой профессии, как мотивационный оратор. Наблюдается потребность общества в людях, способных произносить убедительные, вдохновляющие и жизнеутверждающие речи, способные изменить жизнь слушателей к лучшему. Данный вид выступлений можно отнести к мотивационному дискурсу, который, как представляется, можно выделить как отдельный вид дискурса.

Мотивационный дискурс остается сравнительно малоизученным и нуждается в дальнейшем всестороннем рассмотрении. Он стал предметом изучения Ж. И. Подоляк (2016, 2018), выделившей его устные и письменные жанры, а также С. В. Ивановой (2015, 2017) и Д. Ньюарка (2012), которые исследовали один из устных жанров мотивационного дискурса – речь на церемонии вручения дипломов.

Ж. И. Подоляк рассматривает устные жанры мотивационного дискурса с точки зрения теории мотивационного языка, предложенной Ж. Мейфилд и М. Мейфилд (2018): *meaning-making language* – букв. ‘смыслообразующего языка’, *empathetic language* – эмпатического языка и *direction-giving language* – инструктирующего языка [Podolyak, 2018].

МОТИВАЦИОННЫЙ ДИСКУРС

В нашей работе мы опираемся на определение мотивационного дискурса Ж. И. Подоляк: «вербальное взаимодействие адресанта и адресата с целью оказать положительное воздействие на эмоциональную, волевою и деятельностьную сферу последнего» [Подоляк, 2016].

Ж. И. Подоляк выделяет устные и письменные жанры мотивационного дискурса. Устные жанры мотивационного дискурса охватывают проповедь, ободряющую речь (per-talk), вступительную речь на конференции (keynote speech) и речь на церемонии вручения дипломов об окончании учебного заведения (commencement speech). Письменные жанры этого вида дискурса представлены в так называемых «мотивационных книгах» [там же].

Ж. И. Подоляк считает, что теория мотивационного языка, предложенная Ж. Мейфилд и М. Мейфилд в сфере управления персоналом, может быть применима и к мотивационному дискурсу [Podolyak, 2018].

Рассматривая виды мотивационного языка, Ж. И. Подоляк пишет: «Meaning-making language... serves to impress on the addressee the importance of fulfilling the task. Often, to achieve this effect, the speaker links the task to the addressee's personal values and goals. Stories about people who worked hard and succeeded are frequently used in this

function, as well as explanations of how the life of other people would change upon the completion of the task» [Podolyak, 2018, с. 48]. (Смыслообразующий язык... используется с целью убеждения адресата в важности выполнения той или иной задачи. Для этого говорящий обычно связывает задачу с системой ценностей и целями адресата. Нередко реципиенту рассказываются истории о людях, добившихся успеха благодаря своему трудолюбию, а также объясняется важность выполнения задачи, поскольку это окажет влияние на жизнь других людей)¹.

Отмечается, что к данному виду языка, который, как правило, носит неформальный характер, нередко прибегает руководство в разговоре с подчиненными. Начальник подчеркивает ценность способностей и значимость личностных качеств каждого сотрудника для процветания компании [Mayfield, 2018].

Эмпатический язык, включающий в себя выражение поддержки, сопереживания или благодарности, показывает умение говорящего налаживать связь с реципиентом на эмоциональном уровне.

Инструктирующий язык относится к разнообразным указаниям, наставлениям и пожеланиям т. п. Он служит для разъяснения задачи и действий, которые необходимо предпринять с целью получения наилучшего результата работы.

Ж. И. Подоляк считает, что ободряющая речь (per-talk), как и вступительная речь на конференции (keynote speech) может включать в себя все три вида мотивационного языка. В последней, однако, превалирует инструктирующий язык, что обусловлено наличием некоего вопроса, который необходимо решить. В речах на церемонии вручения дипломов, наоборот, этот язык отсутствует, в то время как смыслообразующий и эмпатический языки преобладают [Podolyak, 2018].

РЕЧЬ НА ЦЕРЕМОНИИ ВРУЧЕНИЯ ДИПЛОМОВ

Речь на церемонии вручения дипломов, или напутственная речь, или «актовая речь», по определению С. В. Ивановой, представляет собой речь для выпускников учебных заведений, с которой обращаются люди, добившиеся успеха в определенной сфере жизни: актеры, политики, писатели, режиссеры и т. п. Эта традиция началась в 1736 году в Гарвардском университете, когда каждый выпускник университета должен был произносить речь. Со временем, когда число выпускников стало увеличиваться, речи стали произноситься ректором, а затем авторитетными гостями [Иванова, 2017].

¹ Перевод наш. – П. С.

Исследование речей, произнесенных на церемонии вручения дипломов, в Стэнфордском университете в период с 1893 по 2009 год показало, что качественно выступления также претерпели изменения. Со временем уходя от академичности, речи становились менее формальными, более личными, с долей юмора (*Stanford magazine. 2012, May / June*¹). С течением времени изменилось не только содержание, но и продолжительность выступления. Так, напутственные речи до Первой мировой войны были в два раза длиннее современных (*Stanford Magazine. 2012, May / June*²).

Как уже упоминалось выше, в напутственных речах превалирует смыслообразующий и эмпатический языки, что объясняется целью выступления: подбодрить выпускников, выразить солидарность с их эмоциональным состоянием: волнением, тревогой о будущем, предвкушением взрослой жизни и радостью от окончания учебы; а также разъяснить важность принимаемых выпускниками решений [Podolyak, 2018]. Выступающие отождествляют себя с выпускниками, делятся своим опытом, рассказывают истории из своей жизни, заставляющие задуматься.

Тем не менее произнести эффектную, запоминающуюся на долгие годы речь довольно сложно, что подтверждается опросом, проведенным Д. Ньюарком среди 232 выпускников Стэнфордского университета различных годов, начиная с 1970 года. По его утверждению, 59,5 % опрошенных помнят, кто выступал на церемонии вручения дипломов; 37,9 % помнят содержание речи; и только 28,8 % – тему выступления (*Stanford Magazine. 2012, May / June*³).

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом для исследования послужили пять видеовыступлений американских ораторов с напутственными речами. Выступления были отобраны методом сплошной выборки:

- 29-минутная речь Опры Уинфри в Гарвардском университете в 2013 году;
- 20-минутная речь Стивена Спилберга в Гарвардском университете в 2016 году;
- 18-минутная речь Тима Кука в Стэнфордском университете в 2019 году;
- 17-минутная онлайн-речь Мишель Обамы в 2020 году;
- 10-минутная онлайн-речь Бейонсе Ноулз в 2020 году.

¹ URL: <https://stanfordmag.org/contents/all-talk-58-commencement-speeches-analyzed>

² URL: <https://stanfordmag.org/contents/speak-memory>

³ Там же.

Речь Опры Уинфри оказалась самой длинной среди отобранного материала, в то время как речь Бейонсе Ноулз самой короткой. Продолжительность остальных речей колеблется в пределах 17–20 минут. Все речи находятся в открытом доступе и могут быть найдены на интернет-портале YouTube.

Нами был проведен анализ вышеупомянутых выступлений с общелингвистической, дискурсивной и стилистической точек зрения с применением общенаучных методов анализа, сравнения, наблюдения и обобщения.

Аналитическая процедура включает следующие этапы:

- 1) определить лингвистические средства, функционирующие в рамках мотивационного языка, а именно смыслообразующего и эмпатического (предложенные Ж. и М. Мейфилд [Mayfield J., Mayfield M., 2018]);
- 2) описать структурные компоненты речи на церемонии вручения дипломов;
- 3) установить основную идею речей;
- 4) выявить лингвистические средства, доказывающие, с одной стороны, церемониальность речей, с другой – наличие элементов межличностного общения.

МОТИВАЦИОННЫЙ ЯЗЫК В НАПУТСТВЕННОЙ РЕЧИ

Нами были изучены два типа мотивационного языка в напутственных речах: смыслообразующий и эмпатический с точки зрения их функции в контексте речей на церемониях вручения дипломов, а также лингвистического проявления.

Наше исследование показало, что в контексте речей на церемониях вручения дипломов смыслообразующий язык в 100 % случаев используется с двумя целями: для объединения личных устремлений выпускников с решением социальных вопросов и для формирования уверенности в собственных силах.

Сначала мы рассмотрим каким образом ораторы связывают личные цели выпускников с проблемами общества. Мы выделили ряд ступеней и определили наиболее частотные языковые средства на каждом этапе. Так, выступающие сначала напоминают слушателям про наличие острых социальных проблем, нуждающихся в решении. Наиболее частотными встречающимися языковыми средствами на данном этапе оказались такие стилистические приемы, как метафора: *A hero needs a villain to vanquish. And you're all in luck. The world is full of monsters*; эпитет: *senseless killing of yet another unarmed human being, reality has shaken blind faith*

и перифраза: *human being, this country (implying the USA), huddled masses (implying immigrants), our shores (implying the US borders)*. Также можно выделить лексические единицы, вызывающие негативные ассоциации: *crisis, racial pandemic, political hatred, homophobia* и т. д.

Далее ораторы наводят слушателей на размышления, прибегая к вопросительным предложениям: *The question is: how will we respond? What are we going to do about it? Really, what are going to do about it?*

На третьей ступени выступающие апеллируют к патриотизму, чувству принадлежности к стране, используя местоимения 1-го лица множественного числа *we*: *We deserve better; We all have a responsibility to hold ourselves accountable and change...; In our political system and in the media, we often see the reflection of a country that is polarized...; We have no choice, but to see what has been staring us in the face; We are a nation of immigrants.*

И, наконец, выступающие стараются вызвать чувство ответственности и долга перед страной. Наиболее частотными языковыми средствами на данном этапе оказались модальные глаголы: *Your vision for what our world can and should be matters; Indigent mothers and families should have access to healthy food and a roof over their heads; ...it must be repaid with every generation*, метафоры *The Earth is ripping the band-aid off so we can see our wounds; It's up to you to march hand in hand with your allies to stand peacefully with dignity and purpose on the front lines* и лексические единицы, вызывающие отрицательные ассоциации: *It's up to you to speak out against cruelty, dishonesty, bigotry; Atrocities are happening right now.*

Вторая функция смыслообразующего языка – способность вселить уверенность в собственных силах и заставить выпускников поверить в то, что каждый из них уникален, способен добиться успеха и принести пользу обществу. Наиболее используемые лингвистические средства для этой цели – лексические единицы, вызывающие положительные ассоциации: *You are future innovators, motivators, leaders and caretakers; I've seen your creativity and your talent and your resourcefulness* и глаголы, выражающие высокую степень уверенности: *I know you are ready...; I believe you are born with a masterful gift.*

Эмпатический язык присутствует в 80 % исследуемых нами напутственных речах и служит для демонстрации единения с чувствами и эмоциями выпускников. Эмоциональное воздействие вместе с личными историями и опытом, которым делится говорящий, должны заставить выпускников воспринять выступающего как

человека, которому можно доверять, а его речь должна показаться им более привлекательной. Наш анализ показал, что наиболее часто встречающимися лексическими и стилистическими средствами оказались: метафора (18,5 %): *But now is the time to turn those criticisms into fuel and motivation to become a beautiful beast; ...if you feel you're searching for lifeline just to steady yourself, you're not alone; This is a time in your life when it feels like everything is turned upside down and perhaps you're wishing that things could just go back to the way they were*; фразы, выражающие солидарность (18,5%): *I know those moments are painful and you're human and it hurts like hell; ...you're not alone. I'm feeling all that too.* Проявление солидарности может сопровождаться асиндетоном и перечислением отрицательно окрашенных прилагательных: *Now, if you've ever been called dumb, unattractive, overweight, unworthy, untalented, well, so have I*; нарративом, где говорящий рассказывает о собственном опыте: *I know how hard it is to step out and bet on yourself. There was a pivotal turning point in my life when I chose to build my own company many years ago. I had to trust that I was ready and that my parents and mentors provided me with the tools I needed to be successful; Look, I've been there many times in my life. I felt it most profoundly when my father and my best friend died within a year of each other; гиперболой: Oh and it felt like my whole world was collapsing in on itself.*

Менее частотными (14,8 %) оказались оценочные прилагательные: *...and if you make a mistake, that's okay too; and when you're down in the hole, when that moment comes, it's really okay to feel bad for a little while, So I want you to know that it's okay to be confused. It's okay, if you don't understand exactly what you're feeling...* и лексические единицы, относящиеся к эмоциям (14,8 %): *So if you are scared or confused or angry or just plain overwhelmed by it all, ..., you're not alone.*

Наконец, мы можем также отметить местоимение 1-го лица множественного числа *we* (11,1 %), которое в одном случае включает выпускников и выполняет функцию сближения оратора и реципиентов: *I'm feeling all that too. I think we all are*, а в другом – исключает выпускников и включает родителей и преподавателей: *We're so proud of you.*

О ДРУГИХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ НАПУТСТВЕННОЙ РЕЧИ

По мнению С. В. Ивановой, композиционно, тематически и стилистически жанр напутственной речи относительно стабилен [Иванова, 2017].

Композиционно речи включают следующие компоненты:

- благодарность за возможность выступить с речью,
- рассказ о собственном опыте говорящего,
- смешные ситуации, произошедшие с выступающим,
- философские размышления о жизни,
- упоминание видных выпускников данного высшего учебного заведения

пожелания выпускникам [Иванова, 2015].

Анализ нашего материала показал присутствие вышеперечисленных элементов, за исключением ссылки на выдающихся выпускников. Так, все ораторы (100 %) выражали благодарность за возможность быть участником мероприятия, делились личным опытом и размышлениями о жизни. В 80 % речей высказывались пожелания выпускникам, в то время как рассказ о смешных ситуациях встречается только в 20 % исследуемого материала. Также мы можем выделить завершающую часть выступления, выраженную словами: *Good luck and thank you for listening* или *God bless you* в 80 % речей и только 20 % речей заканчивались поздравлениями выпускников.

Посыл речей на церемониях вручения дипломов, находящихся в нашем рассмотрении, в 80 % случаев можно свести к следующему: выпускники должны быть активными гражданами, вовлеченными в решение общественных вопросов своей страны и мира, а также проявлять эмпатию и уважать окружающих. Среди других пожеланий можно выделить призыв к поиску своего призвания (в 40 %), быть собой (в 40 %), а также помнить о прошлом (в 20 %) и жить настоящим (в 20 %). Эти идеи выражаются аргументацией различного рода:

- дедуктивным рассуждением:

It doesn't matter how far you might rise. At some point you are bound to stumble because if you're constantly doing what we do, raising the bar, if you're constantly pushing yourself higher, higher, the law of averages, not to mention the Myth of Icarus, predicts that you will at some point fall.

- индуктивным рассуждением в форме отсылки к собственному опыту говорящего:

I have travelled the world seeing the governments and people in so many other countries. And I can tell you that our democracy is sturdy and yes, it still works.

- ссылкой на авторитетный источник в виде цитаты:

You will find true success and happiness if you have only one goal, there really is only one, and

that is this: to fulfil the highest most truthful expression of yourself as a human being... Theologian Howard Thurman said it best. He said, "Don't ask yourself what the world needs. Ask yourself what makes you come alive and then go do that, because what the world needs is people who have come alive.

- индуктивным рассуждением в виде фактических данных:

We've spoken to over 53,000 Holocaust survivors and witnesses in 63 countries and taken all their video testimonies. And we're now gathering testimonies from genocides in Rwanda, Cambodia, Armenia and Nanking. Because we must never forget that the inconceivable doesn't happen – it happens frequently. Atrocities are happening right now.

Прослеживается также апелляция к этическим принципам – оппозиция «мы – они», где говорящий и аудитория относятся к «правильным, хорошим, гуманным – мы», контрастирующим с «плохими – они». Таким образом выступающий устанавливает связь с аудиторией и демонстрирует свою поддержку:

To all those who feel different, if you're a part of a group that's called "other", a group that does not get the chance to be center stage, build your own stage and make them see you; there will always be those who want to keep you silent. To have you be seen, but not heard. Maybe they don't even want to see you at all, but those people don't know your story.

В анализируемых нами напутственных речах удалось также установить взаимосвязь между содержанием речи и личностью выступающего. Так, будучи евреем, Стивен Спилберг поднимает тему антисемитизма, Тим Кук, будучи человеком нетрадиционной ориентации, упоминает Стоунволлские бунты членов гей-сообщества, речь бывшей первой леди США Мишель Обамы по большей части касается социально-политических вопросов, в то время как телеведущая Опра Уинфри и певица Бейонсе фокусируются на своем карьерном опыте.

В речи Стивена Спилберга отмечается также взаимосвязь между используемыми им языковыми средствами и его профессией. Мы обнаружили ряд экспрессивных средств, относящихся к сфере кинематографии: развернутая метафора *character-defining moment* относится к важным решениям или действиям, которые оказываются решающими в жизни человека:

Well, what you choose to next is what we call in the movies the 'character-defining moment.'

...Life is one strong, long string of character-defining moments.

...And this is what happened when I met and married Kate, and that become the greatest character-defining moment of my life.

Мы находим также метафоры *hero*, *villain*, *monsters*:

Love, support, courage, intuition. All of these things are in your hero's quiver, but still, a hero needs one more thing: a hero needs a villain to vanquish. And you're all in luck. This world is full of monsters. And there's racism, homophobia, ethnic hatred, class hatred, there's political hatred, and there's religious hatred.

Можно также выделить составные эпитеты *Hollywood-worthy* и *Hollywood-style* и аллюзии к собственным фильмам выступающего, а также к фильмам других режиссеров:

And as an example of action in service of others, you need to look no further than this Hollywood-worthy backdrop of Memorial Church.

...and finally, I wish you all a true, Hollywood-style happy ending.

I hope you outrun the T. Rex, catch the criminal and for your parents' sake, maybe every now and then, just like E. T.: Go home.

Со стилистической точки зрения, напутственные речи представляют собой синтез церемониальности и элементов межличностного общения [Иванова, 2017].

В ходе исследования удалось определить, что языковые средства, относящиеся к церемониальности, в основном сосредоточены в начале речей, однако могут также встречаться и в других ее частях. В 80 % случаев были обнаружены формальные клишированные выражения, отвечающие официальному и торжественному характеру мероприятия. В этой части встречаются также оценочные выражения, направленные на подчеркивание значимости события и благодарности выступающего за возможность произнести речь:

special day, defining milestone, the most meaningful of occasions, I'm honoured, It's an honour, Thank you...

for inviting me..., We've all gathered to share in the joy of this day, so please join me in congratulating...

Формальная и возвышенная лексика была найдена в 80 % выступлений, в основном для достижения торжественного, серьезного и философского тона, поскольку данные элементы, как правило, встречались в моментах, когда выступающие затрагивали тему социальных проблем, философские темы или делились собственным опытом и мудростью:

Here's my corollary: "Your mentors may leave you prepared, but they can't leave you ready."

It helped me to decide that I wasn't going to just be on TV every day but that the goal of my shows, my interviews, my business, my philanthropy, all of it, whatever ventures I might pursue would be to make clear that what unites us is ultimately far more redeeming and compelling than anything that separates me.

В то же время характерной чертой напутственной речи являются элементы межличностного общения, что объясняется стремлением говорящего установить доверительные отношения и завоевать внимание молодой аудитории. Наиболее распространенными языковыми средствами, способствующими достижению эффекта неформального общения тет-а-тет в нашем материале, выступают неформальная лексика, междометия, фразовые глаголы и даже стилистически сниженная лексика, а также стилистический прием эвфемизма:

But when anger is focused, when it's channelled into something more, oh, that is the stuff that changes history.

But then I started paying more attention, and my intuition kicked in.

This generation, your generation I know, has developed a finely honed radar for B.S. Can you say "B.S." at Harvard?

I cracked myself up on TV. Couldn't stop laughing and my real personality came through and I figured out, oh gee, I can be a much better Oprah than I could be a pretend Barbara.

Too many who show up for the ribbon cutting building anything worth a damn.

Наряду с формальными элементами, неформальные также могут быть разбросаны по всей речи и переплетены с первыми, что позволяет выступающему избежать монотонности и привлечь внимание аудитории: В этом примере: *So one year later after launching OWN, nearly every media outlet had proclaimed that my new venture was a flop. Not just a flop, but a big bold flop, they call it, **proclaimed** и **venture** относятся к формальной лексике, в то время как *flop* является разговорным.*

На синтаксическом уровне отмечается упрощение синтаксиса и краткие предложения, характерные для межличностного общения:

It was either that or a bag of Oreos. So I chose shower;
And you're all in luck. The world is full of monsters;
And you still made it. We're so proud of you.

В отдельных случаях прослеживаются эллипсис: *Couldn't stop laughing...* и эллиптическое вопросительное предложение, имеющее фатическую функцию *Sound familiar to anybody here?*; разделительный вопрос, имеющий целью создание юмористического эффекта и непринужденной атмосферы: *And dad, there's a lady behind you, also 99, and I'll introduce you after this is over, okay?*, а также вовлечение аудитории в невербальную коммуникацию:

Everyone here, please find someone's eyes to look into. Students, and alumni and you too. President Faust, all of you, turn to someone you don't know or don't know very well. They may be standing behind you, or a couple of rows ahead. Just let your eyes meet. That's it.

Для достижения эффекта личной беседы выступающие прибегают к прямому обращению к аудитории: *graduates u class of...* или местоимению 2-го лица *you*.

К элементу межличностного общения можно также отнести использование повелительного наклонения, которое, ввиду особенностей культуры западных англоговорящих стран, не приветствуется за исключением случаев, когда аудитория считает выступающего авторитетом, что наблюдается в случае речей на церемониях вручения дипломов. В 80 % исследуемого материала нам встретилось повелительное наклонение:

You be it. Be about it. Be about that action and go do it. Keep your eye on that intention. Don't let any outside distraction or your insecurity stop you from your goals. Embrace that struggle;

Go further, send all your friends a link to register to vote, text everybody you know....

Выводы

В напутственных речах используется два типа мотивационного языка: смыслообразующий и эмпатический, которые тесно переплетаются. Первый служит для объединения личных целей выпускников с общественными вопросами, требующими решения, и для формирования уверенности в собственных силах. Прежде всего выступающие напоминают аудитории о социальных проблемах и заставляют ее задуматься, используя лексические единицы, вызывающие отрицательные ассоциации, вопросительные предложения и стилистические приемы: метафоры, эпитеты и перифразы. Апеллируя к патриотизму и вызывая чувство долга и ответственности у аудитории, говорящие прибегают к местоимению первого лица множественного числа *we*, модальным глаголам, метафоре и лексическим единицам, имеющим негативные ассоциации. Чтобы поднять самооценку выпускников, используются лексические единицы, вызывающие положительные ассоциации и глаголы, выражающие высокую степень уверенности.

Второй тип мотивационного языка служит для того, чтобы продемонстрировать, что оратор отождествляет себя с аудиторией, и ему понятны чувства и эмоции выпускников, что передается выражениями солидарности, лексическими единицами, выражающими эмоции, оценочными прилагательными, а также метафорой.

Среди наиболее встречающихся посылов в речах на церемониях вручения дипломов выпускникам были пожелания активной жизненной позиции, беспокойства о стране и мире, уважения к окружающим и проявления эмпатии. В ходе исследования мы установили взаимосвязь между содержанием выступления и личностью говорящего, а также между языковыми средствами и профессией выступающего.

Напутственные речи представляют собой синтез элементов межличностного общения, выражающихся в неформальной лексике, включая фразовые глаголы и междометия, упрощении синтаксиса, прямом обращении к аудитории, использовании эвфемизмов и даже стилистически сниженной лексики, а также элементов церемониальности, проявляющихся в клишированных фразах, типичных для официальных мероприятий и формальной и возвышенной лексики. Языковые средства, способствующие торжественности чаще встречаются в начале выступления, а формальная и возвышенная лексика в разговоре о серьезных вещах. Однако в зависимости от желаемого эффекта, например стремления избежать чересчур серьезного или нравоучительного тона, а также для привлечения внимания аудитории могут использоваться средства неформального регистра, в том числе и в непосредственной близости от формальных элементов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Podolyak Zh. I. Spoken Genres of Motivational Discourse // Znantsvena misel journal. 2018. № 22. С. 48–49.
2. Подоляк Ж. И. К вопросу о выделении мотивационного дискурса // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 5. URL: <https://human.snauka.ru/2016/05/14850>
3. Иванова С. В. Актовая речь как гибридная полидискурсивная практика // Вестник Российского университета дружбы народов. 2017. № 1. Т. 21. С. 141–160.
4. Mayfield J., Mayfield M. Motivating language theory: effective leader talk in the workplace. L. : Palgrave Macmillan, 2018.
5. Иванова С. В. Лингвокультурные особенности прецедентного жанра «актовая речь» // Магия ИИНО: новое в исследовании языка и методике его преподавания: материалы Второй научно-практической конференции. 2015. С. 58–64.

REFERENCES

1. Podolyak, Zh. I. (2018). Spoken Genres of Motivational Discourse. Znantsvena misel journal, 22, 48–49.
2. Podolyak, Zh. I. (2016). K voprosu o vydelenii motivatsionnogo diskursa = On the identification of motivational discourse. Humanities scientific researches, 5. <https://human.snauka.ru/2016/05/14850> (In Russ.)
3. Ivanova, S. V. (2017). Aktovaya rech kak gibridnaya polidiskursivnaya praktika = Commencement speech as a hybrid polydiscursive practice. Vestnik of Peoples` Friendship University of Russia, 1(21), 141–160. (In Russ.)
4. Mayfield, J., Mayfield, M. (2018). Motivating language theory: effective leader talk in the workplace. London: Palgrave Macmillan.
5. Ivanova, S. V. (2015). Linguokul'turniye osobennosti pretsedentnogo zhanra "aktovaya rech" = Linguocultural peculiarities of the precedent genre of commencement speech. The magic of innovation: language and language teaching in a changing environment (pp. 58–64): conference proceedings. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Салтанова Полина Андреевна

преподаватель кафедры лексикологии английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Saltanova Polina Andreevna

Lecturer at the Department of English Lexicology,
Faculty of the English, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 11.05.2022
одобрена после рецензирования 09.06.2022
принята к публикации 11.07.2022

The article was submitted 11.05.2022
approved after reviewing 09.06.2022
accepted for publication 11.07.2022

Научная статья

УДК 81'42

DOI 10.52070/2542-2197_2022_8_863_99

Непрямая коммуникация в дискурсивном пространстве инаугурационного обращения

И. К. Сескутова¹, А. Е. Устьянцева²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹seskutova@bk.ru

²val_88@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается взаимодействие лингвостилистических, прагматических и дискурсивных параметров жанра инаугурационного обращения в политическом коммуникативном поле американского социума. Анализ языковых средств не прямой коммуникации и способов активации концептуального содержания внутри структуры инаугурационного обращения 45-го президента США Д. Трампа позволил определить смысловые узлы, «ответственные» за транслирование содержания, имеющего ценность в современной социокультурной ситуации в США.

Ключевые слова: политический дискурс, инаугурационная речь, не прямая коммуникация, смыслоформирование, репрезентация знаний

Для цитирования: Сескутова И. К., Устьянцева А. Е. Непрямая коммуникация в дискурсивном пространстве инаугурационного обращения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 8 (863). С. 99–104. DOI 10.52070/2542-2197_2022_8_863_99

Original article

Indirect Communication in the Discourse of the Inauguration Address

Irina K. Seskutova¹, Anastasia E. Ustyantseva²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹seskutova@bk.ru

²val_88@bk.ru

Abstract. The article examines the interaction of linguostylistic, pragmatic and discursive parameters of the genre of the inaugural address in political communication in American society. Analysis of linguistic means of indirect communication and ways of activating conceptual content within the structure of the inaugural address of the 45th President of the United States D. Trump made it possible to identify semantic nodes “responsible” for broadcasting content that has value in the current sociocultural situation in the United States.

Keywords: political discourse, inaugural address, indirect communication, inference, knowledge representation

For citation: Seskutova, I. K., Ustyantseva, A. E. (2022). Indirect communication in the discourse of the inauguration address. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(863), 99–104. 10.52070/2542-2197_2022_8_863_99

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая статья содержит размышления авторов о значимости феномена непрямого общения в дискурсивном пространстве инаугурационного обращения и понимания сущности когнитивных процессов смыслоформирования в современной социокультурной ситуации в США.

Анализ дискурсивных параметров современного политического дискурса, детерминированного социальной практикой конкретного социума, приобретает особое значение и для научного сообщества. Вопросами политического дискурса начинают заниматься не только политологи, но и лингвисты, специалисты по коммуникации, психологи, антропологи, культурологи. Увеличивается спрос на формирование и развитие компетенций, способствующих пониманию современных политических форматов. Междисциплинарный подход к изучению политического дискурса позволяет говорить сегодня о появлении новой отрасли языкознания – политической лингвистики.

Научный интерес к политическому дискурсу возможно объяснить рядом причин. Во-первых, он обусловлен потребностью самой лингвистики – в разные исторические эпохи лингвистические учения всегда обращались к проблематике речевого общения, к политическому дискурсу как особому виду деятельности [Швейцер, 1989]. Во-вторых, политические тексты становятся многожанровыми, что вызывает необходимость разработки новых методов анализа для более глубокого проникновения в процессы смыслоформирования того или иного социума.

Жанру инаугурационной речи как феномену представления знания в современной социокультурной ситуации в США отводится особое место в структуре американского политического дискурса, поскольку это один из основных инструментов создания положительного имиджа политического лидера страны – президента, его мировосприятия, ориентиров и личностных качеств.

Актуальность междисциплинарного изучения текстов инаугурационных речей заключается также в том, что тексты президентских обращений рассматриваются в пространстве американского социума с точки зрения выполнения ими функций не только в сообществе языковом, но также социальном и политическом [Сескутова, 1993]. Инаугурационная речь рассматривается как действие политическое [Шейгал, 2000]. Исследование проблематики текста в междисциплинарном ключе позволяет обнаружить моменты, существенные для понимания политического текста как сложной иерархической структуры с фоновыми знаниями, со спецификой передачи реалий, с большим

смысловым потенциалом. Именно поэтому нам представляется не вполне возможным идентифицировать вуалированные способы влияния на аудиторию и тактики манипулирования общественным сознанием, если тексты инаугурационных обращений рассматриваются с перспективы чисто лингвистической составляющей. Помимо языковой стороны вопроса, необходимо принимать во внимание социальные, культурные и прагматические характеристики той или иной речевой единицы.

Непрямая коммуникация, являясь содержательно осложненной коммуникацией, для декодирования которой необходимы дополнительные интерпретативные усилия [Дементьев, 2006], представляет собой один из механизмов персуазивности в инаугурационных речах, который усиливает эффективность речевого воздействия на реципиента. Для максимально быстрого достижения цели инаугурационного обращения, а именно завоевания доверия аудитории, адресанту необходимо выйти за рамки вербализации и оптимизировать дискурс. Таким образом, изучение непрямого общения позволяет выявить скрытые намерения и интенции, заложенные в высказывании или тексте [Дементьев, 2001].

Задача представленного в настоящей статье исследования заключается в выявлении и описании языковых средств непрямого общения в инаугурационном обращении 45-го президента-республиканца США Дональда Трампа с точки зрения непосредственно лингвистического, а также социально-прагматического и дискурсивно-когнитивного подходов.

ДИСКУРСИВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ИНАУГУРАЦИОННОЙ РЕЧИ КАК ЖАНРА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Под политическим дискурсом понимается использование языка в политической обстановке [Dijk, 1997]. С одной стороны, данный дискурс должен быть понятен и доступен для реципиента, с другой – он выполняет идеологическую функцию. Е. И. Шейгал, например, выделяет следующие признаки политического дискурса: информативность, смысловую неопределенность, институциональность, дистанцированность, фантомность и авторитарность [Шейгал, 2000].

Основной целью политического дискурса является речевое воздействие, на достижение которой направлен широкий ряд вербальных и невербальных средств. Эта цель определяет ведущую функцию данного дискурса – *побудительную*. Е. И. Шейгал пишет, что политическая коммуникация

сводится к борьбе за власть, в ходе которой используются техники манипуляции сознанием [Шейгал, 2000]. Побудительная функция может выражаться эксплицитно через призывы к народу, лозунги и имплицитно посредством активизации определенных настроений и эмоций у реципиента. Среди прочих функций, которым также отводится немаловажная роль в политической коммуникации, можно выделить *коммуникативную* и *мета-языковую*, отвечающие за доступную и понятную передачу информации, *эмотивную*, выражающую эмоции и чувства адресанта и вызывающие ответные реакции у аудитории. С эмотивной функцией плотно переплетается *фатическая*, так как политику крайне важно, чтобы слушатели разделяли его взгляды и намерения, следовательно, он ставит себе цель создать общие точки соприкосновения, или смысловые узлы, тем самым трансформировать коммуникативные отношения и транслировать некое содержание, имеющее культурную ценность в данном сообществе.

Помимо стандартизованности, для политического дискурса также характерна экспрессивность. Появление маркированных языковых единиц разной структурной протяженности, более емких и лингвистически изобретательных, способствует более действенной и эффективной трансляции идей. Сказанное приводит нас к предположению, что эмоциональная окраска – один из ключевых компонентов данного дискурса, и авторы политических текстов располагают широким арсеналом экспрессивных средств для увеличения проникающей способности своих обращений.

Инаугурационное обращение как жанр политического дискурса и ораторского искусства характеризуется единичным адресантом и отношенностью к частному событию. Как особый жанр инаугурационное обращение отмечено строгими регламентирующими рамками и направлено на огромную аудиторию. Инаугурационная речь имеет следующую структуру: обращение к слушателям, выражение благодарности сторонникам партии, чествование предшественника, оглашение последующего курса политики, клятвенное обещание и достойно выполнять свой государственный долг и апогей в конце выступления.

Инаугурационная речь является монологом диалогического типа и представляет собой не прямой разговор между президентом и аудиторией в социально значимом контексте. Инаугурационное обращение также обладает чертами торжественной речи: похвала предыдущим национальным достижениям, переосмысление прошлого и будущего нации, использование возвышенного стиля и стилистических приемов для придания

экспрессивности и эмоциональности выступлению [там же]. Поскольку установка данного жанра – создать определенный настрой и эмоциональный фон у реципиента для максимально успешной активации мягкой силы воздействия – языковым средством оптимизации и повышения эффективности дискурса служат средства не прямой коммуникации.

Для идентификации и последующего описания вуалированных смыслов и интенций, необходимо отойти от непосредственно языковой формы и принять во внимание способы репрезентации знаний в дискурсе, что и подразумевает междисциплинарный подход.

КОГНИТИВНО-МАТРИЧНЫЙ АНАЛИЗ ИНАУГУРАЦИОННОГО ОБРАЩЕНИЯ ДОНАЛЬДА ТРАМПА. ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Нами было принято решение рассматривать инаугурационную речь как форму дискурсивной деятельности. Анализ способов ее организации, выбора языковых средств, а также представленных видов знания может выявить специфику не прямой коммуникации, которая играет важную роль в оптимизации данного дискурса.

Языковое знание является результатом познания и осмысления структуры и системы языка, его категорий, механизмов и принципов формирования и передачи смыслов. Возможно выделить, по меньшей мере, три разновидности языкового знания:

- 1) вербализованное знание об объектах окружающего мира;
- 2) знание самих языковых форм и их значений, которые отражают специфику представления знания о мире и языковую организацию;
- 3) знание языковых единиц и категорий, которые имеют внутриязыковую природу и служат для интерпретации и реинтерпретации концептуальных содержаний в языке [Болдырев, 2007].

Релевантным типом для нашего анализа является третья разновидность знания. Оно представлено в языковых единицах и категориях модусного типа, что позволяет говорящему интерпретировать то или иное концептуальное содержание различными способами, а также формировать на этой основе отдельные смыслы. К таким категориям обычно относят: отрицание, оценочные категории, аппроксимацию, эвиденциональность, экспрессивность и др. [там же]. Специфика модусных категорий заключается в том, что они объединяют некоторые языковые средства на основе их интерпретирующей функции. Таким образом, они

являются формами отражения человеческого сознания, проявления его личного опыта, оценок, мировосприятия. Следовательно, модусные категории носят концептуально-языковой характер, они создаются самим языком с целью передачи определенной интерпретации, оценки или индивидуального опыта категоризации мира.

Языковая категоризация во многом опирается на способность к абстрагированию из языкового опыта. Если говорящий сумеет конкретизировать свои намерения и определить интенции слушателя, то прибегнув к абстрагированию, он сможет впоследствии манипулировать сознанием реципиента. Именно поэтому абстрагирование считается более высоким этапом познания мира [Кубрякова, Ирисханова, 2007] и, по нашему мнению, успешно реализуется в инаугурационных речах.

Наряду с лингвистическим анализом типа языкового знания, представленного средствами непрямого коммуникации, необходимо также обратиться к приемам и методам когнитивного анализа, одним из которых является когнитивно-матричный анализ. Он заключается в одновременном обращении к нескольким концептуальным областям, что позволяет успешно описывать структуры стилистических, этнических и культурных концептов в инаугурационных речах, так как когнитивная матрица способная отразить связи модусного концепта с источниками его содержания [Болдырев, 2007]. Нами была принята попытка рассмотреть типы знаний, представленных в инаугурационном обращении 45-го президента США Д. Трампа, и соотнести их с языковыми средствами, с помощью которых они активируются.

Структура инаугурационного обращения Д. Трампа выглядит следующим образом: президент начинает свою речь с благодарности предшественникам и всему американскому народу за их совместную работу на благо Америки. Обращаясь к Б. Обаме и М. Обаме, президент использует прилагательные оценочной категории, подчеркивая неоценимый вклад своего предшественника:

Chief Justice Roberts, President Carter, President Clinton, President Bush, President Obama, fellow Americans, and people of the world, thank you.

...we are grateful to President Obama and First Lady Michelle Obama for their gracious aid throughout this transition. They have been magnificent.

Д. Трамп четко устанавливает цель своего президентства, которая заключается в перестройке страны и достижении американской мечты. Переосмысляя события прошлого, он использует ряд антитез, оформленных в виде параллельных

конструкций, что не только усиливает эффективность дискурса, добавляя экспрессивности и выразительности речи, но и подкрепляет данные им обещания по улучшению уровня жизни в стране:

...a small group in our nation's capital *has reaped the rewards* of government, while the people *have borne the cost*. Washington *flourished*, but the people *did not share in its wealth*. Politicians *prospered*, but the *jobs left* and the factories *closed*. The establishment *protected itself*, but *not the citizens* of our country.

В примере выше также работает категория отрицания, которая играет важную роль в оценке событий прошлого и выделении настоящего момента как начала изменений. Отрицательные конструкции в речи президента активизируют знания об ограничениях свобод, несправедливости в жизни, неправильном распределении ресурсов среди населения, что заставляет аудиторию еще больше проникнуться обещаниями вступающего на пост президента:

Their victories *have not been* your victories. Their triumphs *have not been* your triumphs...

Д. Трамп в своей речи обозначает важнейшую значимость американской нации в мире, вспоминая трудные для государства времена и заслуги прошлого перед другими странами, а также призывает к единству и сплочению, оперируя категорией экспрессивности, которая нашла отражение в ряде языковых средств, передающих значение с отрицательной коннотацией «испорченный» или «лишенный чего-либо». Таким образом, у аудитории происходит активизация связи концепта разобщенности с оставленным в беде, нищете и одиночестве:

Mothers and children *trapped* in poverty in our inner cities, *rusted out* factories, *scattered* like tombstones across the across the landscape of our nation, an education system *flush* with cash, but which *leaves* our young and beautiful students *deprived* of all knowledge, and the crime, and the gangs, and the drugs that have *stolen* too many lives and *robbed* our country of so much *unrealized* potential.

И чтобы достичь высот и поставленных целей, необходимо объединяться, работать вместе и любить Америку. Данное знание представлено с помощью хеджирования, что позволяет приравнять проблемы социума к трудностям правительства, а также благодаря оценочной категории, которая подчеркивает блестящий результат, возможный только после объединения:

We are one nation and their pain is *our* pain. Their dreams are *our* dreams and their success will be *our* success. We share one heart, one home, and one *glorious* destiny.

Знания о единстве и сплочении тесно связаны с концептом патриотизма. Также свобода, единство и равенство являются основными ценностями социума и принимают форму абстрактных сущностей, знания о которых не вербализуются напрямую в речи, но красной нитью проходят через всё инаугурационное обращение и активизируются с помощью вышеупомянутых модусных категорий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Попытка рассмотрения специфики отбора языковых средств не прямой коммуникации в единстве структурно-семантического и когнитивно-дискурсивного аспектов в инаугурационном обращении 45-го президента-республиканца США Д. Трампа позволила определить смысловые узлы, «ответственные» за транслирование содержания, имеющего культурную ценность в американском социуме.

Изученный нами материал демонстрирует, что

- инаугурационная речь представляет собой политическое действие, ритуал и является

важнейшим жанром американского политического дискурса со своей регламентированной структурой;

- как идеологическая основа для формирования имиджа вступающего в должность президента инаугурационная речь представляет вербализацию национального сознания за счет активации концептов знания;

- анализ языковых средств не прямой коммуникации и модусных категорий (отрицание, оценочные категории, экспрессивность и др.) позволил проследить ключевые ценности американского социума, например, индивидуализм, патриотизм;

- тексты президентских обращений целесообразно рассматривать в пространстве американского социума с точки зрения выполнения ими функций не только в сообществе языковом, но также социальном и политическом контексте.

Проведенный анализ языковых средств не прямой коммуникации показал, что для понимания текстов политического дискурса сегодня увеличивается спрос на формирование и развитие соответствующих компетенций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Швейцер А. Д. Американская социоллингвистика: теория этнографии // Этнология в США и Канаде. М. : Наука, 1989.
2. Сескутова И. К. Национально-культурная специфика семантики американизмов-реалий социальной жизни США: дис. ... канд. филол. наук. М., 1993.
3. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000.
4. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М. : Гнозис, 2006.
5. Дементьев В. В. Основы теории не прямой коммуникации: дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2001.
6. Dijk T. A. van. What is Political Discourse Analysis? // Belgian Journal of Linguistics. Political Linguistics. Amsterdam, 1997. P. 11–52.
7. Шейгал Е. И. Инаугурационное обращение как жанр политического дискурса // Жанры речи. 2002. № 3. С. 205–214.
8. Болдырев Н. Н. Репрезентация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 17–27.
9. Кубрякова Е. С., Ирисханова О. К. Языковое абстрагирование в наименованиях категорий // Известия РАН. Серия «Литература и язык». 2007. № 2. Т. 6. С. 3–12.

REFERENCES

1. Shvejcer, A. D. (1989). Amerikanskaya sociolingvistika: teoriya etnografii = American Sociolinguistics: Theory of Ethnography. Etnologiya v SSHA i Kanade. Moscow: Nauka. (In Russ.)
2. Seskutova, I. K. (1993). Nacional'no-kul'turnaya specifika semantiki amerikanizmov-realiy social'noj zhizni SSHA = National-cultural specifics of the semantics of Americanisms-realia of social life in the USA: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
3. Sheigal, E. I. (2000). Semiotika politicheskogo diskursa = Semiotics of political discourse: Senior Doctorate Doctoral Dissertation in Philology. Volgograd. (In Russ.)
4. Dementev, V. V. (2006). Nepryamaya kommunikatsiya = Indirect communication. Moscow: Gnozis. (In Russ.)
5. Dementev, V. V. (2001). Osnovy nepryamoi kommunikatsii = Basic principles of indirect communication: Senior Doctorate in Philology. Saratov. (In Russ.)

6. Dijk, T.A. van. What is Political Discourse Analysis? *Belgian Journal of Linguistics. Political Linguistics* (pp. 11–52). Amsterdam, 1997.
7. Sheigal, E. I. (2002). Inauguratsionnoe obrascchenie kak zhanr politicheskogo diskursa = Inaugural address as a genre of political discourse. *Zhanry rechi*, 3, 205–214. (In Russ.)
8. Boldyrev, N. N. (2007). Representatsiya znaniy v sisteme yazyka = Knowledge representation in the system of language. *Issues of Cognitive Linguistics*, 4, 17–27. (In Russ.)
9. Kubryakova, E. S., Iriskhanova, O. K. (2007). Abstract nouns in the cognitive construal of the word. *Institution of Science Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences*, 2(6), 3–12. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сескутова Ирина Константиновна

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры стилистики английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

Устьянцева Анастасия Евгеньевна

аспирант кафедры стилистики английского языка,
преподаватель кафедры второго иностранного языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Seskutova Irina Konstantinovna

PhD (Philology), Associate Professor,
Associate Professor at the Department of English Stylistics,
Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University

Ustyantseva Anastasia Evgenievna

PhD Student at the Department of English Stylistics,
Lecturer at the Department of the Second Foreign Language,
Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 16.05.2022 одобрена после рецензирования 15.06.2022 принята к публикации 11.07.2022	The article was submitted 16.05.2022 approved after reviewing 15.06.2022 accepted for publication 11.07.2022
---	--

Научная статья

УДК 81.42; 811.11

DOI 10.52070/2542-2197_2022_8_863_105

Особенности создания и взаимодействия юмористического и лакриматорного эффектов в киножанре англоязычной трагикомедии

В. Л. Соколова^{1,2}

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, sokolova_mglu@mail.ru

²Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются два противоположных по воздействию дискурсивных эффекта – юмористический и лакриматорный. Последний характеризуется автором как дискурсивный эффект, приносящий зрителю катартическое облегчение. В исследовании рассматриваются психоэмоциональные основания и механизмы реализации юмористического и лакриматорного эффектов в англоязычных трагикомедиях и делаются выводы о сходствах, отличиях и возможностях взаимодействия рассматриваемых эффектов в исследуемом жанре.

Ключевые слова: юмористический эффект, лакриматорный эффект, эмоциональная лакримация, дискурсивное программирование, коммуникативное программирование, эмпатия, катарсис, антиципации, эмоциональная синхронизация, англоязычная трагикомедия

Для цитирования: Соколова В. Л. Особенности создания и взаимодействия юмористического и лакриматорного эффектов в киножанре англоязычной трагикомедии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 8 (863). С. 105–112. DOI 10.52070/2542-2197_2022_8_863_105

Original article

Specifics of Creation and Interaction of the Humorous and the Lacratory Effects in English Language Cinematic Tragicomedy

Vera L. Sokolova^{1,2}

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, sokolova_mglu@mail.ru

²Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. The article is dedicated to two opposite discursive effects: the humorous and the lacrimatory ones. The author defines the latter as a cathartic appeal to the audience's emotions. The research addresses the psychoemotional foundations and the discursive mechanisms of evoking laughter or tears from the audience. The conclusion contains the findings about the differences, the shared features and the interaction of the above discursive effects in English tragicomic films.

Keywords: humorous effect, lacrimatory effect, emotional lacrimation, discursive programming, communicative programming, empathy, catharsis, anticipations, emotional synchronization, English language tragicomedy

For citation: Sokolova, V. L. (2022). Specifics of creation and interaction of the humorous and the lacrimatory effects in English language cinematic tragicomedy. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(863), 105–112. 10.52070/2542-2197_2022_8_863_105

ВВЕДЕНИЕ

Начнем наше исследование с вопроса: какие цели преследует читатель или зритель, когда выбирает ту или иную книгу или фильм? Очевидно, что в случае выбора художественного произведения, цели у него идут далеко за пределы ознакомления с сюжетом. Среди этих целей – утоление эмоционального голода и, возможно даже, переживание эмоционального катарсиса. Тем не менее среди наиболее популярных для рассмотрения дискурсивных эффектов, оказывающих влияние на эмоции читателя, остается эффект юмористический. Как резонно отмечает отечественный антрополог А. Г. Козинцев, смех как явление культуры не теряет своей привлекательности для исследователей, значительно опережая другие проявления эмоций [Козинцев, 2010].

Действительно ли смех является основным эмоциональным мотиватором современного читателя или зрителя? Ни в коей мере не умаляя достижений в области изучения юмористического эффекта (который мы затронем в своем исследовании), обратимся к дискурсивному эффекту, являющемуся антиподом юмористического. Этот дискурсивный эффект мы назвали лакриматорным.

Термины «лакримация» и «лакриматор» (лат. *lacrima* – слеза [Шолле, 2002]) – *слезотечение* – не являются в науке новыми. Термин «лакримация» давно используется в военной токсикологии [Эрдниев и др., 2018], медицине [Higashihara et al., 2004], психологии [Vingerhoets et al., 1997]. Психологи и физиологи выделяют термин «emotional lacrimation» («эмоциональная лакримация») для обозначения процесса слезотечения в связи с эмоциональным стрессом [Vingerhoets et al., 1997; Wassiliwizky et al., 2017]. Этот эмоциональный стресс может быть вызван не только драматичными жизненными событиями, но и сюжетом художественного произведения [Wassiliwizky et al., 2017]. При этом, что сама лакримация (слезотечение) может быть субъективной реакцией, зависящей от психоэмоционального статуса реципиента информации, и, как ни парадоксально, не является обязательной чертой лакриматорного эффекта.

В связи с исходными положениями рассмотрим подробнее юмористический и лакриматорный дискурсивные эффекты.

ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ, МОТИВАЦИОННАЯ ОСНОВА, ОСНОВНЫЕ ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ЮМОРИСТИЧЕСКОГО И ЛАКРИМАТОРНОГО ЭФФЕКТОВ

Для полноты картины предлагаем рассмотреть два типа психоэмоциональных оснований

рассматриваемых эффектов. Первый тип будет связан с источником происхождения этого эффекта, а второй тип – с его направленностью на реципиента информации или от него.

Начнем с источника происхождения. Наиболее релевантной нам здесь представляется так называемая теория нелепости (The Incongruity Theory), в соответствии с которой юмор основан на обмане (обычно логических, а не эмоциональных) ожиданий реципиента [Martin, Ford, 2018], на намеренном нарушении ожидаемого порядка действий, что и вызывает бурную эмоциональную реакцию реципиента информации, часто сопровождаемую смехом.

Что касается лакриматорного эффекта, то, по нашим наблюдениям, он тоже основан на обмане антиципаций реципиента. Но антиципации эти эмоциональные, поскольку лакриматорный эффект часто наступает в результате стресса, аффекта или фрустрации реципиента. При этом мы принимаем определение фрустрации как состояние переживания человеком утраты, неудачи или крушения надежд [Давлетчина, 2006].

Таким образом, предполагаем, что и лакриматорный, и юмористический эффекты имеют сходные психоэмоциональные основы – нарушение антиципаций реципиента, но только в случае с юмористическим эффектом это логические антиципации, а в случае с лакриматорным эффектом – эмоциональные.

Применительно к направленности эффекта, полагаем, что можно говорить о направленности юмористического эффекта на реципиента информации (прочитав или услышав шутку, он может испытать интеллектуальную радость от ее понимания, чувство превосходства перед незадачливым персонажем шутки [Martin, Ford, 2018]). Лакриматорный эффект, как представляется, направлен от реципиента информации, на объект, вызывающий его эмпатию (персонажа книги, фильма, сюжета СМИ), и этим принципиально отличается от своего юмористического «собрата».

Что касается мотивационной основы обоих эффектов, то в целом ее можно отнести к категории *relief* – *облегчение*, но разница будет в том, что в случае с юмористическим эффектом это будет *comic relief* (букв. 'комическое облегчение') [Martin, Ford, 2018], снятие эмоционального напряжения благодаря положительным эмоциям, а в случае с лакриматорным эффектом – катартическое облегчение, наступающее в результате катарсиса, определяемого как душевное облегчение, приходящее к реципиенту после переживания стресса, аффекта или фрустрации [Терминологический словарь карьеры, 2014] в ходе чтения художественной литературы, просмотра фильма и т. п.

Основным физиологическим проявлением юмористического эффекта, как отмечалось выше, является смех, а лакриматорного – по определению – слезы (наличие которых зависит от психоэмоционального статуса реципиента). Здесь возможно возражение, что смех также может сопровождаться слезами. Не рассматривая все возможные случаи, отметим, что слезы, вызванные стрессом, по наблюдению исследователей, отличаются от слез, вызванных смехом. От смеха слезы нередко «выдавливаются» благодаря сокращению мышц слезных желез [Lee, 1990], в то время как слезы, вызванные стрессом, провоцируются целым рядом нейропсихических и гормональных процессов [Bylsma, Gračanin, Vingerhoets, 2019].

КОГНИТИВНЫЕ И ДИСКУРСИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ АКТУАЛИЗАЦИИ ЛАКРИМАТОРНОГО И ЮМОРИСТИЧЕСКОГО ЭФФЕКТОВ

Когнитивная природа юмористического эффекта была описана еще в 1980 году Марвином Минским, который рассматривал ее с позиции теории фреймов. Исходя из своего понимания фрейма как устойчивой структуры представления знаний о предмете, соединяющемся своими элементами – терминалами – с другими фреймами, Марвин Минский рассматривал юмористический эффект как неожиданную замену одного фрейма на другой [Minsky, 1980]. Например, в шутке «What do you call bears with no ears?» «В»¹ сначала актуализуется фрейм BEAR, обозначающий животное (*медведь*) и реализация лексической единицы ears (*уши*) становится автоматически терминалом к первоначально введенному фрейму BEAR. Тем не менее в ответной реплике шутки, происходит замена фрейма BEAR на фрейм LETTER OF THE ALPHABET (B), что и вызывает юмористический эффект.

При создании лакриматорного эффекта происходит, по нашим наблюдениям, сначала актуализация фреймов, соотносимых с аксиологической системой реципиента и формирующих у читателя или зрителя эмпатическое отношение к персонажу книги или фильма (например, фреймов LOVE, PURITY, JUSTICE), а потом фреймов, указывающих на трагическое событие, которое с этим персонажем должно произойти или происходит (DEATH, DISEASE, PAIN).

Исходя из вышеизложенного, полагаем, что в основе реализации и юмористического, и лакриматорного эффектов лежит механизм дискурсивного программирования. Мы понимаем

этот механизм как предопределение одних элементов дискурса другими [Соколова, 2021].

На данный момент нами отмечается три способа дискурсивного программирования рассматриваемых эффектов:

- 1) дискурсивное программирование, основанное на не оправдании коммуникативных антиципаций;
- 2) дискурсивное программирование фрейма состояния, вызывающего эмоцию;
- 3) синхронизирующее дискурсивное программирование.

В первом случае – дискурсивное программирование, основанное на не оправдании коммуникативных антиципаций – юмористический эффект программируется путем установления соответствующих дискурсивных антиципаций реципиента, которые впоследствии не оправдываются, а лакриматорный эффект программируется в трех направлениях – с помощью *прямого*, *обратного* и *параллельного* дискурсивного программирования. При прямом дискурсивном программировании сначала программируется эмпатическое отношение к персонажу, а потом – трагическое событие, которое с ним должно произойти, при обратном сначала дискурсивно программируется трагическое событие (например, заголовком в источнике СМИ), а потом создается эмпатическое отношение к персонажу, а при параллельном дискурсивном программировании эти процессы происходят одновременно.

При дискурсивном программировании фрейма состояния, вызывающего эмоцию, происходит дискурсивное программирование нейрофизиологического состояния реципиента с помощью аудиовизуальных компонентов, включенных в полимодальный дискурс. В частности, использование низкочастотных звуков, способствует выработке гормона стресса – кортизола (повышенная выработка кортизола под воздействием низких частот отмечалась, например, в исследовании португальских ученых [Alves, Silva, Remoaldo, 2018]), а неожиданные изменения в звуковом ряде приводят к возбуждению вегетативной нервной системы [Harrison, Loui, 2014], что в свою очередь, может способствовать созданию лакриматорного эффекта.

Синхронизирующее дискурсивное программирование связано с актуализацией фрейма проявления эмоции (смех, плач и т. п.) для синхронизации с целевой аудиторией [Hatfield, Cacioppo, Rapson, 1994]. Данная стратегия также применима прежде всего при использовании аудио- и видеоряда, поскольку предполагает смех или плач либо за кадром, либо со стороны участников действия.

¹50 Funny Short Jokes That Guarantee a Laugh. <https://bestlifeonline.com/funny-short-jokes/>

Рассмотрим, как юмористический и лакриматорный эффекты создаются и взаимодействуют в англоязычной трагикомедии.

МАТЕРИАЛ И ОРГАНИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для исследования были использованы видеоматериалы двух англоязычных трагикомедий: «One Flew Over the Cuckoo's Nest» («Полет над гнездом кукушки») Милоша Формана (1975) и «50 / 50» («Жизнь прекрасна») Джонатана Ливайна (2011), общей продолжительностью 233 минуты.

В ходе дискурсивного анализа рассматриваемых эффектов исследование было разделено на три части: 1) дискурсивное программирование, основанное на не оправдании коммуникативных антиципаций; 2) дискурсивное программирование фрейма состояния, вызывающего эмоцию (для аппаратных измерений использовалось мобильное приложение Arduino Science Journal); 3) синхронизирующее дискурсивное программирование.

ДИСКУРСИВНОЕ ПРОГРАММИРОВАНИЕ, ОСНОВАННОЕ НА НЕ ОПРАВДАНИИ КОММУНИКАТИВНЫХ АНТИЦИПАЦИЙ

Ярким примером дискурсивного программирования юмористического эффекта, основанного на не оправдании коммуникативных антиципаций, в трагикомедии «50 / 50» является диалог пациента с молодой девушкой-стажером, на лечение к которой он попадает в рамках курса психотерапии для онкопациентов. Здесь намеренно нарушено дискурсивное программирование в реализации фрейма DOCTOR-PATIENT INTERACTION и подтерминал *asking questions* отнесен не к терминалу *doctor*, а к терминалу *patient* (пациент, например, задает вопрос о возрасте врача «Sorry... If you don't mind... How old are you?» и последующие вопросы о ее профессиональном опыте). Нарушение дискурсивного программирования в рассматриваемом фрейме и вызывает юмористический эффект. Аналогичным образом имеет место не оправдание дискурсивного программирования относительно таких фреймов, как GETTING A DOG, где терминал *to buy a puppy* заменяется на *to get an old, bony dog from the shelter* и GREETING, где терминал *Introducing oneself* заменяется на *Telling others about their health condition* («I have cancer»).

Примечательно, что в рассмотренном нами материале отмечается один случай создания юмористического эффекта с использованием техники создания лакриматорного эффекта. Это один

из финальных эпизодов трагикомедии «50 / 50», когда на фоне ранее сформированной эмпатии к главному герою осуществляется дискурсивное программирование трагического события, которое может с ним произойти: через терминалы *unforeseen complications* и *removing parts of tissues and organs* актуализуется фрейм PROBLEMATIC SURGERY, который устанавливает соответствующие коммуникативные антиципации зрителя на актуализацию фрейма DEATH, однако вместо фрейма DEATH или его терминалов активируется терминал *long recovery* фрейма SUCCESSFUL SURGERY (*It's not gonna be an easy road back, but... he's gonna be ok*), что своим не оправданием сформированных ранее коммуникативных ожиданий вызывает юмористический эффект.

Что касается дискурсивного программирования лакриматорного эффекта, то в рассмотренном материале в процессе не оправдания коммуникативных антиципаций зрителя было отмечено только одно направление дискурсивного программирования – прямое. В «One Flew Over the Cuckoo's Nest» и в «50 / 50» наблюдались случаи прямого дискурсивного программирования лакриматорного эффекта, когда сначала дискурсивно программируется эмпатическое отношение читателя к персонажу, а затем актуализуется фрейм трагического события, которое должно или может с ним произойти.

Наиболее явные случаи прямого дискурсивного программирования лакриматорного эффекта в трагикомедии «One Flew Over the Cuckoo's Nest» наблюдаются применительно к его главному герою – Рэндлу Макмёрфи. Примечательно, что эмпатия к этому персонажу формируется как через терминалы фреймов, отражающих общечеловеческие ценности (JUSTICE и FREEDOM), так и через юмористический эффект, когда, например, нарушается дискурсивное программирование, устанавливаемое фреймом BASKETBALL, и благодаря Рэндлу Макмёрфи вместо терминала *tall player* актуализуется терминал *player sitting on someone else's shoulders*. Впоследствии дискурсивное программирование фрейма трагического события с Рэндлом Макмёрфи (DEATH) осуществляется с помощью видеоряда, актуализующего терминалы *lobotomy*, *strangulation*, *suffocation* в одной из финальных сцен фильма, что не оправдывает позитивные эмоциональные антиципации зрителя, сформированные ранее эмпатическим дискурсивным программированием применительно к данному персонажу.

Случай прямого дискурсивного программирования наблюдается и в отношении к одному из второстепенных персонажей трагикомедии «50 / 50», товарищу главного героя по химиотерапии по

им. Митч. Эмпатическое дискурсивное программирование применительно к этому персонажу актуализуется с помощью таких фреймов, соотносимых с общечеловеческой системой ценностей, как HAVING A GOOD SENSE OF HUMOUR и LOVING LIFE, через терминалы *telling jokes, laughing, loving one's wife*, реализуемые через диалог и видеоряд. Через три минуты экранного времени, после реализации эмпатического дискурсивного программирования, актуализуется фрейм трагического события DEATH через его терминал *to die (He died last night.)*, который резко нарушает ранее созданные позитивные эмпатические антиципации зрителя относительно этого персонажа и может стать источником лакриматорного эффекта или эмоционального потрясения, не сопровождающегося лакримацией.

Примечательно, что и в «One Flew Over the Cuckoo's Nest» и в «50 / 50» имеются случаи создания эмпатического отношения к персонажу с использованием культурных концептов, которые изначально («по умолчанию») порождают эмпатию.

В «50 / 50» эмпатию «по умолчанию» вызывает главный герой фильма Эдам Лернер. Это 27-летний, достаточно привлекательный внешне молодой человек, ведущий здоровый образ жизни, принадлежащий к американскому среднему классу, доброжелательный к окружающим и не имеющий резко порицаемых особенностей характера или привычек. Таким образом применительно к главному герою актуализуются такие фреймы, как MILD-MANNERED, DECENT, HAVING A HEALTHY LIFESTYLE, GOOD-LOOKING. Примечательно, что фрейм GOOD-LOOKING, входящий в систему ценностей в американской культуре, традиционно не входит в соответствующую систему ценностей в русскоязычной культуре. Реализуемые через видеоряд фреймовые структуры применительно к главному герою актуализуют эмпатическое дискурсивное программирование в течение первых двух минут от начала фильма. В целом можно предположить, что с главным героем могла бы отождествить себя значительная часть целевой аудитории трагикомедии «50 / 50».

В трагикомедии «One Flew Over the Cuckoo's Nest» эмпатию «по умолчанию» вызывает один из второстепенных персонажей – наивный, заикающийся молодой человек Билли Биббит. С первых секунд появления Билли в кадре эмпатическое отношение к нему программируется с помощью таких фреймов, как NAÏVE, HELPLESS, INNOCENT-LOOKING, PATHETIC. На протяжении всего действия фильма к этим фреймам добавляются и другие, отражающие общечеловеческие ценности, например, APPRECIATING JUSTICE, дополняя эмпатическое дискурсивное программирование применительно к Билли. Тем трагичнее становится

для зрителя его гибель в заключительной части фильма, когда фрейм SUICIDE актуализуется через видеоряд, представляющий Билли лежащим на полу с перерезанной сонной артерией.

ДИСКУРСИВНОЕ ПРОГРАММИРОВАНИЕ ФРЕЙМА СОСТОЯНИЯ, ВЫЗЫВАЮЩЕГО ЭМОЦИЮ

Полагаем, что, помимо дискурсивного программирования фреймов эмоциональных состояний, связанных как с юмористическим, так с лакриматорным эффектами, в полимодальном дискурсе, включающем в себя не только вербальную составляющую, но и аудио- и видеоряд, важную роль играет дискурсивное программирование фреймов состояний, вызывающих ту или иную эмоцию.

В рассмотренном материале не отмечалось дискурсивного программирования психосоматических состояний, так или иначе связанных с юмористическим эффектом, однако при создании лакриматорного эффекта отмечалось использование звуков, приближающихся к низким частотам и резкие изменения в силе и частоте звука.

Звуки, приближающиеся к низким частотам (200 Гц), наблюдались в фильме «50 / 50», перед сценой хирургической операции, которая предстояла главному герою. По наблюдению исследователей, использование звуков низких частот способствует выработке гормона стресса – кортизола [Alves, Silva, Remoaldo, 2018] и соответственно создает для аудитории предпосылки формирования тревожного состояния, актуализующего фрейм PENDING DISASTER.

Резкие изменения в частоте звука (от 0 до 2571,7 Гц) были отмечены в аудиотреке фильма «One Flew Over the Cuckoo's Nest» в течение первых минут ленты и в заключительной сцене убийства главного героя, способствуя актуализации для аудитории фрейма ANXIETY, поскольку отмечается, что подобные звуковые эффекты ведут к нарастающему беспокойству реципиента [Harrison, Loui, 2014].

СИНХРОНИЗИРУЮЩЕЕ ДИСКУРСИВНОЕ ПРОГРАММИРОВАНИЕ

В рассмотренном материале синхронизирующее дискурсивное программирование, способствующее созданию эмоциональной конвергенции между персонажами фильма и зрителями, отмечается прежде всего для обращения к эмоциональной сфере аудитории при актуализации фрейма PENDING TRAGEDY, когда главный герой дает волю своим эмоциям и не может сдержать слез в момент расставания с матерью.

Синхронизирующего юмористического дискурсивного программирования ни в одной из двух рассмотренных трагикомедий не отмечалось, несмотря на то что закадровый смех по сей день считается популярным и действенным кинематографическим приемом [Hogeback, URL].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы по поводу создания и взаимодействия юмористического и лакриматорного эффектов в киножанре англоязычной трагикомедии:

1) юмористический и лакриматорный эффекты в рассмотренном материале достигаются сходными дискурсивными способами, связанными с не оправданием ранее дискурсивно-запрограммированных антиципаций, но в случае юмористического эффекта эти антиципации носят логический характер, а в случае лакриматорного эффекта – эмоциональный;

2) в трагикомическом дискурсе рассматриваемые эффекты могут выступать во взаимодействии,

когда юмористический эффект используется для формирования у зрителя эмпатии, а технология создания лакриматорного эффекта применяется для достижения эффекта юмористического;

3) в рассмотренном материале дискурсивное программирование фрейма состояния, вызывающего эмоцию, отмечалось только для создания лакриматорного эффекта. Использование подобного рода стратегии для создания юмористического эффекта в рассматриваемом жанре кинодискурса требует дальнейших исследований;

4) в материале исследования синхронизирующее дискурсивное программирование отмечено только применительно к созданию лакриматорного эффекта, однако его использование для создания юмористического эффекта представляется также вполне обоснованным.

Таким образом, исследование показало, что в англоязычных трагикомедиях юмористический и лакриматорный эффекты достигаются с помощью сходных дискурсивных механизмов, в ряде случаев усиливают действие друг друга, но в то же время имеют отличия по механизмам и особенностям реализации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Козинцев А. Г. Феномен «смех-плач»: о различии сходного // Антропологический форум. 2010. № S13. С. 117–124.
2. Шолле В. Д. Естествознание: энциклопедический словарь. М. : Большая Российская энциклопедия, 2002.
3. Эрдниев Л. П. [и др.]. Динамика показателей внешнего дыхания и поведенческой активности белых крыс при воздействии вещества типа CS / Л. П. Эрдниев, Д. В. Горбунов, Я. А. Степанов, Е. Ю. Андреева, Л. В. Горбунова, И. В. Мокшанов // Токсикологический вестник. 2018. № 2 (149). С. 13–17.
4. Higashihara H. [et al.]. Effect of Lachrymatory Factor from Onion on Human Tear Secretion // Investigative Ophthalmology & Visual Science. 2004. № 13. Vol. 45. URL: <https://iovs.arvojournals.org/article.aspx?articleid=2409430>
5. Vingerhoets A. J. J. M. [et al.]. The psychological context of crying episodes: Towards a model of adult crying // The (non)expression of emotions in health and disease. Tilburg University Press, 1997. P. 323–336.
6. Wassiliwizky E. [et al.]. Tears Falling on Goosebumps: Co-occurrence of Emotional Lacrimation and Emotional Piloerection Indicates a Psychophysiological Climax in Emotional Arousal // Frontiers in psychology. 2017. Article 41. Vol. 8. P. 1–14.
7. Martin R., Ford T. The psychology of humor: An integrative approach. Academic Press, 2018.
8. Давлетчина С. Б. Словарь по конфликтологии. Улан-Удэ : ВСГТУ, 2005.
9. Терминологический словарь карьеры / гл. ред. Е. П. Ильясова. М. : МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2014.
10. Lee B. S. Humor relations for nurse managers // Nursing Management. 1990. № 5. Vol. 21. P. 86–93.
11. Bylsma L.M., Gračanin A., Vingerhoets A.J.J.M. The neurobiology of human crying // Clinical Autonomic Research. 2019. №.1. Vol. 29. P. 63–73.
12. Minsky M. Jokes and the Logic of the Cognitive Unconscious. Cognitive Constraints on Communication. Synthese Language Library (Studies in Linguistics and Philosophy). Dordrecht: Springer. 1980. Vol. 18. URL: https://doi.org/10.1007/978-94-010-9188-6_10

13. Соколова В. Л. Механизм дискурсивного программирования и его лингвокультурный потенциал в англоязычном дискурсе СМИ // Язык. Культура. Общество. Актуальные вопросы, методы исследования и проблемы преподавания: сб. научных статей. М. : Квант Медиа, 2021. С. 136–146.
14. Alves J. A., Silva L. T., Remoaldo P. C. Impacts of low frequency noise exposure on well-being: a case-study from Portugal // *Noise & health*. 2018. Vol. 20. No. 95, P. 131–145. https://doi.org/10.4103/nah.NAH_64_17
15. Harrison L., Loui P. Thrills, chills, frissons, and skin orgasms: toward an integrative model of transcendent psychophysiological experiences in music // *Frontiers in Psychology*. 2014. Vol. 5. No. 790. doi:10.3389/fpsyg.2014.00790.
16. Hatfield, E., Cacioppo, J. T., & Rapson, R. L. *Emotional contagion*. Cambridge University Press; Editions de la Maison des Sciences de l'Homme. 1994. URL: <https://psycnet.apa.org/record/1994-97007-000>
17. Hogeback J. Why Do Television Shows Use Laugh Tracks? *Encyclopedia Britannica*. <https://www.britannica.com/story/why-do-television-shows-use-laugh-tracks>

REFERENCES

1. Kozintsev, A. G. (2010). The phenomenon of laughter crying: on the distinction of the similar. *Anthropological Forum*, 5(13), 117–124. (In Russ.)
2. Sholle, V. D. (2002). *Estestvoznaniye: jenciklopedicheskiy slovar'* = Nature Study. Encyclopedic Dictionary. Moscow: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija Publishers. (In Russ.)
3. Erdinev, L. P. et al. (2018). Dynamics of indexes of external breath and behavior activities of white rats when exposed to a substance of the CS type. *Bulletin of Toxicology. Institute of Toxicology, Federal Medical Biological Agency*, 2(149), 13–17. (In Russ.)
4. Higashihara, H. et al. (2004). Effect of Lachrymatory Factor from Onion on Human Tear Secretion. *Investigative Ophthalmology & Visual Science*, 13(45). <https://iovs.arvojournals.org/article.aspx?articleid=2409430>
5. Vingerhoets, A. J. J. M. et al. (1997). The psychological context of crying episodes: Towards a model of adult crying. *The (non)expression of emotions in health and disease* (pp. 323–336). Tilburg University Press.
6. Wassiliwizky, E. et al. (2017). Tears Falling on Goosebumps: Co-occurrence of Emotional Lacrimation and Emotional Piloerection Indicates a Psychophysiological Climax in Emotional Arousal. *Frontiers in psychology*, 8(41), 1–14.
7. Martin, R., Ford, T. (2018). *The psychology of humor: An integrative approach*. Academic Press.
8. Davletchina, S. B. (2005). *Slovar' po conflictologii* = The Conflict Studies Dictionary. Ulan-Ude: East Siberian State Technological University. (In Russ.)
9. Ilyasov, E. P. (Ed.). (2014). *Terminologicheski slovar' kar'ery* = Terminological career dictionary. Moscow: Bauman Moscow State Technical University Publishers. (In Russ.)
10. Lee, B. S. (1990). Humor relations for nurse managers. *Nursing Management*, 21(5), 86–93.
11. Bylsma, L. M., Gračanin, A., Vingerhoets, A. J. J. M. (2019). The neurobiology of human crying. *Clinical Autonomic Research*, 29(1), 63–73.
12. Minsky, M. (1980). Jokes and the Logic of the Cognitive Unconscious. *Cognitive Constraints on Communication. Synthese Language Library (Studies in Linguistics and Philosophy)*, 18. https://doi.org/10.1007/978-94-010-9188-6_10. Dordrecht: Springer.
13. Sokolova, V. L. (2021). The Mechanism of Discursive Programming and its linguocultural potential in English Language Mass Media Discourse. *Yazyk. Kultura. Obshchestvo. Aktualnye voprosy, metody issledovaniya i problem prepodavaniya* = Language. Culture. Society. Topical issues, methods of research and challenges of teaching (pp. 136–146). Moscow: Kvant Media Publishers. (In Russ.)
14. Alves, J. A., Silva, L. T., Remoaldo, P. C. (2018). Impacts of low frequency noise exposure on well-being: a case-study from Portugal. *Noise & health*, 20(95), 131–145. https://doi.org/10.4103/nah.NAH_64_17
15. Harrison, L., Loui, P. (2014). Thrills, chills, frissons, and skin orgasms: toward an integrative model of transcendent psychophysiological experiences in music. *Frontiers in Psychology*, 5(790). doi:10.3389/fpsyg.2014.00790.
16. Hatfield, E., Cacioppo, J. T., & Rapson, R. L. (1994). *Emotional contagion*. Cambridge University Press; Editions de la Maison des Sciences de l'Homme. <https://psycnet.apa.org/record/1994-97007-000>
17. Hogeback J. Why Do Television Shows Use Laugh Tracks? *Encyclopedia Britannica*. <https://www.britannica.com/story/why-do-television-shows-use-laugh-tracks>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соколова Вера Леонидовна

кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета, доцент кафедры английского языка факультета международных отношений и международного права Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sokolova Vera Leonidovna

PhD (Philology), Assistant Professor, Department of English Stylistics, Faculty of English, Moscow State Linguistic University, Assistant Professor at the Department of English, Faculty of International Relations and International Law, Diplomatic Academy of the Russian Federation

---

Статья поступила в редакцию 19.05.2022	The article was submitted 19.05.2022
одобрена после рецензирования 14.06.2022	approved after reviewing 14.06.2022
принята к публикации 11.07.2022	accepted for publication 11.07.2022

Научная статья

УДК 81'42

DOI 10.52070/2542-2197_2022_8_863_113

Дискурсивные особенности репрезентации протестных действий в британских университетах (на материале британской прессы)

Н. Д. Токарева

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
tata2535@gmail.com*

Аннотация. Изучается отражение социальных изменений в газетном дискурсе посредством анализа статей о забастовках в британских университетах, выявивших противостояние руководства, выступающего в интересах правительства и частных банков за экономию в образовании, и сотрудников, борющихся за достойную заработную плату и пенсию. Анализ выявил идеологическое противостояние этих групп, отраженное в структурах статей, их лексическом наполнении и стилистических особенностях, повышающих экспрессивность текстов.

Ключевые слова: социальные группы, газетный дискурс, проблемы высшего образования, интертекстуальность, прагматическое воздействие

Для цитирования: Токарева Н. Д. Дискурсивные особенности репрезентации протестных действий в британских университетах (на материале британской прессы) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 8 (863). С. 113–118. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_8_863_113

Original article

Discursive Representation of Protest Actions at British Universities in the British Press

Nataliya D. Tokareva

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
tata2535@gmail.com*

Abstract. The article reviews the reflection of social changes in newspaper discourse by means of analysing articles about protests in British universities, which have revealed the confrontation of the university leadership, which in the interests of the government and private banks aims to cut expenses on higher education, and professors and staff fighting for adequate salaries and pensions. The analysis has shown ideological opposition between the two groups reflected in the article structures, their lexis and stylistic features making the texts expressive.

Keywords: social groups, newspaper discourse, problems of higher education, intertextuality, pragmatic impact

For citation: Tokareva, N. D. (2022). Discursive representations of protest actions at British Universities in the British press. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(863), 113–118. 10.52070/2542-2197_2022_8_863_113

ВВЕДЕНИЕ

Газетный дискурс отражает множество экстралингвистических факторов, среди которых важнейшими являются социальные и культурные особенности общества на определенном отрезке его развития. Под влиянием газетного дискурса формируется видение тех или иных событий у читателя. Вопросы, связанные с политикой, социологией, культурой, выдвигаются на первый план в коммуникативных актах между автором газетного дискурса и читателем. Таким образом, газетный дискурс, используя языковые средства, является отражением социальной действительности, и позиция автора дискурса в большинстве случаев влияет на то, как читатель воспринимает то или иное событие.

Язык и общество взаимодействуют по многим направлениям. Социолингвистика, изучающая язык как социальное поведение, рассматривает проблемы, связанные с их отражением в языке. Говоря о событиях, связанных с забастовками в британских университетах, нельзя не видеть связи между идеологиями, как на когнитивном, так и на социальном уровне. Идеология занимает активную позицию между когнитивными представлениями событий и процессами, которые лежат в основе действий социальных групп. По словам ван Дейка, члены этих групп разделяют оценочные представления (*evaluative beliefs*), которые находят свое выражение в социальном поведении [Dijk, 1997]. Эти группы исходят из общих социальных оценок. Идеологии организуют, направляют и в какой-то мере контролируют отношение групп к различным событиям в зависимости от своего понимания социальных ценностей. Таким образом, формируется единый взгляд на свою идентичность, цели, задачи. Поскольку речь идет о медийных статьях, то идеологии влияют и на выбор дискурсивных структур и на их наполнение. Можно сказать, что идеология управляет когнитивными процессами, дающими возможность осознать себя в социальной структуре общества. Дискурс, представленный в виде текстовых структур, отражает основополагающие идеологические принципы. Поверхностные структуры дискурса, отражающие его идеологическую направленность, прямо соотносятся с его прагматическими, семантическими и другими особенностями. Текст рассматривается как проявление социальных действий, которые определяются социальной структурой общества. По мнению Фэрклоу, Малдерриг и Водак, при том что властные структуры играют главную роль в определении динамики развития общества, язык может бросать вызов власти и способствовать изменениям во властных структурах [Fairclough, Mulderrig, Wodak, 2011]. По существу, язык может действовать как инструмент для изменений во властной политике.

В медийных текстах обсуждаются различные изменения в дискурсе. Они отражают разные идеологии, которые выступают за то, чтобы занять важную или преобладающую роль в жизни общества. Постоянная связь языка и социальных явлений обеспечивает включенность языка в социальную жизнь. Норман Фэрклоу утверждает, что язык СМИ может рассматриваться как платформа, на которой ведется борьба с властью, так как именно в медийных статьях достигается наибольшая прозрачность и убедительность противоборства властных структур с представителями социальных слоев. Язык регистрирует социальные изменения, происходящие в жизни общества, которые ученый называет «моментами социальной жизни» и отражает их в дискурсе. Он определяет цель анализа как выявление лингвистических и других особенностей текста, которые отражают социальные изменения. Фэрклаф выделяет в анализ так называемый интердискурсивный анализ. Под этим термином имеется в виду рассмотрение разных дискурсов на уровне социальных текстов [Fairclough, 1997]. Поскольку данная статья рассматривает высшее образование, то пример, который он приводит, говоря о совмещении дискурсов в рассмотрении проблем высшего образования и рынка, рыночных отношений (*Marketization and Higher Education*), приобретает особую значимость.

Таким образом, язык с точки зрения его внутренних структур развивается исключительно в тесном взаимодействии с социальными явлениями. Происходит некоторым образом слияние языковых и общественных явлений, их синтезирование.

ОТРАЖЕНИЕ ПРОТЕСТНЫХ ДЕЙСТВИЙ В БРИТАНСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ НА СТРАНИЦАХ БРИТАНСКОЙ ПРЕССЫ

На протяжении ряда лет, начиная с 2018 г., в британских университетах проходили забастовки преподавателей и сотрудников университетов, касающиеся таких важнейших вопросов, как оплата труда, объем педагогической нагрузки, сроки контрактов и уровень зарплаты. В противостоянии между администрацией университетов и профсоюзом в феврале 2018 г. приняли участие 64 университета. Забастовка длилась 14 дней. Это была самая продолжительная забастовка в сфере высшего образования. В ней приняли участие 42 тыс. преподавателей и служащих университетов. Студенты поддержали бастующих в целом ряде университетов, и более 126 тыс. студентов подписали петицию о возмещении платы за пропущенные занятия. Забастовка увенчалась некоторым успехом. Так, были сделаны уступки в виде

сохранения пенсий с установленными выплатами с учетом ежегодной инфляции. В последующие годы забастовки проходили регулярно, вовлекая всё большее число профсоюзов преподавателей и студентов. Что же послужило причиной этих масштабных забастовок? Главной причиной называется коммерциализация высшего образования, когда образование превращается из общественной необходимости в товар, предмет потребления.

Протестные действия, которые охватили всю Великобританию, являются, по мнению целого ряда наблюдателей, результатом того, что принято называть «десятилетием коммерциализации высшего образования в стране». В 2010 году в области высшего образования произошли серьезные изменения. Прямые инвестиции в высшее образование со стороны правительства прекратились, вследствие чего университеты стали полностью зависимыми от постоянно колеблющегося и непредсказуемого притока средств, поступающих непосредственно от платы за обучение, вносимой студентами.

Значительно пострадал сектор высшего образования в области гуманитарных наук, причем в ряде университетов факультеты, готовящие специалистов в области политических наук и истории были исключены из системы образования. Реформа 2010 года привела к сокращению числа преподавателей и к контрактам, которые предусматривают сокращенные сроки пребывания в должности. Вследствие этой реформы возникла новая плеяда менеджеров в область высшего образования, которые видят свою роль в «модернизации» образования. Это заключается прежде всего в сокращении расходов. Наряду с сокращением числа преподавателей из направлений подготовки специалистов в университетах исключены факультеты английского языка и программы по подготовке административного состава (например, в университете Goldsmiths). Ключевую роль в этом процессе коммерциализации образования играют банки (например Lloyds, NatWest), которые настаивают на сокращении оплаты персоналу как условия займов, которые они предоставляют университетам как общественным организациям.

СТРУКТУРНЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСА В МЕДИЙНЫХ СТАТЬЯХ, ОТРАЖАЮЩИХ ЗАБАСТОВОЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ В БРИТАНСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ

Неразрывная связь языка и описываемых социальных событий обеспечивает абсолютную включенность языка в эти события. Язык может быть использован для давления на властные структуры

с целью изменения их политики. В анализируемых ниже статьях лишь сформулированы требования участников забастовок.

Для анализа были отобраны две статьи, датированные декабрем 2021 г. и февралем 2022 г.: E. Gibney «Massive strikes at UK universities over 'unsustainable' working conditions»¹ и J. Robinson and K. Freehan «Universities should repay tuition fees to students if learning is disrupted by three-day strike by 50,000 staff at 58 institutions, education watchdog says»².

Оба заголовка красноречиво передают обстановку в британских университетах, которая подвергается анализу непосредственно в текстах статей. Нетрудно заметить, что уже в заголовках акцент сделан на идеологическое противостояние двух социальных групп. Одна группа – это участники забастовок, другая – работодатели. Среди них одно из главных мест отводится ректорам университетов, занимающим позиции поддержки частных банков и политики правительства, направленной на сокращение независимости университетов, как определяющих свою роль в обществе. Идеологический акцент на противостоянии двух социальных групп очевиден из статей.

В обеих статьях используются похожие принципы построения. Их общей чертой является интертекстуальность. Текст статей не представляет собой единое повествование. Так, в первой статье «Massive strikes at UK universities over 'unsustainable' working conditions» текст распадается на несколько частей, причем каждая часть сопровождается подзаголовком, который красноречиво представляет содержание данного отрывка. Вот подзаголовки частей: «Thousands of scientists worldwide to go on strike for Black lives», «Pensions dispute», «UK scientists brace for disruption from huge academic strike», «Burnt out staff», «Row erupts over university's use of research metrics in job-cut decisions». Эти подзаголовки демонстрируют тяжелейшее положение сотрудников университетов.

Во второй статье «Universities should repay tuition fees to students if learning is disrupted by three-day strike by 50,000 staff at 58 institutions, education watchdog says», как и в первой статье, нарратив, повествующий о забастовках, прерывается абзацами с прямой и косвенной речью. Эти

¹Gibney, Elizabeth. Massive strikes at UK Universities over 'unsustainable' working conditions. 24 February 2022. <https://www.nature.com/articles/d41586-022-00525-5>

²Robinson James, Feehan Kate. Universities should repay tuition fees to students if learning is disrupted by three-day strike by 50,000 staff at 58 institutions, education watchdog says. 1 December 2021. <https://www.dailymail.co.uk/news/article-10262785/University-strikes-50-000-staff-begin-three-day-strike-58-universities-pay-pensions.html>

вставки имеют большое значение, они привносят в изложение описываемых событиях эмоциональную нотку и тем самым способствуют усилению прагматического воздействия на читателя. Вставки прямой и косвенной речи служат доказательством суждений авторов статей. Таким образом, структурное построение статей выполняет как доказательную, так и иллюстративную функции.

Большое прагматическое значение имеют используемые в статьях лексические единицы (далее ЛЕ). Они несут главную семантическую нагрузку в описании социального конфликта. Поскольку обе статьи описывают одни и те же события, то представляется возможным рассматривать их как один макротекст. Нельзя не отметить вариативность ЛЕ при обозначении протестных действий университетской общественности. Наряду с более употребительным для обозначения протестов существительным *strike* используются такие ЛЕ, как *dispute*, *walk-out*, *industrial action*, *strike action*, *debate* и существительное *row*, которое придает особую эмоциональную окраску забастовочным действиям, его значение – «шумная ссора», «борьба» (*The row is likely to escalate further*). Для характеристики положения сотрудников университетов используются словосочетания: *a long-term real-terms wage cuts*, *unequal pay*, *lack of job security*, *job-cut decisions* и др.

Со стороны другой социальной группы – работодателей выступают *The Universities and College Employers Association of London*, *The Universities Superannuation Scheme*, которые поддержали предполагаемые сокращения зарплаты сотрудников университетов и отвергли предложения профсоюза *University and College Union (UCU)*, – профсоюза работающих в области высшего образования, который представляет интересы 120 тыс. человек. Этот профсоюз объединяет также тех сотрудников, которые не имеют возможность прогнозировать свое будущее в университетах, так как их контракты ограничиваются коротким периодом. В статьях отмечается, что работодатели говорят о необходимости сокращения зарплаты. С другой стороны, по утверждению профсоюза UCU, это приведет к снижению уровня образования, а также к еще большему сокращению материального обеспечения сотрудников университетов. Этот профсоюз также обвиняет работодателей в устрашении и запугивании (*bullying and harassment*), а также в расовой и гендерной дискриминации.

Особенно важно отметить широкое употребление производных от прилагательного *casual*, которые широко применяются к фактам университетской жизни. В словаре «Cambridge Dictionary» это прилагательное приравнивается к таким

прилагательным, как *random*, *occasional*, что говорит о временном характере контрактов и, как следствие, о социальной незащищенности сотрудников университетов: *Casual contracts; Higher education is one of the most casualized industries in the UK; For many young academics it is casualization that has spurred them to take action in the national dispute; casualized staff are the first to be laid off; A future of casualization, swinging cuts are the prospect of most universities*. Употребление этих ЛЕ красноречиво говорит о недовлетворенности сотрудников университетов своим положением, когда сроки их пребывания в должности резко ограничиваются. Это ведет не только к неуверенности в завтрашнем дне, но и к падению их социального обеспечения. Таким образом, социально направленная идеология двух противостоящих групп четко выявляет противостояние сотрудников университетов и работодателей, о чем свидетельствуют структуры статей.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАССМАТРИВАЕМЫХ ДИСКУРСОВ

Явление интертекстуальности, на котором построены обе статьи, позволяет не только разнообразить дискурс и тем самым придать ему эмоциональную окрашенность, но также и переключить внимание читателя с нарратива на разговорную речь. Эти вставки – отрезки прямой речи – насыщены стилистическими приемами.

Использование разговорной лексики позволяет сблизить читателя с говорящими, убирая те барьеры, которые могут возникнуть при интерпретации нарративного дискурса. Так, глагол *gut* во фразе *to strike against gutting our pensions*, что означает «remove or destroy completely the internal parts of» и понимается в данном контексте метафорически, безусловно, относится к разговорному регистру. К тому же регистру относится ранее упомянутое существительное *row*.

Наличие большого числа эпитетов делает текст крайне экспрессивным: *unsustainable working conditions*, *unmanageable workloads*. Так, прилагательное *unsustainable*, передающее невыносимые условия работы, повторяется на протяжении всей статьи, начиная с заголовка, где он взят в кавычки, что свидетельствует о заимствовании его из некоего источника. Благодаря интертекстуальности становится возможным использование такого приема, как нарастание, представленное прямой речью: *Before, staff were angry. Now they're like: "I'm done with"*, где эпитет представлен выразительным фразеологизмом, показывающим безысходность

в положении сотрудников университетов. Повтор этого же слова в виде существительного наблюдается в предложении: *There is a lot of **anger**, particularly among the junior staff who will be most affected.* В предложении *All in all, **morale is pretty low*** говорится о подавленном душевном состоянии людей, которые крайне недовольны условиями работы в университетах.

В ответ на заявление работодателей о том, что они не собираются идти на уступки сотрудникам университетов, демократично ориентированный профсоюз UCU заявил, что такая политика приведет только к расширению забастовок: *This is a deeply unfair and unprofessional response from management which will only escalate and prolong these disputes.* Тяжелое положение университетской общественности подчеркивается употреблением идиомы **to reach the end of the road**: *There is a sense that this is a sector that **has reached the end of the road.***

В заочном диалоге между ректорами университетов и сотрудниками прослеживается непримиримость сторон. Так, *UCU General Secretary accused University bosses of trying **to intimidate** staff to stop them from taking lawful industrial actions* и ответ профсоюза: *The Union says the Universities have all **threatened** to withdraw 100% of pay for action short of a strike.* Отчетливая угроза со стороны сотрудников университетов прослеживается в предложении: *...those leading our universities should not underestimate the change in this sector for the better.*

Стилистический прием иронии очевиден в предложении, в котором содержится прямой вызов руководству университетами: *...if University managers **doubt the determination of staff** to change the higher education for the better, the members of staff on strike today prove **they are very sadly mistaken.*** Нельзя не заметить иронию в предложении: *The end of action seen today is just the beginning and university managers need **to wake up and address the very modest demands of staff.***

Стилистический прием антитезы неоднократно используется для описания трудностей, которые испытывают сотрудники университетов, например, *over-worked ... under-paid.*

Социальное противостояние приобретает острое звучание при употреблении местоимения **they**, которое подчеркивает противостояние между демократически настроенным профсоюзом UCU и объединением Universities UK, куда входят ректоры университетов: *And **they** claimed the UCU campaign is nothing more than a smokescreen for their ideologically entrenched opposition to corporate finance* с последующей угрозой на этот раз исходящей от профсоюза USU: *Otherwise, **the potential for more widespread and escalating industrial action becomes very real.***

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Рассмотрение статей британской прессы, посвященных противостоянию сотрудников университетов политике работодателей, среди них ректорам университетов, выявило четкую идеологическую основу дискурса. Идеологические и языковые особенности дискурса помогают осознать социальные роли противостоящих сторон. Со стороны преподавателей и сотрудников университетов это заключается в стремлении обеспечить для себя удовлетворительный экономический уровень, тогда как работодатели преследуют цель максимального сокращения расходов на оплату труда сотрудников университетов.
2. Участие в этом социальном противостоянии отражается как в структуре дискурса, когда каждая сторона не только выдвигает свои требования, но и в ответ на реакцию другой стороны угрожает новыми мерами, направленными на достижение своих целей.
3. Социальный конфликт также находит свое отражение в употреблении лексики, характерной для этого типа дискурса, а также в использовании стилистических приемов, которые делают дискурс крайне эмоционально насыщенным.
4. Проведенный анализ позволил не только представить особенности дискурса при столкновении интересов противостоящих социальных групп, но и рассмотреть языковые особенности, отражающие этот процесс в газетном дискурсе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Dijk T. A. van. What is Political Discourse Analysis? // Belgian Journal of Linguistics. Political Linguistics. Amsterdam: John Benjamins, 1997. Vol. 11. P. 11–52.
2. Fairclough N., Mulderrig J., Wodak, R. Critical Discourse Analysis // T. van Dijk (Ed.), Discourse Studies: A multidisciplinary introduction. London ; England : Sage, 2011. P. 357–379.
3. Fairclough Norman. Critical Discourse Analysis: The Critical study of language. London ; New York : Longman Publishing Group Limited, 1997.

REFERENCES

1. Dijk, T. A. van. (1997). What is Political Discourse Analysis? *Belgian Journal of Linguistics. Political Linguistics*, 11, 11–52. Amsterdam: John Benjamins.
2. Fairclough, N., Mulderrig, J., Wodak, R. (2011). Fairclough Norman, Mulderrig Jane, Wodak, Ruth. *Critical Discourse Analysis. Discourse Studies: A multidisciplinary introduction* (pp. 357–379). London ; England: Sage.
3. Fairclough, Norman. (1997). *Critical Discourse Analysis: The Critical study of language*. T. van Dijk (Ed.). London and New York: Longman Publishing Group Limited.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ**Токарева Наталия Дмитриевна**

профессор, кандидат филологических наук,
профессор кафедры стилистики английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR**Tokareva Nataliya Dmitrievna**

PhD (Philology), Professor, Professor of the Department of English stylistics, Faculty of the English language,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 16.05.2022 одобрена после рецензирования 14.06.2022 принята к публикации 11.07.2022	The article was submitted 16.05.2022 approved after reviewing 14.06.2022 accepted for publication 11.07.2022
---	--

Научная статья

УДК 81-114.2

DOI 10.52070/2542-2197_2022_8_863_119

Школа лингвистической стилистики в России и перспективы ее развития в парадигме современного когнитивного знания

К. И. Шпетный

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
kon5804@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается широкий круг вопросов, касающихся истории и основных этапов развития стилистики как лингвистической дисциплины. Делаются прогнозы ее развития.

Ключевые слова: стиль, текст, дискурс, выразительные средства, стилистический прием, функциональный стиль, когнитивная стилистика, исследовательский проект

Для цитирования: Шпетный К. И. Школа лингвистической стилистики в России и перспективы ее развития в парадигме современного когнитивного знания // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 8 (863). С. 119–127. DOI 10.52070/2542-2197_2022_8_863_119

Original article

School of Linguistic Stylistics in Russia and Vista of its Advance in the Paradigm of Modern Cognitive Knowledge

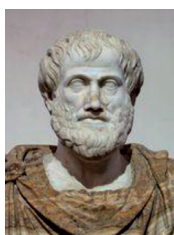
Constantine I. Shpetny

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
kon5804@yandex.ru*

Abstract. The treatise covers a wide range of core subjects related to the history, background and significant developments of the branch of language study labeled linguistic stylistics in its lasting advance towards updated horizons.

Keywords: style, text, discourse, expressive means, stylistic device, functional style, cognitive stylistics, research project

For citation: Shpetny, C. I. (2022). School of Linguistic Stylistics in Russia and Vista of its Advance in the Paradigm of Modern Cognitive Knowledge. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(863), 119–127. 10.52070/2542-2197_2022_8_863_119

Η τελική αξία της ζωής εξαρτάται από
η συνειδητοποίηση και η δύναμη της
περισυλλογής
αντί για απλή επιβίωση

The ultimate value of life depends upon
awareness and the power of contemplation
rather than upon mere survival

INTRODUCTION

Urge and thirst for stylistic penetration into the realm of the discourse alive have steadily been on the rise across the fields of linguistic and cognitive interest. For it is ever on the minds of the text generator to attempt to convey the receptor some explicit and implicit ideas of significance and, similarly, it is in the intellectual and spiritual facilities of the interested individual to venture opening up and trying to decipher updated outlooks on the ever-changing world around.

A compressed outline of the article will cover to a reasonable extent the following issues:

- defining the notion of style;
- sharing stylistics against the background of the science of linguistics;
- stating basic notions in linguistic stylistics;
- expounding the major specific features of stylistics in Russia;
- dwelling on the school of English stylistics as founded by I. R. Galperin;
- outlining the chief research projects in Russia;
- discussing the vista of advance of cognitive stylistics.

NOTION OF STYLE

To outline the borders of the science of linguistic stylistics and its Russian background it is essential to go at some length into the concept of what is style.

Style is a manner of doing or presenting things, and it may currently refer to:

- *architectural style*, the features that make a building or structure historically identifiable (the Buckingham Palace, the Moscow Kremlin, la Tour Eiffel);
- *design*, the process of creating something in various fields of human activities (science, management, ballet dancing, music playing, on-stage singing);
- *fashion*, prevailing modes of changing clothing styles, streetstyle;
- *artefacts in visual arts (cinematography, paintings, installations, gadgets)*;
- *manner of personal conduct, often affective*;

- tag to identify the ways how varied elements are disposed on the web-page making it possible to distinguish CSS (Cascading Style Sheets) styles with the element *link* to be used;

- *writing style*, the manner in which the author addresses readers.

“Style is the man” is knowingly a proverbial saying of the early 20th century habitually attributed to Georges-Louis Leclerc, *Comte de Buffon*, the French naturalist, mathematician, cosmologist and encyclopédiste (1707–1788). Style is actually one’s signature, observes the English writer Oscar Wilde (1854–1900) in *The Philosophy of Dress* (1885).

BACKGROUND OF LINGUISTIC STYLISTICS

It is common knowledge that men of letters in the linguistic branch of science commonly focus on the formally perceived structure of a language. Yet it updatingly comes to mind that the study of language artefacts is not to be confined solely to the structural analysis signifying an application of mind to the worthy research along the venues of Phonetics, Grammar, and Semantics.

These three components together with Stylistics are the core pillars of the science of linguistics. It seems proper to ascertain that the data offered by Phonetics, Grammar and Semantics are but instruments of conveying the ideas of the utterance in any of the known spheres of intercourse. In other words, they all are working for the sake of transmitting the very essence of human habitat, which is communication.

Stylistics claims to be crowning the overall target of men’s verbal and non-verbal involvement in the cognitive information installed in the branches of linguistics.

Linguistic stylistics is fundamentally part and parcel of the many-vector and multidimensional science of language.

Such a stance calls for an insight into the contentious and conceptual parts of the verbal products, which implies a look into their specific language mechanisms that is means and devices, which are generating the desired effect through the utterance.

Far-reaching foundations of stylistics were laid down by Aristotle (Greek Ἀριστοτέλης pronounced [aristotéle:s] Aristotle [æriˈstɒtəl]), the greatest philosopher and learned man 384–322 B.C.) during the *Classical period* in *Ancient Greece* as far back as the 4th century B.C.

It is Aristotle who initiates and advances the fundamental grounds of two concerns of linguistic

interest related directly to stylistics, namely Poetics and Rhetorics.

The Age of Hellenism “gave birth to a multitude of quite varied conceptions of aesthetics, rhetoric, styles, often intracontradictory, yet they are all related to one and the same social essence easily comparable to undifferentiated simplicity of the Greek classic culture”, remarks A. F. Losev in the Preface to “Antique Rhetorics”¹ [Античные риторика, 1978, с. 12].

The Ages of Classicism, Romanticism, Enlightenment, and Rationalism would keep on contributing to the spread of basic ideas of cognitive-stylistic message across the lands as they have been laid down by its initiators and successors.

Among essential treatises on style and English stylistics in the New Time, we can mention the two monographs: *On defining style* by N. E. Enkvist, a Finnish linguist (born 1925) and *An approach to the study of style* by M. J. Gregory & J. Spencer (1964). “This is the first book of its kind ... that tries to gather together the central strands of this many-sided subject”, concludes David Crystal, a British linguist, academic, and author at the Department of Linguistic science of Oxford University discussing the status of the above mentioned monographs [Enkvist, Spencer, Gregory, 1964].

“Style, – as N. E. Enkvist remarks in the cited work, – is a contextually restricted linguistic variation.” What is actually appealing in this quote is recognition of the justified validity of the notion of context, which is an essential prerequisite for linguistic variation limited by the pragmatic set-up related to cognition [Ibid.].

Prof. David Crystal (born in 1941) has done research in a number of fields of linguistics primarily stylistics, intonation, applied linguistics in clinical and educational contexts (2011). Of particular benefit seem to be his elaborations on functional stylistics and various kinds of styles of speech.

The British renowned linguist provides the following view upon the subject matter of linguistic stylistics: “Stylistics for me is the linguistic study of systematic, situationally-distinctive, intra-language variation... The above definition of stylistics means that my view of the subject is an extremely broad one – it subsumes both literary and dialectal use...” (davidcrystal.com).

LINGUISTIC STYLISTICS IN RUSSIA

We dare to presume that emergence of the linguistics branch of stylistics within the boundaries

¹Translation is ours. – C. Sh.

of Russia is to be directly related to Professor Ilia Romanovitch Galperin (1905–1984) at the Chair of English Stylistics of Moscow State Linguistic University (formerly called The Moscow State Pedagogical Institute named Maurice Thorez). The fundamental ideas of theory of style and artefacts of deep and penetrating analysis of varied texts and their systems of expressive means and stylistic devices flow forth from the works of this patron of English stylistics [Galperin, 1981].

“Stylistics studies those features of linguistic utterances that are utilized to impose the encoder’s way of thinking on the decoder, i.e. it studies the act of communication not as merely producing a verbal chain, but as bearing the imprint of the speaker’s personality, and as compelling the addressee’s attention. In short, it studies the ways of linguistic efficiency (expressiveness) in carrying a high load of information”, observes Michael Riffaterre in his essay “the Stylistic Function” made public in 1971 [Riffaterre, 1971, p. 6].

It emanates from the above quotes that the key notion to define linguistic stylistics is contextually predetermined **expressiveness** in the discourse, which is actualized by way of varied expressive means and stylistic devices.

Expressive means are various phonetic, morphological and syntactical, word-building, lexico-semantic and phraseological, stylistics proper forms and units, which coexist in language-as-a-system for logical or emotional intensification of the utterance.

Expressive means are facts of language. **Stylistic device** is then “a conscious and intentional intensification of some typical structural and / or semantic property of a language (neutral or expressive) promoted to a generalized status and thus becoming a generative model” [Galperin, 1981, p. 30].

We could speak of interaction of different types of lexical meaning treating the subject of lexical expressive means and stylistic devices.

These may be:

- **metaphor, metonymy and irony** – in terms of interaction of primary dictionary and contextually imposed meanings;
- **zeugma and pun** – considering interaction of primary and derivative lexical meanings;
- **interjections and exclamatory words, epithet and oxymoron** implying connections between logical and emotive meanings;
- **antonomasia** as a reflection of link between logical and nominal meanings;
- **simile, periphrasis, euphemism, and hyperbole** as a result of intensification of a certain feature or a thing or phenomenon;

• **cliché, proverb and sayings, epigrams, quotations, allusions, decomposition of set phrases** in case of resorting to peculiar use of set expressions.

From hence we can comfortably pass over to the part of linguistic stylistics, which is by right referred to as **functional stylistics**: “A functional style of language is a system of interrelated language means which serves a definite aim in communication”, states I. R. Galperin [Galperin, 1981, p. 33].

It is recognized therefore that a theory of style should safeguard comparison of **currently seven types of language systems in written speech, namely those of literature, science, religion, official documents, technical discourse, publicistic narration, newspaper texts**; and it should be possible to make meaningful statements about major contexts, such as between emotive and technical kinds of language, which is still a normal part of school syllabuses in English.

Individual style is applied to “that sphere of linguistic and literary science which deals with the peculiarities of a writer’s individual manner of using language means to achieve the effect he desires”, presumes I. R. Galperin, and the typical writer’s style is referred as being **idiolect** [Ibid., p. 13]. And one of the essential properties is its permanence, so that individual style is a unique combination of language units, expressive means and stylistic devices peculiar to a given writer, which makes the write’s works or even utterances easily recognizable” [Galperin, 1981, p. 17]. Here the notion of **norm** invariably springs up, it is “the invariant of the phonemic, morphological, lexical and syntactical patterns circulating in language-in-action at a given period of time” [Ibid., 19].

These basic domains of linguistic stylistics, that is expressive means and stylistic devices, on the one hand, and functional styles, on the other hand, are the two solid pillars upon which the whole of the monumental building marked up style and linguistic stylistics is solidly built.

Prof. I. R. Galperin, the Founding Father of this branch of language science in Russia offers the following overall definition of the subject of stylistics in 1973: “Linguistic stylistics can be defined as a science of specially marked elements, combinations of special language units capable of conveying additional information to the basic content of the utterance (text) and of interrelationships of means of expression in the given type of text”¹ [Гальперин, 1973, p. 19].

This description of linguistic stylistics advanced by Prof. I. R. Galperin remains generally valid until nowadays. He was adorned PhD in 1962 upon

defending the doctorate paper “English Stylistics”. He is world known for his works in the theory of linguistics, linguistic stylistics in the wake of researches by M. M. Bakhtin (1895–1975) and V. V. Vinogradov (1894–1969). He is the author of The Greater English-Russian Dictionary. The treatise «Текст как объект лингвистического исследования / Text as the Object of Linguistic research» has made his name sound elsewhere [Гальперин, 2007].

PhD, Professor I. R. Galperin
(1905–1984)
(Image: MSLU archive)

The set of most essential works by Prof. I. R. Galperin covering a whole spectrum of cardinal stylistic issues is crowned by the academic treatise *Stylistics*.

It is no wonder that I.R. Galperin’s school of scientific enterprise has produced the New English-Russian Dictionary in two volumes in demand across the land (New English-Russian Dictionary 1981; A supplement to the New English-Russian dictionary 1988).

The milestones which have diachronically promoted the progress of stylistics in Russia continuously stay on our minds:

– the country-wide debate on the issues of the poetic vernacular in the 1920s in the Soviet Union with reference to A. Belyi 1920; O. M. Brik 1928; V. V. Vinogradov 1923; G. O. Vinokur 1923; V. M. Zhirmunsky 1921, 1925; *Poetics* 1919; Yu. N. Tynjanov 1924, 1927; R. Jakobson 1923;

– a fruitful discussion on the vexed questions of stylistics in the magazine *Вопросы языкознания* (*Journal of Linguistics*) in the year 1954, which found its way on the pages of this magazine: issues № 2–6, 1954 and № 1, 1955;

– a scientific conference on stylistics held at the 1st Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages named after Maurice Thorez in 1969 (Text linguistics 1974).

V. V. Vinogradov, a Russian academician (1895–1969) has made an invaluable contribution into the domain of literary speech and the science of stylistics, both linguistic stylistics and literary stylistics, and it is obviously of particular sound in current research. His works cover a wide range of significant issues dealing with the history of Russian literary discourse (1934, 1938), parlance and style of Russian writers (1926, 1935, 1941), and topical issues of fiction literature (*Наука о языке художественной литературы и ее задачи*, 1958). V. V. Vinogradov establishes the world-known Russian magazine «Вопросы языкознания»

¹Translation is ours. – C. Sh.

(Journal of Linguistics), and he has been its editor up to the last days of his life along with the status of the head of the Institute of Language Science at the USSR Academy of Sciences (1950–1954).

Worth mentioning are some correlating forums of the past decades, which significantly touch upon major challenges linguistic stylistics has been facing in the course of time.

- a scientific conference on the issues of Linguistics of Text initiated at the 1st Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages named after Morris Torrez and conducted in 1974;

- a scientific conference “The present state of affairs and the future of stylistics”. Programme. Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Department of journalism. Stylistic Commission of the International committee of Slavonic Studies (ISC). Supported by The Russian Foundation of Fundamental Research, project № 19-012-20025. May 13–14 2019, Moscow;

- an international scientific conference held at the Moscow State University in 2019. *Present & Past of Stylistics/Настоящее и будущее стилистики*. Программа. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Present & Past of Stylistics 2019).

CHIEF RESEARCH PROJECTS IN RUSSIA

Linguistic stylistics has been progressing in Russia unblocked with the overall research project under I. R. Galperin, the initiator and the patron of the Chair of English Stylistics at Moscow State Linguistic University (MSLU) along with other adjoining schools both next door and elsewhere across Russia.

Sidetrack projects of worthy significance embrace some minor schools of research in stylistics that are to be mentioned are also well-known and widely appreciated, namely the Chair of Lexicology & Stylistics at the German Department and the Chair of Lexicology & Stylistics at the French Department as well as the Department of Translation & Interpretation at Moscow State Linguistic University. Alongside is positioned the St. Petersburg research project led by I. V. Arnold (1908–2010). They all possess their own specifics predetermined by obvious peculiarities in the taught languages and disciplines in the localities.

German languages researchers of today proceed along the lines of stylistics drawn by E.G. Riesel (1906–1989). She happens to be pioneer in the research of dialectal functional features of standard languages. The specific features of her views are interconceptual links touching upon stylistics and sociolinguistics and pragmalinguistics with a particular accent upon

relations between extra- and intra-linguistic factors of speech, which make it close to communicative and cognitive stylistics. The first monograph on German language stylistics in the land belongs to E. G. Riesel – «Очерки по стилистике немецкого языка» (Essays on German stylistic, 1954). Functional styles of which the author singled as many as five criteria of their functioning is an obvious contribution into the science of stylistics (E. G. Riesel 1975).

E. I. Schendels, professor at the MSLU German Department (1916–1995) has been genuinely promoting the above ideas primarily focusing upon such relevant issues as stylistic grammar and stylistic figures in grammar and major challenges of the linguistics of text and its categories.

These fruitful conceptions have found their way in the works of their followers G. M. Fadeyeva (2007; 2014) and N. N. Troshina (2006), who have been catching up the novel approaches in linguistic stylistics enriching its solid historic foundation.

Currently, delivery of linguistic stylistics at the MSLU French Department follows traditional approaches as shaped up by well-known concepts of the science. Particularly accentuated seem to be issues of functional styles with a focus upon such fields as colloquial and common parlance, argot talk, documents style, publicistic communication, internet jargon, and the so-called pseudo oratory and scriptural dialects. A theoretical look at the history of stylistics generates such lines of interest as genetic, or decoding stylistics, immanent and phenomenological, or receptive stylistics, reports prof. E. L. Spasskaya, whose prevalent interests lie within the scope of stylistics, text linguistics, and poetics against the background of interpretive semantics.

“A Course of French Stylistics” (1955, 1986) by Prof. V. G. Gak (1924–2004) at the Moscow Pedagogical State University offers a conception of stylistics of Romance languages, which is to an extent based upon his views in the spheres of philosophy, on the one hand, and of translation and interpretation as well as personal practice in teaching foreign languages, on the other.

I. V. Arnold (1908–2010), Russia’s linguist and an expert in lexicology, linguistic stylistics and rhetoric, and Professor Honoris at the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen sets up a school of decoding stylistics («Стилистика современного английского языка», «Стилистика декодирования») largely in spread over in St. Petersburg [Arnold, 1974; Arnold, 1981].

Among other explorers of *terra stylistica* we could also mention B. V. Tomashevsky (1890–1957) who engaged in the world of poetics offering his

Manual «Стилистика» (1983), and M. P. Brandes (born in 1926) who put forward «Стилистика немецкого языка» (1983).

Another significant work of M. P. Brandes is in up-to-date esteem: “Style & Translation-Interpretation / Стилъ и перевод (the German Language)” (1988). Challenges of translating / interpreting are viewed against the cognitive background of the style of the discourse, which presupposes genuine penetration into the subject matter of the artefact and its system of concepts.

TRANSLATION vs. INTERPRETATION & STYLISTICS

Major focus in mastering basics of professional interpretation at the MSLU Department of Translation & Interpretation is placed upon learners generating skills and habits of spontaneous / automatized choice of individualized and specific stylistic means and devices largely at the language levels of grammar and lexis.

The theoretical and practical foundation of professional interpretation is by right entrusted to the chief works of distinguished experts, namely prof. A. D. Schweitzer (1923–2002), V. N. Komissarov (1924–2005), I. V. Arnold (1908–2010), A. M. Peshkovsky (1878–1933), V. B. Vinogradov, G. V. Chernov (1929–2000), M. P. Brandes, and L. A. Chernyakhovskaya.

The overall set of relevant compendium on theory of translation & interpretation is covered in the courses of stylistics and culturology of Russian and other languages and in lectures and classes on translation. The foreign languages taught are English, French, Spanish, Italian, Portuguese, German, Dutch, Swedish, Norwegian, Danish, Finnish, Czech, Icelandic, Chinese, Japanese, Korean, Vietnamese, Arabic, Persian, Turkish, and Mongolian (2022).

The predominant functional style resorted to is the publicistic / rhetoric one. Dictionaries of lexico-semantic combination are in continuous use at the Department. Varied and differing practical classes are based upon cognitive approach tasks related to the dynamic process of “inference” and inference solutions, i. e. the pattern of employing the interpreter’s personal thesaurus of concepts and notions. It is primarily the lagoon that helps settle the collision of translatability / untranslatability of the original discourse.

Challenges of research theses at the Translation & Interpretation Department students are settled by professors along the lines of dealing with the issues of professional translation vs. cognitive stylistics in a cluster of functionally oriented discourses (film

texts, political speech, commix production, and others) in various foreign languages.

The issue of comprehending and realizing the notion of *interpretation* possesses another significant aspect of treatment. Interpretation may profusely function as a theory or as a method. The philosophical science delivers interpretation as a cognitive process and as the result: “Интерпретация (*лат.* interpretatio – толкование, разъяснение) – когнитивная процедура установления содержания понятий или значения элементов формализма посредством их аппликации на ту или иную предметную область, а также результат указанной процедуры” [Кондрашов, Чекалов, Копорулина, 2008].

To offer but an instance: foreign learners confront the German language and Germany’s culture primarily in literary discourse ‘in der Form literarischer Texte’ – “Стилистика как модуль” (2013). “To deal with literary discourse on the basis of scientific and educational significance it is essential to clarify interrelation of the three key notions – *comprehension of the text* (Textverstehen), *interpretation of the text* (Textinterpretation) and Hermeneutics (hermeneutisches Herangehen)”¹ [Горожанов, Гусейнова, 2021, с. 7].

As it is observed in the above cited work, apparent reference is currently extended to **cognitive research** (Кубрякова 2004) bordering on many scientific branches in humanities, with linguistic stylistics treated as a significant field in the paradigm of modern cognitive knowledge.

The stylistic bearing on the discourse is targeted at revealing the cognitive and often-underlying message with often latent expressiveness on the mind.

VISTA OF STYLISTICS ADVANCE IN COGNITIVE PARADIGM

The terms “style” and “stylistics” have been of late interchanged or intermingled with such terms of text linguistics and cognitive linguistics as *cognition, concept, discourse, content, register, and motif*.

“Cognitive stylistics is viewed *nove et nova* as a current stage in the advance of linguostylistics. The chief task of cognitive stylistics is the study of varied structures of knowledge and the description of interrelations that emanate between them and the language on the basis of perception of language as such”, – we recently stated [Shpetny, 2019, p. 371]. A similar approach is currently shared by other related researchers [Джусупов, 2011].

¹Translation is ours. – C. Sh.

Concepts of the inner world are significantly viewed in the mould of the metaphor which against the background of cognitive stylistics is normally referred to as the conceptual metaphor. It is considered to be “a mental structure or an operation or a means of cognition and conceptualization of the world around” [Шпетный, 2019].

It is exactly at this point that we may address the intelligent works of G. P. Lakoff, a prominent U.S. philosopher and cognitive linguist (1941). He served as a professor of linguistics at the University of California, Berkeley (USA), from 1972 until his retirement in 2016.

Among them we could name coauthored with M. Johnson “Metaphor we live by” (1980, revised 2003), and coauthored with M. Turner “More than cool reason: A field guide to poetic metaphor” (1989).

The book “Metaphors we live by” has found its way into a whole set of academic disciplines, including politics, literature, philosophy, mathematics, and linguistics. An individual’s experience and attitudes towards sociopolitical issues is influenced by being *framed in linguistic constructions*.

The researcher has put forward the significant postulate of the conceptual metaphor that profoundly impacts the people when explicating knotty phenomena.

G. Lakoff writes: “Metaphor is for most people a device of the poetic imagination and the rhetorical flourish – a matter of extraordinary rather than ordinary language. Moreover, metaphor is typically viewed as characteristic of language alone, a matter of words rather than thought or action. For this reason, most people think they can get along perfectly well without metaphor. We have found, on the contrary, that metaphor is pervasive in everyday life, not just in language but in thought and action. Our ordinary conceptual system, in terms of we both think and act, is fundamentally metaphorical in nature” [Lakoff, Johnsen, 2003, p. 3].

“The concepts that govern our thought are not just matters of the intellect. They also govern our everyday functioning, down to the most mundane details. Our concepts structure what we perceive, how we get around in the world, and how we relate to other people. Our conceptual system thus plays a central role in defining our everyday realities. If we are right in suggesting that our conceptual system is largely metaphorical, then the way we think, what we experience, and what we do every day is very much a matter of metaphor”, he adds up [Ibid.].

G. Lakoff provides a sample of how the metaphor *argument in war* is reflected in our everyday language by a wide variety of expressions:

“ARGUMENT IN WAR

Your claims are *indefensible*.

He attacked every weak point in my argument. His criticisms were *right on*.

I *demolished* his argument.

I’ve never *won* an argument with him.

You disagree. Okay, *shoot!*

If you use this strategy, he’ll *wipe you out*. *He shot down all of my arguments*.

It is important to see that we don’t just *talk* about arguments in terms of war. We can actually win or lose arguments. We see the person we are arguing with as an opponent. We attack his position and we defend our own. We gain and lose ground, – states G. Lakoff. – Many of the things we do in arguing are partially structured by the concept of war. Though there is no actual battle, there a verbal battle and the structure of an argument – attack, defense, counterattack, etc. – reflects this. It is in this sense that the ARGUMENT IN WAR is one that we live by in this culture; it structures the actions we perform in arguing” [Lakoff, Johnsen, 2003, p. 4–5].

From a discourse-analytical perspective, “metaphors have to be analysed in three ways”, suggests Gerard Steen, a researcher from the Department of English, Vrije Universiteit from Amsterdam, The Netherlands:

– “as expressions, which involves the linguistic investigation of vocabulary, and grammar;

– as thoughts, which can be done by means of the conceptual analysis of their propositional content and knowledge structure;

– as messages, which involves a communicative examination of their pragmatic structure and function in terms of co-text and context.

Thus, metaphors may be said to have three discourse functions in cognition:

– they express a meaning in the surface of the text, they embody an idea or represent a situation in the situation model, and they convey a message or an act in the context model, all at the same time” [Steen, 1994].

Similarly, we can speak in terms of stylistics of the conceptual metonymy, conceptual epithet, conceptual simile, conceptual irony, conceptual oxymoron, and others.

Another quite dramatic line of probe is differentiation of the two types of speech which has of late come to the fore – oral and written varieties of verbal communication. It seems quite understandable against the background of globalization processes and new technologies advance. It has been in the focus of the researchers’ attention, presumably ‘since the time memorial’ [Galperin, 1981].

Works of foreign experts on cognitive stylistics suggest varied significations of this branch of

language study: it is termed *cognitive stylistics* by S. Attardo, P. Burke, J. Gulpeper, E. Semino, it will also be named *cognitive poetics* (J. Gavins & G. Steen, W. Croft, R. Langacker, P. Stockwell, R. Tsur, M. Turner).

“Cognitive poetics is a new way of thinking about literature, – writes Peter Stockwell in his ‘first introductory text to this growing field’, – involving the application of cognitive linguistics and psychology to literary texts” [Stockwell, 2002, p.1]. In the book “Cognitive Poetics. An Introduction” the author encourages the reader “to re-evaluate the categories used to understand literary reading and analysis, covering a wide range of literary genres and historical periods”. His many-chaptered monograph “explores a different cognitive poetic framework and relates it to a literary text” [Ibid.]. The core concepts underlying his theory cover a number of adjacent areas of research, namely literary studies, critical theory and linguistics.

We suggest adhering to the term *cognitive stylistics*, which seems most appropriate and fitting. It avails of considering not only the literary discourse but also the whole range of functional styles of speech.

The subject matter and the object of scrutiny in cognitive stylistics seem to be stated as follows:

- 1) various language means of transmitting conceptual information in the text / discourse, that is factual, conceptual, and implied (subtextual) (Galperin 2007);
- 2) expressive means and stylistic devices to safeguard the build-up of additional and superlinear information in the speech utterance;
- 3) significant treatment of perception processes of generating expressiveness in differing types

of discourse depending upon varied spheres of verbal communication, in other words dealing with functional stylistics.

Research focuses upon those issues that are related to the choice and dislocation of verbal and non-verbal information, to the cognitive treatment of the stylistic potential (means and devices) of perception, comprehension and interpretation of the text / discourse, and to the introduction of linguocognitive tools and techniques of research into stylistic analysis.

CONCLUSION

The current state-of-the-art of the humanitarian knowledge has been spectacular processing against the background of aggressive spread of challenges triggered by digitalization and its prognosticated consequences. The updated economics and overall social change presuppose build-up of novel and often alien surroundings for human activities, which is to trigger “revision of the value systems and structures ... to affect the institutional environment”, says I. A. Guseinova at the Moscow State Linguistic University [Гусейнова, 2020, с. 92].

As it has been postulated in the current talk, the territory of cognitive stylistics is at the moment full of unchartered areas, some fake signposts, and sidetracks that have only recently been either begun or as yet half finished.

We will wish to express a humble hope that the above related to the expert audience is a gripping and available map that is not outdated, and from here on one could walk ahead and joyfully serve the targets drawn in earnest.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Античные риторика / под ред. А. А. Тахо-Годи. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1978.
2. Enkvist N. E., Spencer J., Gregory M. Linguistics and style: On defining style: an essay in applied linguistics. London: Oxford University Press, 1964.
3. Galperin I. R. Stylistics. 3rd edition. М. : Vysšaya Škola, 1981.
4. Riffaterre, M. Essais de stylistique structural / transl. with an Introduction by D. Delas. Paris : Flammarion, 1971.
5. Гальперин И. Р. О понятиях «стиль» и «стилистика» // Вопросы языкознания. М., 1973. № 3. С. 14–25.
6. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. 5-е изд., стереотип. М. : КомКнига, 2007.
7. Арнольд И. В. Стилистика декодирования. Курс лекций. Л. : Ленинградский государственный педагогический институт (ЛГПИ им. А. И. Герцена), 1974.
8. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. Л. : Просвещение, 1981.
9. Кондрашов В. А., Чекалов Д. А., Копорулина В. П. Новейший философский словарь. 3-е изд. Ростов-на-Дону : Феникс, 2008. (Серия «Словари»).
10. Горожанов А. И., Гусейнова И. А. Прикладные аспекты анализа и интерпретации текстов (на материале немецкого и русского языков): монография. Казань : Бук, 2021.
11. Шпетный, К. И. Об основаниях когнитивной стилистики / On the basics of cognitive stylistics // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 1(817). С. 370–382.
12. Джусупов Н. М. Тюркский символ в художественном тексте (лингвокогнитивный аспект). Астана: Сарыарка, 2011.
13. Lakoff G., Johnsen M. Metaphors we live by. London: The University of Chicago Press Ltd., 2003.

14. Steen G. Discourse functions of metaphor: an experiment in affect / Department of English, Vrije Universiteit. Amsterdam, 1994.
15. Stockwell P. Cognitive Poetics. An introduction. London and New York: Routledge, 2002.
16. Гусейнова, И. А. Цифровизация и ее моделируемые последствия (на примере социокультурного взаимодействия в институциональной коммуникации) // Вестник Московского государственного университета. Серия 18. Социология и политология. 2020. Т. 26, № 4. С. 89–117. DOI: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2020-26-4-89-117>

REFERENCES

1. Taho-Godi, A. A. (ed.). (1978). Antichnye ritoriki = Antique rhetorics (1978). Moscow: Moscow University Press. (In Russ.)
2. Enkvist, N. E., Spencer, J., Gregory, M. (1964). Linguistics and style: On defining style: an essay in applied linguistics. London: Oxford University Press.
3. Galperin, I. R. (1981). Stylistics. Third edition. Moscow: Vysšaya Škola.
4. Riffaterre, M. (1971). Essais de stylistique structurale, transl., with an introduction by D. Delas. Paris: Flammarion.
5. Galperin, I. R. (1973). O ponjatijah «stil'» i «stilistika» = On the concepts of “style” and “stylistics”. Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language), 3, 14–25. (In Russ.)
6. Galperin, I. R. (2007). Tekst kak ob#ekt lingvisticheskogo issledovanija = Text as the object of linguistic research. 5th ed., stereotyped. Moscow: KomKniga. (In Russ.)
7. Arnol'd, I. V. (1974). Stilistika dekodirovanija = Stylistics of decoding. Course of lectures. Leningrad: Herzen University. (In Russ.)
8. Arnol'd, I. V. (1981). Stilistika sovremennogo anglijskogo jazyka = Stylistics of modern English. Leningrad: Prosveshcheniye. (In Russ.)
9. Kondrashov, V. A., Chekalov, D. A., Koporulina, V. P. (2008). Novejšij filosofskij slovar' = The newest philosophical dictionary. 3rd ed. Rostov-on-Don: Phoenix. (Series “Dictionaries”).
10. Gorozhanov, A. I., Gusejnova, I. A. (2021). Prikladnye aspekty analiza i interpretacii tekstov (na materiale nemeckogo i russkogo jazykov) = Applied aspects of text analysis and text interpretation (based on German and Russian): monograph. Kazan': Buk. (In Russ.)
11. Shpetny, C. I. (2019). On the basics of cognitive stylistics. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(817), 370–382. (In Russ.)
12. Dzhusupov, N. M. (2011). Tjurkskij simvol v hudozhestvennom tekste (lingvokognitivnyj aspekt) = Turkic symbol in a literary text (linguo-cognitive aspect). Astana: Saryarka. (In Russ.)
13. Lakoff, G., Johnsen, M. (2003). Metaphors we live by. London: The University of Chicago Press Ltd.
14. Steen, G. (1994). Discourse functions of metaphor: an experiment in affect. Amsterdam: Department of English, Vrije Universiteit.
15. Stockwell, P. (2002). Cognitive poetics. An introduction. London and New York: Routledge.
16. Guseynova, I. A. (2020). Digitalization and its simulated consequence (based on sociocultural interaction in institutional communication). Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science, 26(4), 89–117. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2020-26-4-89-117> (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шпетный Константин Иванович

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры стилистики английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shpetny Constantine Ivanovich

PhD (Philology), Associate Professor,
Associate Professor at the Department of English Stylistics, Faculty of English,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 16.05.2022
одобрена после рецензирования 17.06.2022
принята к публикации 11.07.2022

The article was submitted 16.05.2022
approved after reviewing 17.06.2022
accepted for publication 11.07.2022

Научная статья

УДК 821.133.1+821.161.1+821.512.111

DOI 10.52070/2542-2197_2022_8_863_128

Культурный трансфер в поэзии: Поль Клодель и Геннадий Айги

К. В. Банников

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород, Россия
kbannikov@hse.ru*

Аннотация. Поль Клодель (1868–1955) и Геннадий Айги (1934–2006) – поэты созвучного творческого круга, участники франко-русского культурного трансфера. В основе их творчества всемирность. Широкий взгляд на мир и индивидуальный художественный стиль каждого позволяют найти своего читателя внутри других культур. Г. Айги переводит стихи П. Клоделя на чувашский язык и таким образом вводит его в чувашскую культуру. Одновременно чувашский классик переосмысляет собственное творчество, сопрягает чувашский и французский мир.

Ключевые слова: Поль Клодель, Геннадий Айги, культурный трансфер, поэзия XX века, французская поэзия, русская поэзия, чувашская поэзия, межкультурная коммуникация, перевод

Для цитирования: Банников К. В. Культурный трансфер в поэзии: Поль Клодель и Геннадий Айги // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 8 (863). С. 128–137. DOI 10.52070/2542-2197_2022_8_863_128

Original Article

Paul Claudel and Gennadiy Aigi: a Cultural Transfer in Poetry

Konstantin V. Bannikov

*National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod, Russia
kbannikov@hse.ru*

Abstract. Paul Claudel (1868–1955) and Gennadiy Aigi (1934–2006) are poets of the same era, creative milieu having contributed to the Franco-Russian cultural transfer. Both poets are known abroad due to the worldwide nature of their creativity: Aigi being a bilingual with several foreign languages at his command, Claudel pursuing a successful diplomatic career with trips to Europe, Americas and Asia. A wide worldview and individual artistic style enable them to find their readers inside other cultures.

Keywords: Paul Claudel, Gennadiy Aigi, cultural transfer, twentieth-century poetry, French poetry, русская поэзия, Chuvash poetry, intercultural communication, translation

For citation: Bannikov, K. V. (2022) Paul Claudel and Gennadiy Aigi: a cultural transfer in poetry. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(863), 128–137. 10.52070/2542-2197_2022_8_863_128

ВВЕДЕНИЕ

Культурный трансфер (*transfert culturel*) – метод изучения культуры, разработанный во Французской академии наук в середине 80-х годов XX века профессорами Мишелем Эспанем и Михаэлем Вернером. В основе концепции «культурный трансфер» – идея транснациональной среды (транснациональных институтов и ценностей). В основе классической концепции «культурный трансфер» лежит представление о том, что в европейской культуре складывается транснациональная среда, транснациональные институты и ценности. Однако полного отрицания национальных культур при этом не происходит.

Суть метода – изучение обмена объектов разных типов в материальной и культурно-символической сферах – в экономике, политике, демографии, праве, точных и гуманитарных науках. Со словом *transfert* М. Эспань и М. Вернер соотносят не только литературу и культуру, но также и представления о финансовых потоках, перемещениях населения, принцип психоанализа, «поскольку культурный трансфер вмещает в себя, помимо сферы собственно интеллектуальной, жизнь экономическую, демографическую, психическую» [Дмитриева, URL].

Теория культурного трансфера предполагает появление фигур и явлений одной культуры в ядре другой благодаря посредникам из первой. В качестве таких посредников выступают И. С. Тургенев, П. Мериме, П. И. Чайковский, Р. Вагнер, Л. Н. Толстой [Espagne, 2013]. Так, получившие известность переводы произведений иностранцев по происхождению и встречные течения превращают неносителей культуры в носителей. Трансфер всегда затрагивает разные области, происходит встреча не только произведений, но и мест, людей, языков, эпох, сред [Эспань, 2018].

Поль Клодель (1868–1955) – фигура, идеально подходящая под определение посредника. Он дипломат по профессии, писатель по призванию. Клодель по-гетевски всемирно: США, Япония, Бразилия, Китай, Бельгия, Италия и Франция представляют лишь часть обширной географии. Поэт владел несколькими языками. В начале XX века он оказал сильное влияние на русскую культуру, было несколько постановок его мистерий, его творчество было знакомо М. Волошину и М. Цветаевой [Шалыгина, 2019]. За последние 30 лет было издано несколько переводов сборников поэзии и драматургии¹.

Чувашский поэт и переводчик Геннадий Айги (1934–2006) также может быть вписан в этот ряд, поскольку писал стихи на русском, чувашском

и французском языках. В 1960-е годы он составил антологию французских поэтов на чувашском языке, перевел произведения Ф. Вийона, Ж. Расина, А. Рембо, П. Клоделя, Л. Робеля, А. Витеза. Благодаря ему на чувашском языке зазвучали У. Шекспир, Р. Бернс, П. Целан, Э. Верхарн, Ж. Превьер, Р. Кено, Р. М. Рильке. В свою очередь, мировая культура отвечала Г. Айги взаимностью: его произведения переводились на английский, немецкий, французский, польский, венгерский языки и публиковались за рубежом. Безусловно, он известен в отечественном контексте. Его признали не только читатели и издательства, но и академические круги. В 1988 году он получил премию имени Андрея Белого за «преодоление национальной ограниченности чувашского, русского, французского языков». Россия, поле и чувашская деревня широко отображены в творчестве Г. Айги, хотя он был неоднозначно воспринят современниками. Сначала Г. Айги становится «мировым поэтом», а затем классиком отечественной литературы². Поэт говорил, что его первый язык и, следовательно, ментальность – чувашские [Врубель-Голубкина, 2016]. Н. Азарова (2016), W. S. Weststeijn (2016), В. Новиков (2016) в своих работах определили черты, на основе которых возможно считать, что творчество Айги складывалось под влиянием культурного трансфера.

Диалог между П. Клоделем и Г. Айги выстраивается не только благодаря созвучию их творчества, но и кропотливой работе деятелей культуры: переводчиков, режиссеров, литературоведов³. Например, возник многосторонний циклический трансфер: П. Клодель, как французский поэт, получивший известность в России, О. Седакова как переводчик П. Клоделя и друг Г. Айги, – как французский, русский и чувашский поэт, Л. Робель как переводчик Г. Айги и О. Седаковой, А. Витез как режиссер-постановщик П. Клоделя и друг Г. Айги.

Сопоставление «французского» у Г. Айги и носителя французской ментальности от рождения П. Клоделя позволяет проследить трансформацию чувашского во французское и наоборот.

²Подробнее см.: Франци поэҷәсем. XV–XX җәмәрсем / Г. Айги куҗарнә; худ. Ә. Юрьев. Шупашкар: Чăвашиздат, 1968; Айги Г. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Гилея, 2009; Aigui G. Hors-Commerce Aigui / textes réunis et trad. par A. Markowicz, dessins de I. Vulokh. Paris: Le Nouveau Commerce, 1993.

³Поэт, филолог и переводчик Ольга Седакова (р. 1949) познакомила русскоязычных читателей с творчеством П. Клоделя, П. Элюара, Т. Элиота, Данте и многих других авторов. Она знала лично Геннадия Айги и написала предисловие к его полному собранию сочинений; Леон Робель (1928–2020) – французский поэт, переводчик О. Седаковой и Г. Айги на французский язык, известный славист, исследователь творчества Л. Арагона; Антуан Витез (1930–1990) – французский поэт, режиссер, который поставил вершину драматического творчества П. Клоделя – пьесу «Атласный башмачок» (1987). Он был хорошо знаком с Г. Айги и называл его Малларме с Волги.

¹Клодель П. Глаз слушает. Харьков: Фолио, 1995; Клодель П. Извещение Марии. Окончательная сценическая версия / пер. с фр. О. Седаковой. М.: Христианская Россия, 1999.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ ТРАНСФЕРА

Темы творчества – наиболее крупные категории, позволяющие увидеть трансфер, поэтому обращение к тематическому моделированию при помощи модели LDA (Latent Dirichlet allocation) и библиотеки BigARTM (additive regularization for topic modeling) собрания поэтических сочинений П. Клоделя «Oeuvre poétique» (1967) и полного собрания сочинений Г. Айги (2009) позволило выделить 15 основных тем в творчестве двух поэтов¹.

Получились следующие группы тематических полей поэзии Г. Айги:

1) тема поэта как художника природы (*стих, сон, кутеж, край, дружба, москва, спать, январь, сцена, надпись*);

2) тема поэта и поэтов, их призвания (*сон, поэзия, человек, поэт, хлебников, ангел, говорить, сам, ги, ай*);

3) тема созерцания и философствования (*продолжение, родной, входит, свет, отсутствие, флокс, мгновение, забывать, давно, бездна*);

4) тема родного и родины (*мой, геннадий, тетрадь, вероник, айги, июль, дочь, пение, песня, поклон*);

5) тема судьбы (*сидеть, понятный, штаны, отныне, тяжелеть, девочка, друг, крученный, счастливый, свадьба*);

6) тема духа и души (*дух, опять, нищенство, богоподобный, пронизывать, телесный, точка, камера, поляна, родимый*);

7) тема жизни и смерти (*сон, друг, жизнь, знать, здесь, лес, бог, дом, смерть, болеть*);

8) тема символизма вещей (*горячее, игра, тайный, ярка, декабрьский, семейный, пыльный, порез, магомед, ненужность*);

9) тема всемирности (*быть, мир, ветер, лицо, слово, свет, земля, движение, воздух, страна*);

10) тема жизни как текста (*песня, содержание, космический, Достоевский, дама, интимизм, философский, роман, период, пролог*);

11) тема столкновения (*важный, заумный, младенческий, рассуждение, автор, рисунок, земля, святой, целый, недостижимость*);

12) тема судьбы провинции (*россии, геннадий, айги, россия, овраг, холм, провинция, двойник, отсутствие, вьюга, сиротство*);

13) тема памяти и воспоминаний (*женщина, издавать, движение, хранить, песок, стул, засвечиваться, разлучать, реквием, гроб*);

14) тема дороги (*отъезд, гул, шуршание, свобода, дорога, последний, воспоминание, горка, стойкий, молиться*);

15) тема радости (*праздник, выдумывать, говор, синь, крылышко, по-детски, великолепный, авангард, прозрачность, верность*).

Тематический словарь поэзии П. Клоделя формировался сложнее, из него были исключены лексемы *dieu* (Бог), *terre* (земля) и *soleil* (солнце), которые представляют собой сверхтематические поля, встречающиеся в каждой теме. В творчестве Клоделя сформировались следующие темы:

1) тема духовных и семейных отношений (*enfant, père, mère, fils, enfants, seigneur, viens, femme, bouche, dites – ребенок, отец, мать, сын, дети, господь, приди, жена, рот, говорите*);

2) тема метафизики (*mouvement, sens, forme, connaissance, matière, objet, connaît, image, corps, selon – движение, смысл, форма, знание, материя, объект, знает, изображение, тело, в соответствии с...*);

3) тема природы (*grande, vent, long, plein, route, énorme, tombe, lune, loin, lieu – большая, ветер, длинный, полный, дорога, огромный, падает, луна, далеко, место*);

4) тема возрождения (*nouveau, lumière, matin, appée, rouge, mois, lune, moisson, printemps, cloche – новый, свет, утро, год, красный, месяц, луна, урожаем, весна, колокол*);

5) тема диалога с Данте (*pieds, derrière, voix, bruit, bas, contre, tête, quatre, tour, ange – ступни, позади, голос, шум, низкий, против, голова, четыре, башня, ангел*);

6) тема открытого пространства (*poèmes, tour, ville, éventails, désert, parts, étoile, montre, d'après, passe – стихи, башня, город, веера, пустыня, части, звезда, часы, по словам, проходит*);

7) тема поэтической созерцательности (*couleur, vois, bois, derrière, feuille, pied, bout, œil, d'eau, instant – цвет, видишь, лес, позади, лист, ступня, кончик, глаз, водный, момент*);

8) тема милосердия (*peuple, jours, fini, bout, première, petits, autel, donner, parmi, enfants – народ, дни, законченный, конец, первая, маленькие, жертвенник, жертвовать, среди, дети*);

9) радость (*face, contre, tête, plein, grands, veut, rire, joie, cri, oreille – лицо, против, голова, полный, высокие, хочет, смеяться, радость, плакать, ухо*);

10) тема замкнутого пространства (*mur, quatre, côté, pied, d'or, mille, temple, portes, ombre, droit – стена, четыре, сторона, ступня, тысяча, храм, двери, тень, золотой, правый*);

¹Тексты подверглись предварительной обработке: приведены в цифровой формат, лемматизированы, были составлены стоп-листы, в которые затем были включены лексемы, которые не могут реализоваться вне контекста (например, французские артикли (la) и предлоги (de, à)), написание прописных букв не учитывалось. Стилистические средства авангардиста-Айги на данном этапе не рассматривались. Основное внимание было уделено содержательной стороне поэзии. В итоге программное обеспечение выделило 15 тем по 100 лексем в каждой.

11) тема тела и души (*âme, corps, chair, sang, esprit, vrai, mère, vin, reste, vain* – душа, тело, плоть, кровь, дух, правдивый, мать, вино, покой, тщеславный);

12) тема мгновения (*moment, voix, joie, grâce, femme, venu, nouveau, veux, nuit, amour* – момент, голос, радость, милость, женщина, имя, любовь, приехавший, новый, хочу);

13) тема призвания поэта (*propre, ensemble, corps, signe, nature, mesure, nécessaire, œuvre, travail, poids* – чистый, вместе, тело, знак, природа, мера, необходимый, творчество, работа, вес);

14) тема любви Господа (*croix, pan, jésus, besoin, amour, père, enfant, seigneur, saint, frère* – крест, сторона, иисус, нужда, любовь, отец, ребенок, господь, святой, брат);

15) тема Церкви и света души (*lumière, seule, voix, rayon, église, grande, soir, chante, âme, libre* – свет, одинокая, голос, луч, церковь, большая, вечер, поёт, душа, свободный).

Творчество обоих поэтов пересекается в теме природы, радости, созерцания, поэтического призвания. Похожи тема всемирности, тема дороги Г. Айги и темы диалога с Данте, открытого и замкнутого пространства у П. Клоделя.

Духовные и семейные отношения реализуются в русской и чувашской концептосфере как тема родного. Тема судьбы, жизни и смерти, духа и души пересекаются с телесным и духовным, любовью Господа, Церковью и светом души ввиду того, что П. Клодель – воцерковленный католик, для него служение Богу – неотъемлемая часть жизни и творчества. Тема мгновения и тема жизни и смерти, тема памяти и воспоминаний, несмотря на их близость, показывают различие культур на концептуальном уровне.

Существуют темы, которые не совпадают. Это тема судьбы провинции Г. Айги, которая посвящена переживаниям за малую родину – Чувашию, в то время как у П. Клоделя занимает метафизика – довольно специфическая тема, поэт вступает в полемику с позитивистами и материалистами.

Таким образом, в творчестве Г. Айги актуализируются константы двух культур: русской – «воля», «простор», «семья», «дом», «мать», «вера» [Степанов, 2004; Межкультурная коммуникация, 2001] и чувашской – «огонь», «снег», «ветер», «пространство», «одиночество» [Тафаев, Уруков, Николайчев, 2017].

В клоделевском творчестве проявляются следующие константы французской культуры: «дух критицизма», «любовь», «чувство собственного достоинства», «индивидуализм» [Межкультурная коммуникация, 2001].

ГРАФИЧЕСКИЙ И ФОНЕТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ ТРАНСФЕРА

Обоих поэтов отличает владение разными поэтическими техниками. Творчество П. Клоделя многообразно: стихотворение в прозе, нерифмованный, белый, стих или произведения с разной рифмовкой, строфикой и ритмикой, например, написанное в духе авангардистских течений XX века:

Le sommeil dans le chagrin	Сон в печали
Il faut dormir	Надо спать
Tout dort	Всё спит
Il faut souffrir	Надо страдать
La mort.	Смерть.
Il faut souffrir la mort	Надо перенести смерть
Le jour est mort	День мертв
Dors	Спи
Le ciel en or	Небо в золоте
Dort dort dort dort dort	Спит спит спит спит спит
dort dort !	спит спит!
Plus une plainte !	Больше никаких жалоб!
Plus un souffle	Нет больше дыхания
Plus une crainte	Нет больше страха
Que n'étouffe	Который душит
Le port	Порт
Dors dors	Спать спать
–	–
Le port d'or	Золотой порт
Dors dors	Спи спи
Plus rien	Больше ничего
Mal et bien	Плохо и хорошо
Tout est bien	Всё хорошо
Je viens	Я прихожу
Je dors	Я сплю
Tout est mort	Всё мертво
Je dors	Я сплю
Tout est mort	Всё мертво
Je dors	Я сплю
Tout est mort	Всё мертво
Je dors.	Я сплю.
1905	Подстрочный перевод К. Банникова

Он создатель собственной строфы, «клоделевского версета», суть которой, заключается в существовании некоего «библейского нерифмованного версета» с нефиксированной длиной строки. Библейский версет становится основой мышления Клоделя-поэта. В нем важная композиционная роль отводится повторам. Такое стихотворение должно быть прочитано громким декламационным тоном [Великовский, 1994]. Например, стихи, написанные по мотивам Magnificat, славословия Девы Марии из Евангелия от Луки:

Magnificat	Магнификат
<p>Mon âme magnifie le Seigneur. O Les longues rues amères autrefois et le temps où j'étais seul et un! La marche dans Paris, cette longue rue qui descend vers Notre- Dame! Alors comme le jeune athlète qui se dirige vers l'Ovale au milieu du groupe empressé de ses amis et de ses entraîneurs, Et celui-ci lui parle à l'oreille et le bras qu'il abandonne, un autre rattache la bande qui lui serre les tendons, Je marchais parmi les pieds précipités de mes dieux! Moins de murmures dans la forêt à la Saint Jean d'été. Il est un moins nombreux ramage en Damas quand au récit des eaux qui descendent des monts en tumulte S'unit le soupir du désert et l'agitation au soir des hauts platanes dans l'air ventilé, Que de paroles dans ce jeune coeur comblé de désirs! O mon Dieu, un jeune homme et le fils de la femme vous est plus agréable qu'un jeune taureau! Et je fus devant vous comme un lutteur qui plie, Non qu'il se croie faible, mais parce que l'autre est plus fort. Vous m'avez appelé par mon nom Comme quelqu'un qui le connaît, vous m'avez choisi entre tous ceux de mon âge.</p> <p>1907</p>	<p>Моя душа возвеличивает Господа. О длинные горькие улицы прошлого и времени, когда я был одинок и один! Прогулка по Парижу, по этой длинной улице, которая спускается к Нотр-Дам! Как молодой атлет, который направляется к стадиону среди нетерпеливой группы друзей и тренеров, И этот говорит ему на ухо и руку, которую он освобождает, другой привязывает ленту, которая сжимает его сухожилия, Я ходил среди ниспосланных ног моих богов! Меньше бормотаний в лесу в Иванов день. В Дамаске меньше ярости, когда рассказывается о водах, которые спускаются с бурных гор, Соединяется вздох пустыни и возбуждения высоких платанов в воздухе, наполненном ветром, Сколько слов в этом молодом сердце, наполненном желаниями! Боже мой, юноша и сын женщины более для вас приятен, чем молодой бык! И я стоял перед вами, как изгибающийся борец, Не то, что он думает, что он слаб, а потому что другой сильнее. Вы назвали меня по имени Как человек, который знает его, вы выбрали меня среди всех тех, моего возраста</p> <p><i>Подстрочный перевод К. Банникова</i></p>

Стихи Г. Айги тоже написаны с рифмой и без, встречаются и произведения, близкие к прозе, их стиль определяют графические и ритмические приемы (см. сон: *дорога в поле*).

Г. Айги, когда уже сам пишет по-французски, не просто повторяет наработанное, но вкладывает свое. Для поэта в данном случае важно не столько значение слова, сколько звучание, ритм и графика, что дает поэтический результат. Он входит в чужую культуру с помощью универсального языка ритма и музыкальности [Гаспаров, 2003]. Языки, через которые поэт живет, достраивают

сон: дорога в поле
зачем тебе – почти несуществующему
искать другого –

праха не имеющего?.. –
что от дороги примешь? тень ее
содержит что-то...

пищу неземную:
не там она... тебе не обнаружить
следов того –

кто раньше посетил...

1967

его ментальность [Азарова, 2016]. Среди характерных черт Айги – тире в начале предложения и дефисы в словосочетаниях, переводящие их в разряд существительных (*-ici la cloche du Tyrol se chante, de-l'âme-du-regard*), айгистское «молчание», или «тишина», выраженное многоточием [Мартынов, 2016]. Он «тянет» гласные (*une riviè-è-re*), гласные в поэзии Г. Айги живут в пространстве, в отличие от него П. Клодель в этом более

риторичен. Это нетипично для аффективного выделения во французском языке, так как оно обычно совершается с помощью приступа, *coup de glotte*, если слово начинается с гласной, либо на переход начальной согласной в разряд практически взрывных (например, *m-m-magnifique*) [Grevisse, 2008], всё это сохраняет узнаваемость и одновременно уникальность стиля Айги на французском языке:

des feuilles familières (comme un vieux chandail)
et la patrie brouillard – toujours plus proche
de-l'âme-du-regard – d'une lointaine très lointaine
(comment dire cela ?) maman... –

– ici la cloche du Tyrol se chante
entière : une riviè-è-re : découverte
elle – ou le sang le plus pur ... –

1993

знакомые листья (как старый свитер)
и туманная родина – всегда ближе
души-взгляда – далекой очень далекой
(как это сказать?) мамы ... –

– здесь поется тирольский колокол
целиком: река-а-а: открытие
она – или чистойшая кровь

Подстрочный перевод К. Банникова

В стихах Г. Айги может быть и другой поэтический поворот: отсутствие коммуникативного тире,

заглавных букв в начале строки и рифмы, тишина, выраженная через молчание:

Nuit pour printemps

le seuil est noir
il y a de la peur dans les habits
un arbre un animal lequel
qui par îlots en flammes
dangereux pour la raison vogue

le coq marque d'un cri l'effondrement
au loin d'un morceau de la terre
et la nuit garde ses poteaux ses failles
par un feu inconnu aimantés à distance
pour faire place aux champs de blanc
ombrer les bords de la clairière

1993

Ночь для весны

порог черный
в одежде есть страх
дерево животное, которое
какое островками в огне
опасно по известной причине

петух обозначает криком обвал
далеко от куска земли
и ночь держит свои границы, свои недостатки
неизвестным огнем намагниченным на расстоянии
чтобы освободить место для белых полей
оттень края поляны²

Подстрочный перевод К. Банникова

Образ ночи перекликается с клоделевским стихом в прозе из его программного «Познания Востока». Например, в «Ville la nuit», отбросив форму, можно проследить схожее представление образа ночи в поэзии обоих авторов: ночь

(nuit) связана с огнем и огнями (feu), таинственностью. При этом клоделевская восточная ночь полна запретов, полиции и курения опиума, тогда как ночь Айги – в деревне среди полей и криков петуха:

Ville la nuit

Il pleut doucement, la nuit est venue. Le policier prend la tête, et, cessant de parler de l'époque où, marmiton lui-même dans le corps d'occupation, il vit le chef de bataillon installé dans le sanctuaire du Génie de la Longévité, il tourne à gauche.

Ночной город

Накрапывает дождик, пришла ночь. Полицейский идет впереди, и, оставив рассказ о временах, когда он служил поваренком в оккупационных войсках, и видел, как начальник батальона поселился в святилище божества долголетия, поворачивает налево.

Le chemin que nous suivons est singulier : par une série de venelles, de passages, d'escaliers et de poternes, nous débouchons dans la cour du temple, qui, de ses bâtiments aux faîtes onglés, aux longues cornes angulaires, fait au ciel nocturne un cadre noir.

Un feu sourd émane du portique obscur. Nous pénétrons dans la salle. L'autre est rempli d'encens, embrasé d'une clarté rouge; on ne voit point le plafond. Une grille de bois sépare l'idole de ses clients et de la table des offrandes où sont déposés des guirlandes de fruits et des bols de nourriture; on distingue vaguement le visage barbu du géant. Les prêtres, assis autour d'une table ronde, dînent. Contre le mur, un tambour, énorme comme un foudre, un grand gong en forme d'as de pique. Deux cierges rouges, pareils à des pilastres carrés, se perdent dans la fumée et la nuit où flottent vaguement des banderolles. En marche !

Январь 1896

Он выбрал необычный путь: минуя вереницу улочек, переходов, лестниц и потайных дверей, мы оказываемся во дворе храма, что обрамляет ночное небо острыми коньками крыш с длинными рогами по углам.

За темным портиком горит слабый огонь. Мы входим в зал. Храмина заполнена фимиамом, озарена красным пламенем, потолка не видно. Деревянная решетка отделяет идола от его поклонников и от стола с приношениями, где сложены груды фруктов и пиалы с едой; смутно виднеется бородатое лицо великана. Жрецы ужинают за круглым столом. У стены стоит барабан, огромный как бочка, и большой гонг в форме пикового туза. Две красные свечи, подобные квадратным столбикам, теряются в дыме и ночной темноте, где едва различимы флажки. Отправляемся в путь!

Перевод А. Курт и А. Райской

Клодель отстаивал диакритики в *poëte* и *poète*, а также составил словарь западных идеограмм на манер восточных, в которых описал скрытый смысл привычных слов. Айги не раз признавался в поэтической любви к гласным, например, в «Спокойствии гласного» (1982) и в «Лесе старинном» (1963).

ГЕННАДИЙ АЙГИ – ПЕРЕВОДЧИК ПОЛЯ КЛОДЕЛЯ

Одна из вершин диалога двух поэтов – перевод Г. Айги произведения «Reprenez le talent» П. Клоделя на чувашский язык в антологии французских писателей – прямой результат трансфера. Поэт трансформирует смыслы, превращая французские концепты в чувашские.

	ПУС ЯРСАН СЫРНИСЕМ
Reprenez le talent que vous m'avez donné! Le banquier n'en veut point : ceci n'a cours ni change. J'ai porté, j'ai montré partout ce sicle étrange, Nul marchand ne l'honore et rien de lui est né.	Пилленё таланта калла илсенччё халё! Банкир а́на илмест, а́на вӓл кирлӓ мар, Вӓл – хаксӓр тенкӓ пек. Вӓл – юрӓхсӓр тавар, – Мӓн тӓвӓ вӓл унпа? Мӓскер унран суралӓ?
Nul n'en a reconnu la marque et la matière. Moi je sais seulement qu'il est lourd dans ma main. Je ne l'ai point gâté; quand vous viendrez demain, Je vous rapporterai la pièce tout entière.	Мӓнрен вӓл, ятсӓрскер? Мӓнпе а́на виҫейӓр? Ман аллӓм сҫҫ туать ун виҫине ялан. Пӓсма та сук а́на: епле пӓсма пӓлейӓр? Вӓр сӓнӓллех а́на эп тавӓрӓп ыйтсан.
Tirez-en le profit vous-même! La voici. Reprenez-la. Je sais que vous êtes avare. Vous qui tirez des fruits d'un sol dur et barbare, Reprenez tout le bien dont vous m'avez saisi.	Пит ӓмӓтсӓр эсир, – тен, хӓвӓрах сисетӓр? Илсемӓр сӓк тенке: тен, йышӓнӓ пасар? Хыт тӓпрараи эсир тем те илме пӓлетӓр, – Ман талантран эсир тӓвайӓр-и тавар?
Je suis le laboureur sur ses sillons arides! Du travail de mes mains rien ne m'est revenu. Si vous redemandez vos arrhes, je suis nu. Si vous cherchez ce que j'ai fait, mes mains sont vides.	Чи хаклӓ вӓрлӓха эп тӓрӓшса акатӓп, – Хам сҫҫ пухассӓм сук нихсан та хам мула. Пилленине парсан эп сӓрамас юлатӓп, «Мӓн пур-ха сан?» – тесен кӓтартӓп пуш алла
	Перевод Айги, 2008

	Запись головных мыслей
<p>Заберите талант, который вы мне дали! Банкир его не хочет: у него ни котировок, ни курса. Я относил, я показывал этот странный сикль везде, Ни один торговец не чтит его и ничего от него не рождается.</p>	<p>Талант благословения сейчас взять бы назад Банкир его не берет, оно ему не нужно Оно бесценно. Оно ненужный товар Что он будет делать с ним? Что родится от него?</p>
<p>Никто не узнал марку и материал. Я только знаю, что он тяжелый в моей руке. Я его ничуть не испортил; когда вы придете завтра, Я вам принесу всю монету целиком.</p>	<p>Отчего он безымянный? Чем его взвесить? Только моя рука чувствует его вес всегда Сломать его тоже нельзя: как сломать знаете? Спросив, я поверну его по-новому</p>
<p>Воспользуйтесь этим сами! Вот она Заберите ее. Я знаю, что вы скупы. Вы, пожинающие плоды из твердой, варварской почвы, Заберите у меня всё добро, что вы отняли у меня.</p>	<p>Без мечты вы – только сами чувствуете? Берите эти деньги: может базар возьмет? От жесткой земли вы что угодно знаете брать Из моего таланта можете ли вы сделать товар?</p>
<p>Я пахарь на своих засушливых бороздах! От работы моих рук мне ничего не вернулось. Если вы попросите назад свой задаток, я гол. Если вы ищете то, что я сделал, мои руки пусты</p>	<p>Самые дорогие семена я старательно сажаю Только сам никогда не смог бы собрать свое богатство Отдав счастье, я останусь голый Если спросят «Что у тебя есть?» покажу пустую руку</p> <p style="text-align: right;"><i>Перевод с чувашского Н. П. Осипова</i></p>

Как видно из цитаты, *talent* (*талант*) трансформируется в *пилленё таланта* (*талант благословения*), Г. Айги подчеркивает врожденную, божественную природу, в то время как клоделевское *vous* (*вы*) многосмысленно, оно означает как обращение к Богу, так и к толпе.

Клоделевская прямолинейность и повелительность *Reprenez le talent* (*Заберите талант!*) трансформируется в сослагательное наклонение и желательность *илсенччё халё* (*сейчас взять бы назад*).

Котировки и курс, уточнение того, что монета древняя – *sicle* (*сикль*) показывают непригодность таланта поэта для современного общества, П. Клодель также подчеркивает ее священность. Г. Айги стирает эти смыслы, для него это не деньги, но товар. Г. Айги перестраивает метафору *talent – sicle*, *talent – pièce* (*талант – сикль / талант – монета*) в *талант – тавар* (*талант – товар*), благодаря этому проявляется игра слов *тавар* (*товар*), *тавёр* (*поворачивать, возвращать назад, отдавать*) и *тāv* (*делать*).

Частый повтор вопросительных предложений, подчеркивающих безысходность и ненужность таланта, а также диалогичность, так проявляется ярче традиционная для поэзии тема поэта и толпы: *Мён тāvё вāl унна? Мёскер унран суралё? Мёнрен вāl, ятсёрскер? Мённе āна вицейёр? (Что он будет делать с ним? Что родится от него? Отчего он безымянный? Чем его взвесить?)*

Эта дихотомия подчеркивается с помощью констатации в первоисточнике: *Je sais que vous êtes avare. Vous qui tirez des fruits d'un sol dur et barbare, Reprenez tout le bien dont vous m'avez saisi* (*Я знаю, что вы скупы. Вы, пожинающие плоды из твердой, варварской почвы, Заберите у меня всё добро, что вы отняли у меня*), она же переносится Г. Айги в перевод *Пит ёмётсёр эсир* (*Без мечты вы*).

Возникает контраст образов, П. Клодель винит не себя в тяжести таланта, а окружающих, которые не всегда могут его понять: *Je suis le laboureur sur ses sillons arides!* (*Я пахарь на своих засушливых бороздах*) – *Чи хаклā вāрлāха эп тāрāшса акатāп* (*Самые дорогие семена я старательно сажаю*).

Г. Айги делает перевод рифмованным, но рифму не сохраняет: в стихах П. Клоделя она кольцевая, в то время как Г. Айги оставляет кольцевую рифму только в первой строфе, а в остальных делает перекрестную.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

И у Клоделя, и у Айги художественный мир очень богат, но каждый по-своему, наличие сходств и различий подчеркивает единство круга поэтического общения и интересов.

Форма и манера подачи поэтического слова может быть схожей, в то время как содержательность и разноязычие раскрывают индивидуальные черты, создавая универсальный язык поэзии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дмитриева Е. Е. Теория культурного трансфера и компаративный метод в гуманитарных исследованиях: Оппозиция или преемственность? // Вопросы литературы. 2011. № 4. С. 302–313. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2011/4/dm16.html>
2. Espagne M. La notion de transfert culturel, *Revue Sciences / Lettres*. 2013. № 1. URL: <http://journals.openedition.org/rs/219>
3. Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер / пер. с фр. под общ. ред. Е. Е. Дмитриевой. М. : Новое литературное обозрение, 2018.
4. Шалыгина О. В. «Золотые головы» в драматургии М. Цветаевой и ее несостоявшийся перевод драмы П. Клоделя «Златоглавый» // Литературный факт. 2019. № 3 (13). С. 270–289.
5. Врубель-Голубкина И. Разговоры в зеркале. М. : Новое литературное обозрение, 2016.
6. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М. : Академический Проект, 2004.
7. Межкультурная коммуникация. Ч. II. Национальная концептосфера / под ред. В. Г. Зусмана. Нижний Новгород : Деком, 2001.
8. Тафаев Г. И., Уруков В. Н., Николайчев А. Л. Болгарская R-язычная цивилизация. Чебоксары : Чувашия, 2017
9. Великовский С. И. Поэзия: [Французская литература на рубеже XIX и XX веков] // История всемирной литературы: в 8 т. / АН СССР ; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М. : Наука, 1983–1994. Т. 8. 1994. С. 242–257.
10. Гаспаров М. Л. Очерк истории европейского стиха. М. : Фортуна Лимитед, 2003.
11. Азарова Н. Многоязычие Айги и языки-посредники // *Russian Literature*. 2016. Vol. 79–80 P. 29–44.
12. Мартынов М. Метатекстовые параметры повторов в творчестве Геннадия Айги // *Russian Literature*. 2016. Vol. 79–80, P. 135–145.
13. Grevisse M. *Le bon usage. Grammaire française* 14e. éd. refondue par Goosse A. Paris-Gembloux: Duculot, 2008.

REFERENCES

1. Dmitrieva E. E. (2011). *Teorija kul'turnogo transfera i komparativnyj metod v gumanitarnyh issledovanijah: Opozicija ili preemstvennost'?* = Theory of cultural transfer and the comparative method in humanitarian research: Opposition or continuity? *Voprosy literatury*, 4, 302–313. <http://magazines.russ.ru/voplit/2011/4/dm16.html> (In Russ.)
2. Espagne M. (2013). *La notion de transfert culturel*. *Revue Sciences / Lettres*, 1. <http://journals.openedition.org/rs/219>
3. Espagne M. (2018). *Istoriya tsivilizatsii kak kul'turnyi transfer = L'histoire de la civilisation comme transfert culturel* / Ed. by E. E. Dmitrieva. Moscow, 2018. (In Russ.)
4. Shalygina O. V. (2019). «Zoloty golovy» v dramaturgii M. Tsvetaevoi i ee nesostoyavshiisya perevod dramy P. Klodelya «Zlatoglavyi» = «Golden heads» in the dramaturgy of M. Tsvetaeva and her failed translation of the drama by P. Claudel «Golden-domed». *Literaturnyy fakt*, 3(13), 270–289. (In Russ.)
5. Vruble'-Golubkina I. (2016). *Razgovory v zerkale = Conversations in the mirror*. Moscow. (In Russ.)
6. Stepanov Yu. S. (2004). *Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury = Constants: Dictionary of Russian Culture*. Moscow. *Academicheskyy Proekt* (In Russ.)
7. *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. (2001). Chast' II. *Natsional'naya kontseptosfera = Intercultural communication. Part II. National concept sphere*. Nizhny Novgorod. (In Russ.)
8. Tafaev G. I., Urukov V. N., Nikolaychev A. L. (2017). *Bolgarskaya R-yazychnaya tsivilizatsiya = Bulgarian R-speaking civilization*. Cheboksary: *Tshuvashiya* (In Russ.)
9. Velikovskiy S. I. (1994). *Poeziya: Frantsuzskaya literatura na rubezhe XIX i XX vekov = Poetry: French Literature at the Turn of the 19th and 20th Centuries*. *History of World Literature*, 8, 242–257. (In 8 Vol.). Moscow, 1983–1994. (In Russ.)
10. Gasparov M. L. (2003). *Ocherk istorii evropeiskogo stikha = Essay on the history of European verse*. Moscow. (In Russ.)
11. Azarova N. (2016) *Mnogoyazychie Aigi i yazyki-posredniki = Aigi multilingualism and intermediary languages*, *Russian Literature*, 79–80, 29–44. (In Russ.)
12. Martynov M. (2016). *Metatextovyye parametry povtorev v tvorchestve Gennadiya Aigi = Metatextual parameters of repetitions in the work of Gennady Aigi*. *Russian Literature*, Vol. 79–80, 135–145. (In Russ.)
13. Grevisse M. (2008) *Le bon usage. Grammaire française* 14e. éd. refondue par Goosse A. Paris-Gembloux: Duculot.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Банников Константин Валерьевич

старший преподаватель департамента литературы и межкультурной коммуникации
факультета гуманитарных наук Нижегородского филиала Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bannikov Konstantin Valerievich

Senior Lecturer, Department of Literature and Intercultural Communication, Faculty of Humanities,
National Research University Higher School of Economics

Статья поступила в редакцию 16.05.2022
одобрена после рецензирования 13.06.2022
принята к публикации 11.07.2022

The article was submitted 16.05.2022
approved after reviewing 13.06.2022
accepted for publication 11.07.2022

Научная статья

УДК 82.0

DOI 10.52070/2542-2197_2022_8_863_138

Роман Дона Делилло «Белый шум»: регрессивное отождествление нарративных функций автора и героя

А. П. Бондарев¹, Д. В. Левашов²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹prosaika@yandex.ru

²literatura_mglu@mail.ru

Аннотация. Постмодернистский роман Дона Делилло «Белый шум» рассматривается в статье как результат инволюции познавательных компетенций «всеведущего автора» романа классического реализма до уровня наивного сознания героя-рассказчика плутовского романа, неспособного увидеть в своей судьбе выражение объективных закономерностей эпохи. Преследующий Джека Гладни психотический страх смерти выступает защитной реакцией его диссоциированной психики, уклоняющейся от призыва *самости* – ответственного центра личности – разорвать пути обывательского конформизма, чтобы, откликнувшись на требования трансценденции, эмансипироваться от филистерской экзистенции.

Ключевые слова: автор, рассказчик, герой, отчуждение, симулякр, самость

Для цитирования: Бондарев А. П., Левашов Д. В. Роман Дона Делилло «Белый шум»: регрессивное отождествление нарративных функций автора и героя // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 8(863). С. 138–143. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_8_863_138

Original article

Don DeLillo's Novel "White Noise": Regressive Identification of the Narrative Functions of the Author and the Hero

Alexandre P. Bondarev¹, Danil V. Levashov²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹prosaika@yandex.ru

²literatura_mglu@mail.ru

Abstract. The postmodern novel by Don DeLillo is considered in the article as the result of the involution of the cognitive competencies of the "omniscient author" of the classical realism novel to the level of the naive consciousness of the hero-narrator of the picaresque novel, unable to see in his fate an expression of the objective laws of the era. The psychotic fear of death haunting Jack Gladney acts as a defensive reaction of his dissociated psyche, evading the call of the self, the responsible center of the personality, to break the fetters of philistine conformism in order to emancipate itself from philistine existence by responding to the demands of transcendence.

Keywords: author, narrator, hero, alienation, simulacrum, self

For citation: Bondarev, A. P., Levashov, D. V. (2022). Don DeLillo's novel "White Noise": regressive identification of the narrative functions of the author and the hero. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(863), 138–143. 10.52070/2542-2197_2022_8_863_138

АВТОР И ГЕРОЙ В ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Компетенция литературоведения как филологической дисциплины состоит в изучении способов художественной объективации гносеологических моделей философии, истории, культурологии, психологии и других, смежных с ними гуманитарных наук. В статье «Автор и герой в эстетической деятельности» М. М. Бахтин изложил свое видение сюжетобразующего диалога автора и героя, подразделяющего их отношения на три основные разновидности: «герой завладевает автором»; «автор завладевает героем»; «герой является сам своим автором» [Бахтин, 1979, с. 18–21]. В первом случае читатель имеет дело с героем, познавательно трансгредиентным автору. Во втором – с объектным героем. В третьем – с героем, расширившим свое сознание до масштабов авторского кругозора.

Постмодернистский роман Дона Делилло «Белый шум» («White noise», 1985) – пример полемического по отношению к бахтинской классификации понижения познавательного потенциала автора и героя вплоть до их *отождествления*. Герой-рассказчик, Джек Глэдни, не «завладевает автором», т. е. не превращает его в объект своей рефлексии. Но и автор не изображает психику героя как диссоциированную. Наконец, разорванное сознание потерянного героя не позволяет ему стать своим собственным автором. Кругозоры автора и героя уравниваются парализующим их когницию абсурдом.

Дискурсивная практика Делилло – вариант «повествования от первого лица». Таковой была жанровая форма ранних образцов романа Нового времени, представленная испанской пикареской. Литературная эволюция породила романские разновидности, реагирующие на непрерывно усложняющиеся социально-исторические условия борьбы героя за существование. Сменяя друг друга, плутовская, авантюрная, испытательная, воспитательная, антивоспитательная, любовно-психологическая, семейная, социально-психологическая и другие романские традиции объективировали очередную стадию становления героя – отражали поэтапное возрастание его когнитивной, этической и эстетической компетенции.

«Эпистемологическая неуверенность» литературной эстетики постмодернизма купировала миметическую традицию становления, возвратив роман Делилло к ранним прозаическим жанрам Нового времени. «Белый шум» отразил этап регрессии авторского сознания к мировосприятию героя, проблематизированному феноменом *отчуждения*.

Симбиотическая школа фрейдомарксизма выявила в марксизме и фрейдизме сближающий их интерес к роли *бессознательного* в производственном процессе, отчуждающем его участников, как от результатов их труда, так и от их «человеческой сущности». В «Немецкой идеологии» (1846) К. Маркс и Ф. Энгельс описали результаты порабощения индивидов возвышающейся над ними тиранией технического прогресса: «Вследствие того, что сама совместная деятельность возникает не добровольно, а стихийно, она представляется данным индивидам не как их собственная объединенная сила, а как некая чуждая, вне их стоящая власть, о происхождении и тенденциях развития которой они ничего не знают» [Маркс, Энгельс, 1955, с. 33].

Философская антропология эффективно применяет выявленную фрейдомарксизмом диалектику «сознательного» / «бессознательного» к реалиям современного общества потребления. Неспособность менталитета обывателя диагностировать зависимость диссоциированной психики и разорванного сознания от репрессивной культуры буржуазной цивилизации объективно, помимо воли автора, вырастает в конструктивный принцип романа «Белый шум».

Джек Глэдни – герой-рассказчик, непосредственный участник и опосредованный рефлектор разворачивающихся в нем и вокруг него событий, предстает жертвой системного кризиса постиндустриальной цивилизации. Фрагментарность его сознания вербализуется в дискретности порождаемого им дискурса, возвращающего роман к практике раннего натурализма – нерелевантной фиксации разрозненных эмпирических фактов.

ДЕСТРУКТИВИЗМ ВНЕШНИХ И ВНУТРЕННИХ ВОЗДЕЙСТВИЙ

В 1984 году, за год до публикации романа «Белый шум», на заводе дочерней организации «Union Carbide», в индийском городе Бхопале, произошел выброс 42 т токсичного метилизоцианата (МИК), химического вещества, используемого для производства карбаматных пестицидов. Авария унесла жизни 18 тыс. человек. Позднее их трагическую судьбу разделили еще несколько десятков тысяч жертв смертельного отравления. В 1986 году разразилась печально знаменитая катастрофа на Чернобыльской АЭС.

Роман Делилло, удостоенный «Национальной книжной премией за художественную литературу» (*National Book Award for Fiction*, 1985), прочитывается как зловещая антиутопия – футурологическое пророчество наступления эры техногенных катастроф, чреватых необратимыми последствиями

для психики, сознания и самого существования человечества. Во второй части – «Воздушно-токсичное событие» – с использованием стилистического приема нисходящей градации описываются умножающиеся негативные результаты патогенного выброса ядовитого облака, накрывающего городок Блэксмит и его окрестности. Экологическая катастрофа послужила триггером диссоциации психики Джека Глэдни, заведующего «кафедрой гитлероведения» гуманитарного «Колледжа-на-холме».

Технический термин «белый шум» выполняет в романе функцию метафоры, которая соотносит «стационарный шум», характеризующийся постоянством «средних параметров», с навязчивой фобией, развивающейся в психотический страх смерти. Латентная логика событий подводит читателя – молчаливого участника диалога между автором, рассказчиком и героем – к заключению, что причину неспособности Джека и его супруги Бабетты противостоять внешним (техногенным) и внутренним (психическим) деформациям следует искать в десятилетиями складывавшейся бездумной филистерской жизни. Навык не критического усвоения навязываемых рекламной пропагандой поведенческих реакций парализует спонтанный процесс «личностного роста» (К. Хорни). Угнетенная стереотипами постмодернистской культуры *самость* – ответственный центр личности – утратила функцию гармонизирующего регулятора познавательных отношений между сознанием и действительностью [Жукова, 2008].

Инфантильное намерение Бабетты разрешить одну из величайших нравственных проблем человечества с помощью фармакологии побуждает ее обратиться к шарлатану Вилли Минку, будто бы создавшему экспериментальный препарат *дилар* (*Dylar*), избавляющий психотиков от шума внутренней тревоги.

СИМУЛЯКРЫ РЕАЛЬНОСТИ И СОЗНАНИЯ

Пропагандистские симулякры навязывают обществу потребления не критичное принятие способов социальной адаптации. Некая управленческая структура под названием SIMUVAC («simulated evacuation») – «имитированная эвакуация» – в репетиционном режиме отработывает автоматические реакции людских групп на случай наступления форс-мажорных обстоятельств.

Ирония, не исходящая ни от автора, ни от героя-рассказчика, но возникающая в результате читательского соотнесения поверхностных суждений персонажей о событиях с внутренней логикой этих событий, спонтанно рождает риторический вопрос:

«Почему случаи техногенных аварий и провоцируемых ими психических дисфункций не побуждают власти обратиться к поискам эффективных способов их предотвращения?». Выяснение социально-экономического генезиса усугубляющегося неблагополучия подменяет вещающий из громкоговорителя поставленный мужской голос:

Это могут быть и насыщенные химикатами облака, и радиоактивный пар, и дымка неизвестного происхождения (*Д. Деллито, Белый шум*).

Разумеется, превентивные репетиционные меры отвечают представлениям о гуманизме, но не устраняют главной причины – погони производственных корпораций за прибылью, безразличной к здоровью и жизни людей: «Мы собрались ради имитации. При подлинных чрезвычайных обстоятельствах любая заминка может стоить человеческих жизней». И Генрих, старший сын Джека и Бабетты, облачившись в оранжевый жилет с отражателем, объясняет свое намерение исполнять обязанности старосты улицы филантропическими мотивами: «Когда-нибудь это, возможно, спасет ей жизнь». Однако фабульный контекст, помимо воли автора и рассказчика, настойчиво возобновляет безответный вопрос экзистенции: как спасшиеся от отравления люди распорядятся возвращенными им жизнями? После тягостных ночных откровений о преследующих ее панических атаках, Бабетта призывает мужа:

Давай просто продолжать жить, как жили. Давай пообещаем друг другу сделать для этого всё, что в наших силах (*Д. Деллито, Белый шум*).

Между тем «стационарный шум», складывающийся из вертолетного гула, рева сирен, гудков автомобилей, командных выкриков полицейских и пожарных, истошного лая собак, превращается в реальность их повседневности, *исключаящей* возвращение в прошлую жизнь. «А что, если смерть – всего-навсего звук?» – неожиданно для себя предполагает Бабетта. Эфир, «загрязняемый» рекламными призывами, распоряжениями властей, имитациями катастроф, незаметно подменяет *означаемое* *означающим* – действительную жизнь симулякрами. Стихийно защищаясь от агрессивной виртуальности означающего, семья Глэдни ставит себя в уязвимое положение по отношению к означаемому. Узнав о приближении ядовитого облака, дети и родители не реагируют на вой сирен и не прерывают ужин, подменяя действительное желаемым, как в поэме Э. А. По «Ворон»:

Это, верно, – прошептал я, – гость в полночной
тишине,
Гость стучится в дверь ко мне
(Пер. К. Д. Бальмонта).

В коридоре наверху сработала пожарная сигнализация – либо свое отслужила батарейка, либо дом загорелся. Доедали мы молча (Д. Деллито, *Белый шум*).

Также и малодушное уклонение Джека от давно назревшего визита к лечащему врачу мотивируется его страхом услышать из его уст свой смертный приговор.

Игнорирует Глэдни и звук срабатывающей у пункта сбора пожертвований сигнализации. Зато его истерическое воображение компенсирует нехватку фактических данных визуальными и звуковыми галлюцинациями. Болезненная фантазия рисует «реальный» образ Бабетты в объятиях злоежущего Вилли Минка, доносит до его ушей «шелест их любовной прелюдии, ласковый лепет, шорох плоти».

Главу «Воздушно-токсичное событие» завершает двусоставное слово «Панасоник»: от лат. *pan* – *всё* и *sonic* – *звуковой*.

СТРАХ – АЛАРМИСТСКИЙ ПРИЗЫВ САМОСТИ

Преследующий Бабетту и Джека панический страх – психологическая защита консервативного сознания от исходящего от самости требования очнуться от дремотного филистерского прозябания. Ведь обретение утраченного смысла откроет перед сознанием перспективу определения параметров *общественно необходимого труда*, способного вывести постиндустриальную цивилизацию из замкнутого цикла перепроизводства и сверхпотребления. Однако псевдонаучные исследования Джека Глэдни порождаются вовсе не насущным интересом к социально-экономическим условиям возникновения нацизма. Конференция, собравшая более девяноста «специалистов по гитлеризму», констатировала, что не один Глэдни одержим погоней за сенсациями. Ожидаемо бессодержательный «доклад» заведующего кафедрой не радует докладчика и не впечатляет разношерстный состав участников. Оставив в стороне вопрос о генезисе неонацизма, он свелся к легкомысленному перечню известных биографических сведений, касающихся любимой собаки фюрера и окружавших его женщин. Глэдни подменяет углубленное изучение феномена фашизма спорадическими уроками немецкого в надежде произвести впечатление на слушателей, однако мало преуспевает и в этом.

А тем временем сжимающий хватку синдром страха окончательно парализует его профессиональный рост. Профессор мается неприкаянностью, бесцельно слоняется по дому, по кампусу, по лабиринтам торговых рядов супермаркета, обменивается пустыми репликами с женой, детьми, коллегами, знакомыми. Отчужденный от действительности, он не предпринимает попыток разобрататься в причинах неудач своих четырех браков, заключенных с так и оставшимися загадочными для него женщинами:

Первым и четвертым браком я сочетался с Дейной Бридлав, матерью Стеффи (Стефани). В первом браке мы прожили *неплохо* (выделено нами. – А. Б.), и это вдохновило нас на повторную попытку... Когда мы ее предприняли – после безрадостных эпох Дженет Сейвори и Твиди Браунер, – всё опять пошло наперекосяк (Д. Деллито, *Белый шум*).

Роняемые Джеком по разным поводам отрывочные суждения подводят читателя к выводу, что герой – ненаблюдательный, а потому малоинтересный, не привыкший к труду интроспекции рассказчик.

Композиционный прием нисходящей градации констатирует ухудшение его психосоматического состояния и прогрессирующую диссоциацию его сознания. Его претенциозные высказывания загрязняются логическими и синтаксическими сбоями, немотивированным употреблением синезтезии и оксюморона:

Эти люди [Лашер и Траппа – нью-йоркские эмигранты. – А. Б.] тоскуют по черно-белому, а в стремлениях каждого доминируют ахроматические тона, их личные оттенки послевоенной городской серости, возведенные в абсолют (Д. Деллито, *Белый шум*).

ДИАЛОГИ ПО «ПОСЛЕДНИМ ВОПРОСАМ»

Супруги и их четверо детей «бродят в чаще», но не символов, а симулякров – готовых ответов на нерешенные вопросы. В их обсуждение вовлекаются одновременно пять – шесть разновозрастных членов семьи. Сформулированная теза парадоксально обесценивается антитезой, которую постигает та же участь. Обмен репликами вспыхивает и гаснет, лишая собеседников возможности получить удовлетворяющий их нестойкое любопытство ответ.

Шарлатанские «исследования» Глэдни, равно как и разрабатываемый его коллегой Марри, Мюрреем Джеем Зискиндром, теоретический курс по «кинематографу транспортных аварий»,

востребованы не актуальным состоянием гуманитарных наук, а академической конъюнктурой.

Бабетта решается на нелепую измену мужу с торговцем бодрящей «сомы» в надежде избавиться от размышлений над фундаментальными вопросами человеческого существования.

Возможность принципиальных диалогов отвергается сюрреалистическим коллажем гротескных деклараций Марри. Парадоксалист утверждает, что фиксируемые кинематографом и телевидением автокатастрофы проникнуты жизнеутверждающим пафосом:

Я считаю эти катастрофы, – импровизирует Марри, – частью давней традиции американского оптимизма. Это позитивные явления, проникнутые старинным духом «будет сделано». Каждая новая катастрофа должна стать лучше предыдущей. <...> Я уверяю своих студентов, что, если они хотят связать всё это с технологией, им придется принять в расчет эту тягу к грандиозным свершениям, погоню за мечтой.

– За мечтой? И что отвечают студенты?

– То же, что и вы: «За мечтой?» Вся эта кровь, это стекло, зловещий визг резины. А как же быть с совершенно бессмысленным расточительством, с ощущением, что цивилизация находится в упадке?

– Ну и как же? – спросил я.

– Я говорю им, что они сталкиваются здесь не с упадком, а с простодушием. Кинематограф избавляется от трудных для понимания людских страстей... (Д. Деллито, *Белый шум*).

В ответ на преследующий Джека вопрос о смысле ускользающей жизни его собеседник парадоксалист заявляет, что страх перед неведомым побеждается убийством. Верифицируя этот постулат, Джек дважды стреляет в живот Вилли Минка, пытающегося укрыться за бачком унитаза в грязном дешевом мотеле: фармаколог, создавший панацею от страха, флуктуирует в наркотических грезах дилара. И врачи, и пациенты корчатся в муках панического ужаса. К тому же выясняется, что прием дилара чреват нежелательным побочным эффектом – параноидальным отождествлением «слов и вещей» (М. Фуко):

...если бы кто-нибудь сказал «летит пуля», я грохнулась бы на пол и поползла в укрытие (Д. Деллито, *Белый шум*).

КОНСЮМЕРИЗМ – СПОСОБ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ

«Открытая развязка» романа Деллито не открывает перспективу непрерывного становления героя и мира. Напротив, она увековечивает пустое чередование самовоспроизводящихся событий:

Толпы хорошо одетых людей застывают в проходах и пытаются найти во всем этом закономерность, обнаружить скрытую логику, пытаются вспомнить, где они только что видели манную крупу (Д. Деллито, *Белый шум*).

Выявленное Жаном Бодрийяром «безразличие масс» проявляется в их *консьюмеризме* – малодушном ответе филистерской экзистенции на призыв трансценденции к самоактуализации: «Вы хотите, чтобы мы потребляли, – иронизирует Жан Бодрийяр. – Ну что ж, мы будем потреблять всё больше и больше. Мы будем потреблять всё что угодно. Без всякой пользы и смысла» [Бодрийяр, 2000, с. 16].

Нередко Джек дает волю не оставляющей его потребности бесцельно побродить между торговыми рядами, ведь и детей радуют эти от рождения привычные им прогулки. На каком-то этапе специалист по гитлеризму затрудняется с выбором рубашки, берет обе, а дети шумно предлагают ему свои варианты.

ЖЕРТВА – ПРЕСТУПНИК – СЫЩИК

Архитектоника романа Деллито воспроизводит жанровую модель детектива.

Уклонение незадачливого заведующего кафедрой от анализа накопившихся жизненных проблем превратило его в *жертву* – обывателя, умаленного обществом потребления до роли фигуранта в не им написанной, режиссируемой и разыгрываемой драме. Борьба со страхом, которым его душа откликается на исходящий от самости призыв к самообретению, – в *преступника* по отношению к своему жизненному призванию. А его неспособное задаваться «последними вопросами» сознание не позволяет ему проявить себя в роли сыщика, реализующего в ходе расследования свой авторский потенциал [Бондарев, 2021].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. С. 7–180.
2. Маркс К. Энгельс Ф. Немецкая идеология. М. : Гос. изд-во политической литературы, 1955. С. 7–544.

3. Жукова О. И. Раскол самости личности в философии постмодерна // Вестник Кемеровского государственного университета, 2008. Вып. 1 (33). С. 87–95.
4. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального = A l'ombre des majorités silencieuses, ou la fin du social / пер. с фр. Н. В. Сулова. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2000.
5. Бондарев А. П. Границы литературного жанра: от детективного расследования к психоаналитической интроспекции // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 13(855). С. 289–314.

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. (1979). Avtor i geroy v esteticheskoy deyatelnosti = Author and hero in aesthetic activity. Estetika slovesnogo tvorchestva (pp. 7–180). Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)
2. Marx, K., Engels, F. (1955). Nemetskaya ideologiya = German ideology (pp. 7–544). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. (In Russ.)
3. Zhukova, O. I. (2008). Raskol samosti lichnosti v filosofii postmoderna = The split of the personality's self in post-modern philosophy. Bulletin of the Kemerovo State University, 1(33), 87–95. (In Russ.)
4. Bodriyar, Zh. (2000). V teni molchalivogo bol'shinstva, ili Konets sotsial'nogo = In the shadow of the silent majority, or The end of the social, transl. from French N. V. Suslov. Ekaterinburg : Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta (In Russ.)
5. Bondarev, A. P. (2021). The boundaries of the literary genre: from detective investigation to psychoanalytic introspection. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(855), 289–314. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бондарев Александр Петрович

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры отечественной и зарубежной литературы переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

Левашов Данил Валериевич

аспирант кафедры отечественной и зарубежной литературы переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Bondarev Alexandre Petrovich

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor at the Department of Russian and Foreign Literature
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Levashov Danil Valerievich

Postgraduate student at the Department of Russian and Foreign Literature,
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

---

Статья поступила в редакцию 11.05.2022
одобрена после рецензирования 10.06.2022
принята к публикации 11.07.2022

The article was submitted 11.05.2022
approved after reviewing 10.06.2022
accepted for publication 11.07.2022

Научная статья

УДК 168.522

DOI 10.52070/2542-2197_2022_8_863_144

Культура мэшап: стратегии апроприации

К. Г. Антонян¹, Н. А. Соколова², О. Н. Левшина³

¹Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
tursa@list.ru

²Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия
alonsa@inbox.ru

³Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации, Санкт-Петербург, Россия
ansilion@yandex.ru

Аннотация. Понятие «мэшап» (*англ.* mashap) относят к музыке, литературе, кино, веб-среде. Метод создания мэшапа – это компиляция и апроприация. Интернет и цифровые технологии являются основой для создания мэшапов. Для создания мэшапа используют чужие узнаваемые, иногда культовые, произведения. Оригинальность мэшапа заключается в творческом миксе различных систем ценностей для получения нового оригинального продукта. Мэшап предполагает образованного потребителя, который способен понять его смысл.

Ключевые слова: мэшап, апроприация, современная культура, медиа, интернет-культура, веб-мэшап, музыкальный мэшап, литературный мэшап

Для цитирования: Антонян К. Г., Соколова Н. А., Левшина О. Н. Культура мэшап: стратегии апроприации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 8 (863). С. 144–151. DOI 10.52070/2542-2197_2022_8_863_144

Original article

Mashup Culture: Appropriation Strategies

Karina G. Antonian¹, Nina A. Sokolova², Olga N. Levshina³

¹Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia, tursa@list.ru

²Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia, alonsa@inbox.ru

³Saint Petersburg State University of Civil Aviation, Saint Petersburg, Russia, ansilion@yandex.ru

Abstract. The concept of “mashup” is associated with phenomena in music, literature, cinema, as well as in the web environment. The method of creating a mashup is compilation and appropriation. The Internet and digital technologies are the basis for the development of mashups. But the cultural model of mashups is not limited to software, but spans across media. The originality of the mashup lies in the creative fusion of cultural products from different value systems. For mashups, the problem of copyright is acute. The authors face accusations of misappropriation of someone else’s idea, disrespect for the original. Mashup is created for an intelligent consumer who is able to grasp their meaning and humor.

Keywords: mashup, appropriation, modern culture, media, internet culture, web mashup, music mashup, literary mashup

For citation: Antonian, K. G., Sokolova, N. A., Levshina, O. N. (2022). Mashup culture: appropriation strategies. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(863), 144–151. 10.52070/2542-2197_2022_8_863_144

ВВЕДЕНИЕ

Проблема, поставленная в данной статье, связана с феноменом мэшапа (mashup), рассматриваемого как качественная характеристика современной культуры, а также человека, который «производится» в этой культуре. Важной составляющей современности является Интернет, который может пониматься и как то, что дополняет реальность, и как естественное ее расширение в новую медиаобразную среду, и как инвариант действительности. Появление Интернета и новых медиа трансформируют мир на всех уровнях (от масштабов страны до мельчайших структур повседневности), самого человека (появление сетевой идентичности), образ мышления (клиповое мышление) и восприятие информации (например, концепция мозаичной культуры, когда фрагменты знания складываются случайно, а не системно, образуя мозаику [Моль, 1973]). В интернет-среде по сравнению с традиционными медиа (это и устная речь, и книги, газеты, журналы, но также в разряд «традиционных медиа» относят радио и телевидение) изменяется содержание информации, способ ее производства, транслирования и восприятия.

Цель статьи – анализ мэшап-феноменов, которые маркируют информационно-коммуникативные особенности современной культуры и человека.

Понятие «мэшап» не распространено в отечественной научной среде и достаточно специфично, хотя для западных исследований словосочетание «мэшап культура» не ново [Mashup Culture, 2010]. Как правило, им обозначают вполне определенные явления, которые обнаруживаются прежде всего в музыке, а также в кинематографе, литературе и интернет-среде. Для веб-разработчиков мэшап является рабочим понятием, часто используемым как жаргонизм. Вэб-мэшапы появляются благодаря развитию современных медиа, в первую очередь, Интернета. Идея самостоятельного специфического мэшап-ресурса базируется на привлечении обширной аудитории, которая может получить общую картину имеющихся информационных возможностей на одной веб-площадке, где в аккумулированном виде содержится огромное количество разнородных источников, что позволяет экономить время, выбрав из представленного многообразия то, что в дальнейшем потребитель сможет подробнее изучить на узкопрофильном сайте. Веб-мэшап состоит из созданного кем-то контента, собранного вместе для максимально разношерстной публики. В России крупным первопроходцем технологии мэшап стал ресурс Meduza.io [Коноплев, 2015]. Мэшап-платформа оказалась подходящей для мобильных устройств, где актуальны скорость и краткость информации при широте и всеохватности

тематик. Помимо такого понимания веб-мэшапа, обращают на себя внимание создаваемые в Интернете мемы, по большей части от анонимных пользователей, представляющие неожиданное, но гармоничное совмещение популярных образов или кадров из узнаваемых фильмов. Например, кадр с героиней Шэрон Стоун из «Основного инстинкта», которую «допрашивают» Глеб Жеглов и Владимир Шарапов (персонажи В. Высоцкого и В. Конкина) из фильма «Место встречи изменить нельзя». Или использование образа грустного Киану Ривза, которого интернет-умельцы помещают в окружение не менее известных мем-героев. Подобные интернет-мемы также можно отнести к веб-мэшапам как продукту, порождаемому интернет-культурой. Редактирование изображений из Интернета в настоящее время является обычным делом для миллионов людей, которые становятся создателями ремиксов и мэшапов [Schmidt, 2017]. Появление Web 2.0 породило «культуру участия», в которой пользователей поощряют участвовать, искать новую информацию и устанавливать связи между разрозненными фрагментами медиаконтента, не оставаясь лишь пассивными потребителями.

Словарь «Dictionary by Merriam-Webster» дает следующее определение мэшапа: «что-то, созданное путем объединения элементов из двух или более источников, например: а) музыкальное произведение, созданное путем цифрового наложения инструментальной дорожки на вокальную дорожку из другой записи; б) фильм или видео с персонажами или ситуациями из разных источников; с) веб-сервис или приложение, объединяющее данные и функции из различных онлайн-источников»¹ (*пер. наш. – авт.*). Термин первоначально действительно утвердился в индустрии музыкальных ремиксов и компьютерного мира [Mulvey-Roberts, 2014], а затем был распространен на похожие по способу создания феномены культуры.

Мэшап предполагает главным методом своего производства – апроприацию и компиляцию разнородных частей для создания нового целостного продукта. Вторичность художественного произведения, казалось бы, органично связана с постмодернистским дискурсом. На наш взгляд, эта связь формальна, и проблема мэшапа лежит в иной плоскости.

Для постмодернистских произведений важным был сам факт вторичности, идея того, что «всё уже сказано» и всё, что остается творцу, – это игра с витающими идеями, образами, вещами, комбинируя их. И то, над чем рефлексировал постмодернизм – это трагичность бытия в мире, в котором

¹ Dictionary by Merriam-Webster. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/mash-up>

невозможно сказать новое слово, в который невозможно привнести новую идею, создать новое произведение. Мир постмодернизма – это место отказа от претензий на уникальность автора и произведения, смирение перед принципиальным эпигонством. В любом, казалось бы, оригинальном произведении обнаруживаются цитаты, порой скрытые от самого автора. Выставка «Pictures» 1977 года, которая породила целое художественное направление – искусство апроприации – ставила своей целью как раз сделать явным то, что мир искусства, ориентированный на производство нового, скрывал от самого себя. Так, Ш. Левин – одна из участниц этой исторической выставки – подвергает критическому апроприированию фотообразы, которые признавались в модернизме в качестве статусных авторских изображений. Переснимая фотографии Уокера Эванса, Эдварда Вестона, Элиота Портера, она ставит вопрос о самой возможности копирайта у фотообраза (да и любого образа вообще: «Фотография, намекала она, лишь технически упростила и сделала более очевидным ту разновидность кражи – вежливо именуемую “апроприацией”, – которая всегда была неотъемлемой частью “изящных искусств”, чей глубоко лицемерный статус фотография ныне разоблачает» [Фостер и др., 2015, с. 625]). Шерри Левин обнаруживает обусловленность «оригинальных» изображений фоновыми знаниями, которые всегда присутствуют у образованного человека, накопленным визуальным опытом всей культуры в целом. Да и фотография как вид искусства сама апроприрует внешний мир и природу, создавая их отпечаток. Кроме того, образ, перенесенный в иной контекст, содержательно радикально изменяется, обрастая новыми смыслами и коннотациями, что можно увидеть в работах апроприациониста Ричарда Принса, извлекающего медиакартинки из их привычной среды глянцевого журналов и рекламы с установленными значениями.

Искусство апроприации может считаться своеобразной визитной карточкой постмодернизма с его ориентированностью на философское осмысление внутренней неоригинальности мира, где искусство только делает данный факт явным. В этом плане постмодернизм, несмотря на внешнюю игривость, гротескность, поверхностность, на самом деле глубоко трагичен, поскольку мир здесь раскрывается как бессмысленный, лишенный истины, цели. Гераклитовский образ времени как играющего ребенка («Вечность есть играющее дитя, которое расставляет шашки: царство [над миром] принадлежит ребенку» [Лосев, 2000, с. 192]) отнюдь не безобиден, поскольку ребенок для Античности – существо беспощадное в своей детской наивности, он строит и разрушает, не

задумываясь о последствиях, не чувствуя ответственности за свои действия. Хотя А. Ф. Лосев и дает различные трактовки вечности, как детской игры, не отрицая и возможности целеполагания в ней, тем не менее для античного сознания: «...необъяснимая судьба во всех своих проявлениях основывалась на самой себе и пребывала в игре с самой собой, так что и оформленный космос тоже был универсальной игрой, если не прямо игрушкой в руках судьбы. <...> Платон так и учил, что жизнь людей есть игрушка в руках богов, причем это мнение он считал необходимым для установления правильной людской морали» [Лосев, 2000, с. 196]. Постмодернизм, разоблачая внутреннюю пустоту модернистских нарративов, оказывается в пространстве этой вселенской симуляционной игры, лишенный всяческих иллюзий и надежд.

Мэшап, пользуясь методом апроприации, возможно более поверхностен, чем постмодернистское произведение, как бы парадоксально это ни звучало. Он представляет собой своего рода конструктор, части которого прилаживаются друг к другу так плотно и гармонично, что появляется новое существо, своего рода Франкенштейн, способный к самостоятельному и независимому существованию. Н. Буррио предлагает понятие «постпродукция», которым обозначает технические приемы ремикширования, сэмплирования и т. п. вмешательства в уже существующий готовый объект. Он связывает рост интереса к подобного рода практикам работы с чужим материалом, во-первых, с количественным ростом культурной продукции, во-вторых, с включением в оптику восприятия тех форм, которые ранее искусство либо отвергало, либо просто не замечало. «Главный вопрос искусства уже не в том, “что сделать нового”, а, скорее, в том, “что делать с имеющимся”. <...> Современные художники не столько создают, сколько программируют формы, не столько преобразуют нечто необработанное (белый холст, глину и т. п.), сколько используют данное» [Буррио, 2016, с. 122–123]. Фигура художника-демиурга замещается новыми агентами, умеющими создавать нестандартный коммерческий продукт, ориентированный на успех и востребованность у массовой публики. Апроприация, как метод создания художественных произведений, продолжает оставаться востребованным техническим приемом, но в случае с постпродукцией уже приходится говорить не столько о цитатности создаваемых произведений (как это принято по отношению к постмодернистской парадигме), а о восприятии уже существующих культурно-художественных форм в качестве сырья для последующего преобразования, кирпичиков, скомбинировав которые, можно получить другое произведение.

Постпродукция отражает разочарованность в идее нахождения нового содержания в пользу поиска новых способов производства культурных объектов. И мэшап представляет собой созданное по правилам постпродукции произведение.

МЭШАП В МУЗЫКЕ

Мэшап-музыка – это музыкальная форма, в которой новая запись делается путем объединения сэмплов существующих, обычно хорошо известных записей популярной музыки, чаще всего путем наложения вокальных дорожек одной записи «поверх» инструментальных дорожек другой [Jones, 2021].

Музыкальные мэшапы возводят к постмодернистской эстетике и обществу потребления, когда публике предлагался необычный «товар» для развлечения, в котором знакомые композиции вдруг обретали новое звучание и обогащались неожиданным музыкальным сопровождением [Матвеева, Юркова, 2019]. Гибридизация, ирония и переработка – те способы, которыми в массовой поп-культуре формуется востребованный у широких масс продукт [Serazio, 2008]. С появлением электронных звуков использование сэмплов для создания битов может считаться одним из прародителей мэшапов. К ранним мэшапам (протомэшам) относят, например, композицию рок-группы Aerosmith «Walk This Way» с рэп-трио Run-D.M.C. 1986 года. Получившееся гибридное произведение сформировалось из двух разнородных жанров – рока и рэпа, противостояние которых было отражено в вышедшем видеоклипе. Подобная коллаборация способствовала росту популярности обеих групп, а видеоклип получил статус культового. Идея объединения совершенно разных песен и музыки, несовместимых на первый взгляд, является отличительным признаком мэшапа. Развитие технологий мотивирует к творческой апроприации авторских композиций, как на профессиональном уровне, так и любительском.

Посредством иронии, расширения прав и возможностей, благодаря развитию новых медиа («эпоха электронной репродукции»), методу апроприации мэшап служит подходящим выражением современного молодежного медиаопыта [Serazio, 2008, с. 80]. Наделение мэшапов такими характеристиками, как дилетантство или вторичность, представляются попыткой профессионального музыкального сообщества противостоять растущей вовлеченности масс в процесс создания музыки, которым традиционно отводилась роль пассивного потребления предоставляемого им музыкального продукта. Изготовление мэшапов – деятельность креативная, требующая тонкого чутья при совмещении музыкального и / или визуального

ряда (как, например, мэшап-композиция и видеоклип, появившиеся в сети, 50 Cent «P.I.M.P.» смикшированный с песней и клипом Аллы Пугачевой «Позови меня с собой»). Электронные технологии позволяют потребителям музыкальной продукции становиться отчасти соавторами, включиться в сотворчество, пусть и не всегда одобряемое профессионалами индустрии.

Музыка из осязаемого предмета (виниловая пластинка, аудиокассета) превратилась в чистый звук формата mp3, доступ к которому облегчен в разы. Изначально будучи специфичным видом искусства в силу своей эфемерности, долгое время музыка оставалась привязана к своему носителю, медиуму. С развитием цифровых технологий она приблизилась к тому, чем и является по сути – чистому звуку. Однако цифровизация послужила ускользанию музыки из-под строгого контроля. А музыкальная индустрия всё же является частью капиталистической системы и ориентирована на доходность от продаж (впрочем, то же самое происходит и с визуальными искусствами, когда образ начинает собственную биографию без привязки к изначальному контексту, например при использовании в рекламе образов высокого искусства или их распространение в виде арт-мемов). Далеко не все авторы одобряют судьбу своего произведения, подверженного малоконтролируемому вмешательству со стороны. Хотя сам факт интереса широкой публики к получившемуся мэшапу говорит о популярности и узнаваемости как автора, так и музыкального произведения, что для поп-сцены значимый показатель успешности.

Рассматривая мэшап как бунт против сегментации отраслевого рынка, когда жанры существуют в строгой системе своих границ [Serazio, 2008], можно говорить о реализации социокультурной функции, когда музыке возвращается ее главный инструмент – звук, на использование которого наложен запрет силой закона об авторском праве. Массовая культура, апроприруя, продуцирует свои собственные композиции, что приводит к переформатированию музыкального рынка. В начале 2000-х годов крупные звукозаписывающие компании занялись созданием «официальных мэшапов» и начали подписывать контракты с диджеями, производителями креативного музыкального микса. Рынок и капитал таким образом присвоили андеграундный мэшап, отчасти нивелировав его разрушительное воздействие. Мэшап как музыкальный феномен имеет в своем арсенале авторитетных звезд, например, американский диджей и продюсер, один из пионеров в области мэшапа DJ Z-Trip, который считает, что мэшап был не категорией, не жанром, а открытым

форматом, но потом сам открытый формат и отсутствие жанра стали жанром (*McConnell M. Interview: DJ Z-Trip. Safe Is Cool, But It's Not Why I Got Into This // Howl & Echoes. 2017, January 16*). Признание заслуг DJ Z-Trip в создании такого рода музыки свидетельствует о создании вполне уникального и востребованного музыкального продукта.

В истории музыкального мэшапа существует знаковое событие противодействия ограничительным законам. 24 февраля 2004 года была проведена спланированная акция «Серый вторник» (день цифрового гражданского неповиновения режиму авторского права, который обычно подавляет музыкальные инновации [Serazio, 2008]), организованная некоммерческой организацией музыкальных активистов Downhill Battle, когда на различных интернет-площадках началось размещение мэшап-альбома DJ Danger Mouse «The Grey Album», запрещенного EMI, владельцем прав на записи The Beatles. «The Grey Album» получил одобрение со стороны тех, чьи вокальные а капелла и сэмплы были в нем использованы – Jay-Z и двух живых участников Beatles. Акция стала одной из самых громких, связанных с музыкальной мэшап-индустрией. Но в силу того, что мэшап напрямую связан с возможностями цифровых технологий, акция также стала событием и для самой интернет-культуры, сутью которой является свобода. Начало 2000-х отмечено «цифровым оптимизмом», предполагающим доступность информации и культурных ценностей, преодоление догмата пассивных медиа (телевидения и радио, где контент создается и транслируется без возможности влияния на него со стороны реципиентов), более равные условия для создания и продвижения создаваемых продуктов [Jones, 2021]. И мэшап создавал иллюзию подрыва властных интенций капитализма, выход музыки в творческую инновацию, детерминированную только собственными возможностями к самовыражению: «...идея того, что что-то является (как, возможно, mashup) звуком Интернета, звучит соблазнительно. Он еще не лишен будущего, как, скажем, звук радио» [там же, с. 1124]. Но время «цифрового оптимизма» подошло к концу, существующая на сегодняшний день модерация в Интернете налагает ограничения на создание и распространение музыкальных ремиксов, мэшапов и т. п., снижая мотивацию к креативным творческим устремлениям [Brøvig-Hanssen, Jones, 2021]. Корпоративные интересы проникли в Интернет, который в свое время стал площадкой создания мэшапов, и, защищая авторское право, нивелируют этот вариант «культуры участия».

МЭШАП В ЛИТЕРАТУРЕ

Исследователи направления мэшап в литературе отмечают его противоречивость [Шнайдер, Гредина, 2012], поскольку однозначно оценить данное явление сложно в силу его апроприационной природы. Для создания новых мэшап-произведений используются уже существующие законченные и имеющие свою литературную судьбу и репутацию тексты. Начало мэшап-литературы датируют 2009-м – годом выхода книги С. Грэма-Смита «Гордость и предубеждение и зомби» («Pride and prejudice and zombie»). Как ясно из названия, основу ее составило классический роман начала XIX века Джейн Остин «Гордость и предубеждение», в который С. Грэм-Смит добавил элемент зомби-фикшн. «Quirk Classics», издавшие книгу, использовали в качестве основного маркетингового инструмента Интернет, благодаря чему книгу ждал издательский успех и признание, она вошла в список бестселлеров «New York Times» [Mulvey-Roberts, 2014, с. 18], хотя реакцию вызвала неоднозначную. Исследователи отмечают, что С. Грэм-Смит опубликовал свой роман «Гордость и предубеждение и зомби» с подачи издательства во время финансового кризиса 2008–2009 годов [Mulvey-Roberts, 2014, с. 26], и «...то, что раньше фигурировало только в виде шуточных предположений фанатов или же довольно посредственных фанфиков, стало литературой, может быть, не элитарной, но основательно фигурирующей на уровне массовой культуры» [Зинатулина, Попп, 2019, с. 214]. В 2015 году по мотивам произведения вышел одноименный фильм, также не оставшийся незамеченным. Успех книги повлек за собой череду подражателей, использующих как варианты сюжета «Гордости и предубеждения», так и других книг Джейн Остин (Уэйн Джозефсон «Эмма и вампиры», Аманда Грейндж «Мистер Дарси, вампир», Бен Х. Уинтерс «Разум и чувства и гады морские», Вера Назарян «Мэнсфилд-парк и мумии» и т. д.). Помимо произведений Джейн Остин переработке подвергаются и романы других известных авторов – Шарлоты Бронте «Джейн Эйр» (Шерри Браунинг Эрвин «Джейн убийца»), Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране чудес» (Николас Кук «Алиса в стране зомби»), Льва Толстого «Анна Каренина» (Бен Х. Уинтерс «Андроид Каренина») и др.

Чужие тексты часто становятся элементами творческого процесса. Существуют такие литературные и кинофеномены, как кроссовер (К. Прист «Машина пространства»), где персонажи различных произведений оказываются вовлечены в общий сюжет; приквелы и сиквелы, когда создаются произведения, описывающие события, происходившие до основного сюжета и после (история первой

жены мистера Рочестера из романа Ш. Бронте рассказана Джин Рис в «Широком Саргассовом море» и является приквелом; «Миссис Рочестер: продолжение Джейн Эйр» Хилари Бейли – сиквел романа). Что отличает мэшап, так это прямое использование авторского канонического текста произведения для создания своего [Сергеева, 2018], что, вообще говоря, имеет много общего с плагиатом.

Для создания мэшап-романа используются классические и легко узнаваемые в культурной среде автор и произведение. «Материал», из которого создается новый сюжет, не скрывается, а, напротив, демонстративно выпячивается. Плагиат же характеризуется тем, что подразумевает сокрытие авторства, приписывание себе чужого труда. В случае с мэшап происходит доработка имеющегося произведения до нового качества. Иными словами, первоисточник, в который вмешивается автор мэшапа, воспринимается не как самоценный текст, а как рабочая основа для построения другого романа. Плагиат в данном случае чисто формальное качество, он необходим с точки зрения «закона жанра». Однако с юридической точки зрения такое пренебрежение авторским правом всё же подпадает под закон о плагиате [Сергеева, 2018].

Помимо этого, можно обвинить мэшап-романы в пародийности, неуважении и вандализации оригинальных сюжетов [Шнайдер, Гредина, 2012], поскольку происходит варварская интервенция в чужую выстроенную вселенную, пересмотр мотивации поступков и решений героев, сюжетных ходов, вторжение в исторически обусловленный ценностный универсум (как в случае с зомби в «Гордости и предубеждении и зомби», оказавшимися в реалиях начала XIX века, где семейство Беннет занято матримониальными задачами). Но мэшап ставит вопрос о статусе канонического произведения, которое наделено негласной неприкосновенностью и почитаемостью, и автора, которого помещают в своеобразный пантеон «великих писателей», «классиков», а также о границах, которые допустимо нарушить в процессе трансформации оригинала. Другой модус восприятия получившегося литературного гибрида обозначает роль обновленной версии романа в коммерческом плане, поскольку он служит реактивации интереса публики к «нестареющей классике». «Столкновение классического романа с жанром ужасов оказалось коммерчески успешным. Слияние старого и нового не только эксплуатирует бренд классики, но и подрывает его канонический статус через постмодернистское столкновение высокой и низкой культуры» [Mulvey-Roberts, 2014, с. 36]. Правда, кажется сомнительной возможность такого подрыва статуса канонического произведения, уже ставшего хрестоматийным.

Так, в области изобразительного искусства можно вспомнить работу Марселя Дюшана «L.H.O.O.Q» («Мона Лиза с усами») 1919 года – один из первых и радикальных жестов вторжения в существующее произведение. М. Дюшан пририсовал усики и козлиную бородку к образу, созданному когда-то Леонардо да Винчи, снабдив его неприличной подписью, ставшей одним из названий работы. В итоге, оба произведения остаются классикой, одно – эпохи Возрождения, другое – современного искусства, и оба автора являются весомыми представителями истории искусства, без которых невозможно ее себе представить.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ни один исторический и художественный артефакт не пребывает в стагнации, ни с точки зрения его физического состояния (технологии сохранения и реставрации с неизбежностью нарушают стерильную аутентичность, да и сам фактор времени вносит коррективы), ни с точки зрения смыслового содержания. Любое произведение, покидая условную мастерскую, где оно было сотворено, начинает осуществление своей персональной биографии, обрастая интерпретациями. Появление целого ряда явлений двух последних десятилетий, маркируемых как мэшап, симптоматично и позволяет говорить о тенденции. На протяжении всего XX и начала XXI века постепенно меняется отношение ко многим вещам, ранее казавшимся незыблемыми, в частности, к возможности использования полноценных законченных произведений в качестве инструмента и материала для создания нового культурного продукта.

Мэшап по формальным критериям (цитатность, апроприативность, мозаичность, вторичность и т. п.) близкий к постмодернистской парадигме, тем не менее, скорее, является ее преодолением. Постмодернистская разочарованность в мире, в котором невозможно сказать слово, не процитировав уже существующее, сменяется креативной уверенностью в возможности, отказавшись от благоговения перед авторитетами, создавать новое, миксуя и переосмысляя устоявшиеся тексты, образы и знаки. Если получившаяся работа содержательна, гармонична и порождает эмоциональный отклик, то вполне можно говорить о творческой состоятельности мэшап-произведения.

Современный мир настолько наполнен образами, словами и идеями, которые, благодаря развитию новых медиа доступны буквально каждому пользователю, что мэшап – тот феномен, который свидетельствует о последовательной демократизации культуры («глобальном равноправии»

[Sonvilla-Weiss, 2010, с. 62]). Контаминация элитарного и массового, пересечение границ жанров, национальных школ и традиций, а также те возможности, которые предоставляет современное технико-технологическое развитие, способствуют выходу за пределы специализации, когда шедевры создавались почти исключительно профессионалами. Хотя мэшап сопровождается проблемами авторского права и обвинениями в плагиате, тем не менее созданные произведения отличает оригинальность, что свидетельствует о креативности и самостоятельности мэшап-продукта.

Мэшап направлен на интеллектуального потребителя, поскольку использует узнаваемые знаковые произведения, которые входят в культурный багаж образованного человека. Тонкий юмор парадоксального сочетания составляющих мэшапа, принадлежащих различным ценностным мирам, раскрывает новые смыслы и коннотации, оценить которые способен подготовленный реципиент. С другой стороны, мэшап, благодаря своей развлекательной составляющей, способен реактивировать интерес к культурным шедеврам, используемым при его создании.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Моль А. Социодинамика культуры. М. : Прогресс, 1973.
2. Mashup Culture / S. Sonvilla-Weiss (ed.). Wien : Springer, 2010. DOI 10.1007/978-3-7091-0096-7
3. Коноплев Д. Э. Закат десктопов: как мобильные платформы меняют медиа и их аудиторию // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 5 (360). С. 142–146.
4. Schmidt L., de Kloet J. Bricolage: Role of media // The international encyclopedia of media effects. 2017. С. 1–9.
5. Mulvey-Roberts M. Mashing-up Jane Austen: Pride and Prejudice and Zombies and the limits of adaptation // The Irish Journal of Gothic and Horror Studies. 2014. № 13. P. 17–38.
6. Фостер Х. [и др.]. Искусство с 1900 года: модернизм, антимодернизм, постмодернизм / Х. Фостер, Р. Краусс, И.-А. Биа, Б. Х. Д. Бухло, Д. Джослит. 2-е изд. М. : Ад Маргинем Пресс, 2015.
7. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития: в 2 кн. Кн. 2. Харьков : Фолио ; М. : АСТ, 2000.
8. Николая Буррио. Реляционная эстетика. Постпродукция: пер. с фр. А. Шестакова. М. : Ад Маргинем Пресс, 2016.
9. Jones E. The role of mashup music in creating Web 2.0's democratic promise // Convergence. 2021. № 27 (4), P. 1112–1128.
10. Матвеева И. И., Юркина О. В. Постмодернистские приемы в популярной музыке начала XXI века // Обсерватория культуры. 2019. № 2. Т. 16. С. 196–207. DOI: 10.25281/2072-3156-2019-16-2-196-207
11. Serazio M. The Apolitical Irony of Generation Mash-Up: A Cultural Case Study in Popular Music // Popular Music and Society. 2008. № 1. Vol. 31. P. 79–94.
12. Brøvig-Hanssen R., Jones E. Remix's retreat? Content moderation, copyright law and mashup music // New Media & Society, 2021. URL: <https://doi.org/10.1177/14614448211026059>
13. Шнайдер Е. Э., Гредина И. В. Мэшап «Гордость и предубеждение и зомби»: новая литературная тенденция или литературный вандализм? // Молодой ученый. 2012. № 7. С. 186–189.
14. Зиннатуллина З. Р., Попп И. С. Жанровое своеобразие романа Г. Л. Олди «Шерлок Холмс против марсиан»: между мэшапом и кроссовером // Филологический класс. 2019. № 2 (56). С. 213–219. DOI 10.26170/FK19-02-29
15. Сергеева Н. С. Издательские мэшап-проекты на современном книжном рынке // Книга: Сибирь – Евразия: материалы Международного семинара. 2019. С. 224–229. DOI 10.20913/2619-001X-2019-224-229

REFERENCES

1. Moles, A. (1973). Sotsiodinamika kul'tury = Culture sociodynamics. Moscow: Progress. (In Russ.)
2. Sonvilla-Weiss, S. (Ed.). (2010). Mashup Culture. Wien: Springer. 10.1007/978-3-7091-0096-7
3. Konoplev, D. E. (2015). Desktop's sunset: as mobile platforms are changing the media and their audience. Bulletin of the Chelyabinsk State University, 5(360), 142–146. (In Russ.)
4. Schmidt, L., de Kloet, J. (2017). Bricolage: Role of media. The international encyclopedia of media effects (pp. 1–9).
5. Mulvey-Roberts, M. (2014). Mashing up Jane Austen: Pride and Prejudice and Zombies and the Limits of Adaptation. In The Irish Journal of Gothic and Horror Studies, 13, 17–38.
6. Foster, H. et al. (2015). Art Since 1900: modernism, antimodernism, postmodernism. H. Foster, R. Krauss, I.-A. Bua, D. Joselit. 2nd ed. Moscow: Ad Marginem Press Publ. (In Russ.)

7. Losev, A. F. (2000). Istoriya antichnoj estetiki. Itogi tysyacheletnego razvitiya = The history of ancient aesthetics. Results of the millennial development (vol. 2): in 2 vols. Kharkov: Folio; Moscow: AST. (In Russ.)
8. Bourriaud, N. (2016). Relational aesthetics. Postproduction, transl. from French by A. Shestakov. Moscow: Ad Marginem press. (In Russ.)
9. Jones, E. (2021). The role of mashup music in creating Web 2.0's democratic promise. *Convergence*, 27(4), 1112–1128.
10. Matveeva, I. I., Yurkina, O. V. (2019). Postmodern techniques in popular music of the beginning of the XXI century. *Observatory of culture*, 16, 2, 196–207. 10.25281/2072-3156-2019-16-2-196-207 (In Russ.)
11. Serazio, M. (2008). The apolitical irony of generation mash-up: A cultural case study in popular music. *Popular Music and Society*, 31(1), 79–94.
12. Brøvig-Hanssen R., Jones, E. (2021). Remix's retreat? Content moderation, copyright law and mashup music. *New Media & Society*. <https://doi.org/10.1177/14614448211026059>
13. Shnaider, Ye. Je., Gredina, I. V. (2012). Mashup «Pride and Prejudice and Zombies»: a New Literary Trend or Literary Vandalism? *Young scientist*, 7, 186–189. <https://moluch.ru/archive/42/5124> (In Russ.)
14. Zinnatullina, Z. R., Popp, I. S. (2019). Genre Peculiarities of H. L. Oldie's «Sherlock Holmes vs. Martians»: between Mashup and Crossover. *Philological Class*, 2(56), 213–219. 10.26170/FK19-02-29 (In Russ.)
15. Sergeeva, N. (2019). Publishing mashup projects in the modern book market. *Kniga: Sibir'-Evraziya* (pp. 224–229): materials of the International seminar. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Антонян Карина Георгиевна

кандидат культурологии, доцент,
доцент кафедры теории и истории культуры
Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

Соколова Нина Александровна

кандидат философских наук, доцент кафедры общественных наук
Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

Левшина Ольга Николаевна

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры социально-экономических дисциплин и сервиса
Санкт-Петербургского государственного университета гражданской авиации

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Antonian Karina Georgievna

PhD (Culturology), Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Theory and History of Culture,
Herzen State Pedagogical University of Russia

Sokolova Nina Alexandrovna

PhD (Philosophy), Associate Professor at the Department of Social Sciences,
Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University

Levshina Olga Nikolaevna

PhD (Philosophy), Associate Professor at the Department of Socio-Economic Disciplines and Service,
St. Petersburg State University of Civil Aviation

Статья поступила в редакцию 12.05.2022
одобрена после рецензирования 10.06.2022
принята к публикации 11.07.2022

The article was submitted 12.05.2022
approved after reviewing 10.06.2022
accepted for publication 11.07.2022

Научная статья

УДК 008

DOI 10.52070/2542-2197_2022_8_863_152

О некоторых аспектах идентичности военнослужащих в культуре России XIX–XXI веков

И. В. Леонов¹, И. В. Кириллов²

^{1,2}Санкт-Петербургский государственный институт культуры, Санкт-Петербург, Россия

¹ivaleon@mail.ru

²os84@yandex.ru

Аннотация. Культурная идентичность, будучи многогранным явлением, находит свое проявление в различных социокультурных слоях и локациях. Одной из сфер, устойчиво определяющих формы идентичности, является военная культура. Семисфера военной идентичности содержит ряд маркеров, включая военно-событийные, которые формируют ее основу. Указанные маркеры достаточно четко проявляются в военной культуре Нового и Новейшего времени и продолжают проявляться в наши дни.

Ключевые слова: идентичность, морфология идентичности, военная культура, военно-событийные маркеры идентичности, Российская армия

Для цитирования: Леонов И. В., Кириллов И. В. О некоторых аспектах идентичности военнослужащих в культуре России XIX–XXI вв. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 8(863). С. 152–159. DOI 10.52070/2542-2197_2022_8_863_152

Original article

On Some Aspects of the Identity of Military Personnel in the Culture of Russia of the 19th–21st Centuries

Ivan V. Leonov¹, Igor V. Kirillov²

^{1,2}St. Petersburg State Institute of Culture, St. Petersburg, Russia

¹ivaleon@mail.ru

²os84@yandex.ru

Abstract. Cultural identity, being a multifaceted phenomenon, finds its manifestation in various socio-cultural layers and locations. One of the spheres that steadily form the corresponding forms of identity is military culture. The semiosphere of military identity contains a number of markers that form its basis, including military event markers. These markers have been quite stable in military culture during the New and Modern times, including our days.

Keywords: identity, morphology of identity, military culture, military event markers of identity, Russian army

For citation: Leonov, I. V., Kirillov, I. V. (2022). On some aspects of the identity of military personnel in the culture of Russia of the XIX–XXI centuries. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(863), 152–159. 10.52070/2542-2197_2022_8_863_152

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы в рамках отечественной социогуманитарной науки наблюдается интерес к изучению феномена военной культуры. Природа войн и иных вооруженных конфликтов существенно противоречит ценностно-смысловым установкам культуры в ее аксиологической интерпретации, между тем вооруженные конфликты выступают чрезвычайно устойчивым аспектом истории и значимым проявлением человеческой активности, – в связи с чем изучение указанного явления представляется весьма актуальным. Под «военной культурой» авторы статьи понимают «сложный феномен, основанный на особых мировоззренческих, ценностно-смысловых и поведенческих установках, сложившихся в конкретных историко-культурных обстоятельствах бытования того или иного социума, связанного с войнами и вооруженными конфликтами» [Леонов, Прокуденкова, Кириллов, 2020, с. 74].

Проблематика военной культуры анализируется в рамках многих дисциплин, в частности в рамках истории (включая военную историю), антропологии (в том числе в рамках такого формирующегося направления, как военная антропология), культурологии, социологии, психологии, политологии, конфликтологии, этнографии и этнологии и др. Сложность объекта изучения также предполагает использование инструментария различных теоретико-методологических подходов.

Вопрос об идентичности чрезвычайно важен для всех членов общества, в том числе и для военнослужащих. Идентичность является многомерным и структурно сложным явлением, выступающим в качестве смыслообразующего центрального элемента личности и социума. «Идентичность обусловлена психологической потребностью человека в упорядочивании представлений о себе и своем месте в картине мира, подсознательном стремлении к преодолению разрыва первоначального синкретизиса, к обретению тождества с окружающим миром, которое достигается в замещенных формах <...> посредством интеграции в культурно-символическое пространство локальных образований» [Малыгина, 2005, с. 4]. Обретая военную идентичность, индивидум включается в военное сообщество на основе осуществления соответствующей деятельности и начинает устойчиво идентифицировать самого себя как составляющую конкретной воинской части, рода войск, вида вооруженных сил, к которым он принадлежит, и армии в целом. Стоит также отметить, что пребывание в военной среде требует от человека выработки определенных ментальных установок и личностных качеств.

Все «слои» военной идентичности – уровень конкретных воинских частей, соединений

и объединений, уровень родов войск (пехота, кавалерия, артиллерия, воздушно-десантные войска и др.), уровень видов вооруженных сил (сухопутные войска, военно-морской флот, авиация), уровень вооруженных сил в целом – имеют определенные маркеры, которые закрепляются в семиосфере военной культуры. Семиосфера военной культуры конкретного государства содержит множество знаково-символических аспектов, которые зачастую глубоко укоренены в соответствующей национальной культуре и почитаемы ее носителями. К подобным знакам, например, относятся воинские знамена (которые выступают в качестве объединяющего и идентификационного знака и имеют сакральное значение), военные марши, форменная одежда со знаками различия, ордена, медали и иные награды. Семиотически окрашены различные воинские ритуалы, например ритуал принятия присяги.

Ряд маркеров военной идентичности весьма многообразен и включает, в частности, маркеры, обозначающие принадлежность к определенной локации; выступающие в роли маркеров специфические элементы униформы, не привязанные к конкретным событиям (голубые береты ВДВ, краповые береты внутренних войск) и т. п. Помимо прочего, в качестве значимых структурных компонентов военной семиосферы выступают военно-событийные маркеры, которых могут появиться у отдельных воинских частей и соединений вследствие их боевых достижений и проявленной храбрости в конкретных сражениях либо военных кампаниях. Указанные маркеры, в частности, могут выражаться в присвоении части статуса гвардейской, что ставит ее выше «ординарных» армейский полков; в особенностях наименования частей и соединений (в нашей стране широко распространена практика присвоения отличившимся полкам и дивизиям почетных наименований); в особенной униформе, присвоенной части либо соединению в качестве награды, и т. п. Данные маркеры могут выражаться и в неформальных аспектах военной культуры (полковые традиции, различные истории и мифы, связанные с конкретной частью, и т. д.). Военно-событийные маркеры в рамках европейских военных культур (в том числе и российской военной культуры) выступают как аспект идентичности тех или иных воинских частей и соединений («Все таковые отличия имеют одно общее качество – они объединяют всех в армии» [Орлов, 1914, с. 43]).

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Один из самых известных в отечественной истории военно-событийных маркеров идентичности

воинской части – павловские гренадерки. История этих шапок такова. В 1807 году, после неудачного сражения с войсками Наполеона Бонапарта под Фридландом, Павловский полк на протяжении многих часов под шквальным огнем неприятеля прикрывал отход русской армии и проявил при этом исключительный героизм и самопожертвование. Чтобы отметить мужество павловцев, император Александр I повелел «в почесть оного полка ныне состоящие в нем шапки оставить в нем в том виде, в каком сошел он с места сражения, хотя бы некоторые из них были повреждены; да пребудут они всегдашним памятником отменной его храбрости» [Об оставлении шапок Павловского гренадерского полка ... 1830, с. 29]. Позже царь приказал вычеканить «на простреленных шапках имена тех нижних чинов, кои вынесли их с собою с поля сражения <...> для сохранения навсегда памяти сих заслуженных воинов...» [О вычеканении в Павловском гренадерском полку ... 1830, с. 1268]. С той поры и вплоть до революционных потрясений начала XX века простреленные гренадерские шапки (числом 532) хранились в Павловском полку и стали его отличительным знаком. Несколько павловских гренадерок уцелели до наших дней, их можно увидеть в Петербурге в экспозиции Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи и в Государственном мемориальном музее А. В. Суворова, а также в Пермском краеведческом музее. Гренадерки не только бережно сберегались в полковом музее, но и являлись – при всех переменах в обмундировании полка – частью его парадной формы (в обычной жизни полка использовались их копии).

Павловские шапки стали одним из символов русской гвардии, они были воспеты А. С. Пушкиным в поэме «Медный всадник»:

Лоскутья сих знамен победных,
Сиянье шапок этих медных,
Насквозь простреленных в бою.

Павловские гренадерки выступали объектом исторического мифотворчества – бытовала легенда, что Наполеон, потрясенный мужеством русских солдат, повелел собрать на поле боя простреленные гренадерские шапки и впоследствии торжественно передал их русскому императору. Павловцы с большим пиететом относились к своим «шрамированным» гренадеркам, украшенным двуглавыми орлами на щитах, вензелями государей, андреевскими звездами и знаками «За отличие»: «Каждый павловец всякий раз, надевая историческую шапку, невольно вспомнит своих боевых предков, товарищей и начальников, как и тех, кто нашел в бою под Фридландом славную смерть свою, равно и тех,

кто в таких же гренадерских шапках в эту памятную ночь “сходил с поля сражения”, уступая с боя каждый шаг, вызывая удивление и восторг своих и противников. Есть что вспомнить; есть тут, что стоит гордости: воспоминания славные, гордость законная...» [Орлов, 1914, с. 7].

Простреленные гренадерки выделяли павловцев из общей массы русской гвардейской пехоты. Вот описание парада 1904 года на Марсовом поле в Санкт-Петербурге: «Монотонность черных барашковых шапок нарушена: идет лейб-гвардии Павловский полк в своих столетних гренадерских шапках, медные щиты которых, многие – простреленные, видели поля сражений у Чарнова, Насельска, Пултуска, Прейсиш-Эйлау, Линденау, Фридланда, Клястиц, Смоленска, Полоцка, Бородинна, Тарутина, Малоярославца, Красного, Люцена, Бауцена, Дрездена, Кульма, Госссы, Лейпцига, Ларотьера и одинаково сияли в бою под Парижем и при вступлении союзных войск в столицу Франции, а позже и под стенами осажденной Варны и мятежной Варшавы» [Потоцкий, 1967, с. 10]. Примечательно, что павловские шапки повлияли на Строевой устав русской армии, создав в нем «узаконенное исключение»: «После того, как Павловскому полку пожалованы были гренадерки, в этом полку утвердился обычай на всех парадах и смотрах при прохождении церемониальным маршем держать ружья «на руку», как держали их павловцы под Фридландом, действуя и при отступлении больше штыком и прикладом» [Орлов, 1914, с. 50]. Этот обычай также отличал павловцев от других полков: «Однообразие форм нарушал только Павловский полк, проходивший в конусообразных касках эпохи Фридриха Прусского и по традиции, заслуженной в боях, с ружьями наперевес» [Игнатъев, 1951, с. 92].

Дореволюционная русская армия обладала развитой системой коллективных наград, которые присуждались воинским частям за отличия в боях и в ряде случаев выступали как значимые маркеры идентичности той или иной части. Эта система включала, в частности, «наградные знамена и штандарты, наградные трубы, особые металлические знаки с почетными надписями на головные уборы офицеров и нижних чинов, золотые петлицы на офицерские мундиры в отличившихся артиллерийских подразделениях» [Дуров, 1987, с. 557]. Также отличившийся армейский полк мог быть преобразован в гренадерский (а заслуженный гренадерский полк – в гвардейский); полку могло быть пожаловано право использовать во время прохождения торжественным маршем особого гренадерского барабанного боя [Дуров, 1987]; почетными полковыми шефами могли быть назначены члены российского императорского

дома либо монархи союзных государств и т. д. Старые заслуженные полки Русской императорской армии (такие, например, как Апшеронский полк) обладали к началу 1917 года впечатляющим количеством коллективных наград [Богуславский, 1892, с. 27]. Одной из таких наград у апшеронцев были красные отвороты на голенища сапог – в память Кунерсдорфского сражения (1759), во время которого апшеронцы буквально стояли по колено в крови.

Следует отметить, что для военной культуры Новейшего времени характерна тенденция на нивелирование как отдельных военнослужащих, так и целых частей и соединений. Указанная тенденция проявлялась, например, в стирании внешних различий в униформе, в стремлении одеть всех солдат в одинаковые шинели (во время как еще в XIX веке в европейской армии зачастую каждый полк имел оригинальную униформу, хотя бы парадную), снабдить одинаковыми винтовками и предметами амуниции, в установке на стирание имен собственных у частей и соединений и преобладание различных форм нумерации и т. п. Но человеческая природа упорно сопротивлялась подобной унификации; представители военной сферы неизменно пытались индивидуализировать себя. Во многих случаях и высшее государственное руководство обращало внимание на данные аспекты, понимая их важность. В нашей стране военно-событийные маркеры идентичности у отдельных воинских частей и соединений продолжали появляться и в XX веке.

Октябрьская революция 1917 года стала для отечественной военной культуры настоящим потрясением. Старая русская армия была ликвидирована. В последующие десятилетия в военной сфере (подобно иным отраслям культуры) происходили радикальные перемены, которые порой принимали тектонические масштабы. Вновь образованная Рабоче-крестьянская Красная армия (РККА) не позиционировала себя как правопреемницу прежней армии и в первые десятилетия своего существования стремилась дистанцироваться от многих элементов российской воинской традиции. Указанная тенденция проявлялась и на уровне знаков и символов. Были расформированы все полки старой русской армии со свойственными им отличиями и коллективными наградами.

Однако уже в 1918 году, в первые же месяцы существования РККА, начинает формироваться советская наградная культура, в том числе появляются и коллективные награды, первой из которых стало Почетное революционное Красное знамя. В 1918-м же году первое соединение Красной Армии получило почетное наименование – речь идет о присвоении Симбирской пехотной дивизии наименования «Железная» (впоследствии 24-я мотострелковая

Самаро-Ульяновская, Бердичевская ордена Октябрьской Революции, трижды Краснознаменная, орденов Суворова и Богдана Хмельницкого Железная дивизия – одно из наиболее заслуженных соединений Советской Армии). Наименование «железная», помимо прочего, можно «считывать» и как отсылку к дореволюционной военной культуре, к 4-й стрелковой дивизии Русской императорской армии, которая имела такое же почетное название (неофициальное, но очень устойчивое и широко известное в военной среде и в обществе в целом). Также следует упомянуть легендарную 25-ю стрелковую дивизию им. В. И. Чапаева. Имевшееся у этого соединения почетное наименование отсылало не только к персоне легендарного красного командира, но и к определенным событиям Гражданской войны, широко известным носителям советской культуры, а потому это наименование вполне может быть – хотя и с некоторой долей условности – причислено к военно-событийным маркерам. (Указанный пример показывает, что приведенные выше типы маркеров военной идентичности носят сложный характер, и далеко не всегда конкретное явление может быть однозначно отнесено к одной из групп.)

С 1918 до 1941 год многие части и соединения РККА получали почетные наименования, которые индивидуализировали их, но в большинстве случаев это были маркеры политико-идеологического свойства, не привязанные к конкретным военным событиям и не свидетельствующие о заслугах полка или дивизии (так, 1-я кавалерийская Запорожская дивизия Червоного казачества получила имя французской компартии, 4-я стрелковая Смоленская дивизия стала дивизией «имени германского пролетариата», 30-я Иркутская территориальная дивизия – дивизией имени ВЦИК и т. д.)

Советская наградная культура (в том числе и культура коллективных наград) получила развитие в годы Великой Отечественной войны, в ходе которой многие части и соединения РККА и РККФ проявили воинское мастерство и героизм. В 1941 году в Красной Армии появился институт гвардии. С 1943 года соединения и части действующей армии и Военно-морского флота награждали орденами. Возникли (и получили распространение и развитие) и иные способы поощрения войск [Штеменко, 1975, с. 448–459] – поздравительные приказы Верховного Главнокомандующего (с упоминанием в них наиболее отличившихся частей и соединений и их командиров) и салюты в честь крупных военных успехов и добившихся их войск. Также в 1943 году появилась практика присвоения частям и соединениям, отличившимся при взятии того или иного населенного пункта, почетных наименований в честь этого города. Так

в Красной Армии появились дивизии: Воронежские, Курские, Харьковские, а впоследствии и Варшавские, и Берлинские. До сих пор в Вооруженных силах РФ существуют части и соединения, которые сохранили боевые отличия, полученные в годы Великой Отечественной войны – назовем, к примеру, 45-ю артиллерийскую Свирскую ордена Богдана Хмельницкого бригаду большой мощности; легендарную 150-ю мотострелковую Идрицко-Берлинскую ордена Кутузова дивизию (ту самую, бойцы которой подняли знамя Победы над рейхстагом); 90-ю гвардейскую танковую Витебско-Новгородскую дважды Краснознаменную дивизию; 80-ю Витебскую Краснознаменную, ордена Александра Невского бригаду управления; 61-ю отдельную Киркенесскую Краснознаменную бригаду морской пехоты Северного флота. Подобные соединения есть и в вооруженных силах некоторых других государств постсоветского пространства, например в Белоруссии (19-я отдельная гвардейская механизированная Николаевско-Будапештская Краснознаменная, ордена Суворова бригада; 116-я гвардейская Радомская Краснознаменная штурмовая авиационная база) и Киргизии (8-я гвардейская мотострелковая Режицкая ордена Ленина, Краснознаменная, ордена Суворова дивизия имени Героя Советского Союза генерал-майора И. В. Панфилова). До недавнего времени части и соединения, имеющие отличия, полученные в советское время, сохранялись и в вооруженных силах Украины, однако в 2015 году они были лишены всех этих «атавизмов»¹.

Для современного Российского государства характерна установка на историко-культурную преемственность разных эпох. Указанные тенденции проявляются и в наградной сфере, в том числе и в области коллективных наград. В высшей степени показательно, что одновременно с восстановлением ордена Св. Георгия Победоносца (и награждением им военнослужащих, начиная с 2008 года) возобновились и награждения орденами Суворова, Кутузова, Нахимова и, в частности, состоялось награждение ими некоторых частей, соединений и объединений Вооруженных сил РФ, например: 76-я гвардейской десантно-штурмовой Черниговской Краснознаменной дивизии²; Рязанского гвардейского высшего воздушно-десантного дважды Краснознаменного командного училища

им. генерала армии В. Ф. Маргелова³; 393-й авиабазы армейской авиации⁴; тяжелого атомного ракетного крейсера «Пётр Великий»⁵.

О преемственности в отечественной военной культуре уместно упомянуть и в контексте рассмотрения военно-событийных маркеров идентичности отдельных кораблей Российского военного флота. До 1917 года в России бытовали практики награждения боевых кораблей георгиевскими знаменами, георгиевскими рожками, награждения флотских экипажей знаками отличия на головных уборях. А два российских боевых корабля удостоились специальных наград. Речь идет о линейном корабле «Азов», который отличился в Наваринском сражении (1827) и первым во всем российском флоте был награжден георгиевским кормовым флагом и вымпелом. Впоследствии в память о нем три других корабля дореволюционного флота носили имя «Память Азова» [Тереханова, 2004]. В 1998 году традиция нахождения в составе отечественного военно-морского флота корабля под именем «Азов» была восстановлена – это имя получил большой десантный корабль Черноморского флота, ранее известный как «БДК-54». Схожая судьба была у брига «Меркурий», который в 1829 году вышел победителем из неравного боя с двумя турецкими линейными кораблями. «Дабы память безпримерного дела сего сохранилась до позднейших времен», Николай I повелел всегда иметь в составе флота корабль с таким именем: «Мы желаем, дабы память знаменитых заслуг команды брига «Меркурий» и его никогда во флоте не исчезала а переходя из рода в род на вечные времена, служили примером потомству» [О пожаловании флотского экипажа 18-пушечному бригу «Меркурию» ... 1830, с. 549]. Указанная традиция в XX – начале XXI века дважды прерывалась, но есть надежда на то, что она будет восстановлена: в ближайшее время планируется ввод в строй боевого корабля (корвета проекта 20380) с таким именем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В последние десятилетия отдельные исследователи, прежде всего западные, ставят вопрос об

¹ Указ Президента України від 18.11.2015 № 646/2015 «Про внесення змін до Указу Президента України від 30 жовтня 2000 року № 1173». URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/646/2015>

² Указ Президента РФ от 18.08.2014 г. № 571 «О награждении орденом Суворова 76 гвардейской десантно-штурмовой Черниговской Краснознаменной дивизии». URL: <http://www.special.kremlin.ru/acts/bank/38822>.

³ Указ Президента РФ от 14.11.2013 г. № 842 «О награждении орденом Суворова ФГК ВО УВПО «Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище (военный институт) им. генерала В. Ф. Маргелова» МО РФ». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/37800>

⁴ Указ Президента РФ от 12.06.2012 г. № 807 «О награждении орденом Кутузова 393 авиационной базы армейской авиации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35498>

⁵ Указ Президента РФ от 28.07.2012 г. № 1079 «О награждении орденом Нахимова тяжелого атомного ракетного крейсера «Петр Великий». URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/35834>

умалении героического начала в культуре (в том числе и в военной) и даже о полном его исчезновении, характеризуя современные западные и вестернизированные общества как «постгероические» [Мюнклер, 2018]. Невзирая на все социокультурные преобразования и несмотря на то, что «грамматика войны» изменилась коренным образом, это утверждение представляется довольно спорным, а применительно к российскому обществу – и вовсе неверным. Есть основания утверждать, что концепт подвига по-прежнему остается одним из ментальных «кодов» отечественной культуры; российская идентичность (и идентичность общенациональная, и идентичность отдельных сообществ, в том числе воинских частей и соединений) по-прежнему во многом строится на памяти о героических событиях прошлого, о ратниках Куликова поля, петровских гренадерах, защитниках Бородина и Осовца, красноармейцах 1941 года и на священном волнении, с которым большинство наших соотечественников относится к потрепанному шелку гвардейских знамен. «Нация, как и индивидуумы, это результат продолжительных усилий, жертв и самоотречения. Культ предков – самый законный из всех; предки сделали нас такими, какими мы являемся в настоящее время. Героическое прошлое, великие люди, слава (но истинная) – вот главный капитал, на котором основывается национальная идея. Иметь общую славу в прошлом, общие желания в будущем, совершить вместе великие поступки, желать их и в будущем – вот главные условия для того, чтобы быть народом» [Ренан, 1902, с. 100]. Это известное суждение Э. Ренана представляется достаточно актуальным и применительно к реалиям XXI века. Для сохранения и стабильной межпоколенной трансляции системообразующих ценностно-смысловых установок отечественной культуры исключительно важно внимательное и почтительное отношение к собственному прошлому, включая и его военную составляющую. Не следует забывать и о совсем недавнем прошлом. Военные свершения и сопровождавшие их героические эпизоды, имевшие место во время военных кампаний, которые Российская армия вела

в последние десятилетия, – например, подвиг 6-й роты 2-го батальона 104-го гвардейского десантно-штурмового полка 76-й гвардейской десантно-штурмовой Черниговской Краснознаменной, ордена Суворова дивизии, – также служат основой для возникновения сакрально-значимых «мест памяти» (в терминологии П. Нора [Нора, 1999]); и в том числе они могут стать основанием для создания новых формальных и неформальных военно-событийных маркеров идентичности отдельных воинских подразделений, частей и соединений. Данные маркеры и в XXI веке не утратили своей актуальности. И в наши дни военнослужащим хочется принадлежать к славному полку с большой историей (подтверждаемой, помимо прочего, военно-событийными маркерами), а не к обезличенной войсковой части с шифром и без «лица необщего выраженья».

Память о предках и их свершениях значима для всего социума, но для военнослужащих важна в особенности. Военным в силу специфики их служения требуется особенная психоэмоциональная устойчивость, дополнительная мотивация. Для добросовестного выполнения профессионального долга и следования высоким этическим стандартам солдатам и офицерам необходимо осознание того, что они являются продолжателями многовековой и славной традиции. В этой связи представляется чрезвычайно важным проведение в Вооруженных силах РФ и правоохранительных органах взвешенной и научно-обоснованной политико-воспитательной работы с применением богатого арсенала коммеморативных практик.

Приведенные выше обстоятельства указывают на повышенную значимость научного осмысления различных аспектов военной культуры и военной истории, в том числе и в рамках культурологии, одним из свойств которой является высокая степень генерализации частно-дисциплинарного уровня изучения той или иной проблематики. Представляется, что научные исследования в данной сфере могут сыграть большую практическую роль и весьма важны для полноценной реализации государственной культурной политики РФ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Леонов И. В., Прокуденкова О. В., Кириллов И. В. Семантика военной коммуникации посредством боевой техники и поражающих элементов (сообщения между «своими»). Статья 1 // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2020. № 3 (44). С. 73–81.
2. Малыгина И. В. Этнокультурная идентичность: Онтология, морфология, динамика: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2005.
3. Орлов Ф. Ф. Павловские и екатерининские гренадерки и лейб-гвардии Павловский полк: историческая справка. Варшава: тип. Русского общества в Варшаве, 1914.

4. Об оставлении шапок Павловского гренадерского полка всегда в том виде, в каком они остались при оставлении места сражения // Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Том XXX. 1808–1809. СПб. : Типография II отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. С. 28–29.
5. О вычеканении в Павловском гренадерском полку на простреленных шапках имен тех нижних чинов, кои вынесли их с собой с поля сражения // Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. XXX. 1808–1809. СПб. : Типография II отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. С. 1267–1268.
6. Потоцкий А. В. Майский парад // Военная быль. 1967. № 84. С. 6–17.
7. Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю: в 2 т. Молотов : Молотов ГИЗ, Т. 1. 1951.
8. Дуров В. А. Русские военные награды эпохи Отечественной войны 1812 года // Герои 1812 года / под. ред. А. Афанасьева, В. Левченко. М. : Молодая гвардия, 1987. С. 557–607.
9. Богуславский Л. А. История Апшеронского полка: в 3 т. СПб., 1892. Т. 1.
10. Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны: в 2 т. М. : Воениздат, 1975. Т. 1.
11. Тереханова А. А. О коллективных наградах Российского военно-морского флота (XVIII–XX вв.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2004. Вып. 1–2. С. 19–25.
12. О пожаловании флотского экипажа 18-пушечному бригаду «Меркурию» за славные подвиги флага с Георгиевским знаменем // Полное собрание законов Российской империи: в 55 т. Т. IV. СПб. : II отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. С. 548–549.
13. Мюнклер Г. Осколки войны. Эволюция насилия в XX и XXI веках. М. : Кучково поле, 2018.
14. Ренан Э. Что такое нация // Собр. соч. : в 12 т. Т. 6. Киев : типография М. М. Фиха, 1902. С. 87–102.
15. Нора П. [и др.]. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок // Франция-память ; пер. с фр. Д. Хапаевой ; науч. конс. пер. Н. Копосов. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. С. 19–52.

REFERENCES

1. Leonov, I. V., Prokudenkova, O. V., Kirillov, I. V. (2020). Semantics of military communication through military equipment and striking elements (messages between «their own»). Article 1. Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury, 3(44), 73–81. (In Russ.)
2. Malygina, I. V. (2005). Etnokul'turnaya identichnost': Ontologiya, morfologiya, dinamika = Ethno-cultural identity: Ontology, morphology, dynamics: abstract of Senior Doctoral thesis in Philosophy. Moscow. (In Russ.)
3. Orlov, F. F. (1914). Pavlovskie i ekaterininskie grenaderki i lejbgvardii Pavlovskijpolk: istoricheskaya spravka = Pavlovsky and Catherine grenadier hats and Life Guards Pavlovsky Regiment: historical reference. Varshava: tip. Russkogo obshchestva v Varshave. (In Russ.)
4. Ob ostavlennii shapok Pavlovskogo grenaderskogo polka vsegda v tom vide, v kakom one ostalis' pri ostavlennii mesta srazheniya (1830) = About leaving the hats of the Pavlovsk Grenadier regiment always in the form in which they remained when leaving the place of battle. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii s 1649 goda (vol. XXX. 1808–1809, pp. 28–29). St. Petersburg: Tipografiya II otdeleniya sobstvennoj ego imperatorskogo velichestva kancelyarii. (In Russ.)
5. O vychekanenii v Pavlovskom grenaderskom polku na prostrelennyh shapkah imen teh nizhnih чинов, koji vynesli ih s soboj s polya srazheniya (1830) = About the stamping in the Pavlovsk Grenadier regiment on the shot-through caps of the names of those lower ranks who took them with them from the battlefield. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii s 1649 goda (vol. XXX. 1808–1809, pp. 1267–1268). St. Petersburg: Tipografiya II otdeleniya sobstvennoj ego imperatorskogo velichestva kancelyarii. (In Russ.)
6. Potockij, A. V (1967). Majsij parad = May Parade. Voennaya byl', 84, 6–17. (In Russ.)
7. Ignat'ev, A. A. (1951). Pyat'desyat let v stroju = Fifty years in the ranks (vol. 1): in 2 vols. Molotov: MolotovGIZ. (In Russ.)
8. Durov, V. A. (1987). Russkie voennye nagrady epohi Otechestvennoj vojny 1812 goda = Russian military awards of the Patriotic War of 1812. In A. Afanas'ev, V. Levchenko (eds.), Geroi 1812 goda (pp. 557–607). Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russ.)
9. Boguslavskij, L. A. (1892). Istoriya Apsheronского polka = History of the Absheron regiment (vol. 1): in 3 vols. St. Petersburg, b/i. (In Russ.)
10. Shtemenko, S. M. (1975). General'nyj shtab v gody vojny = The General Staff during the war (vol. 1): in 2 vols. Moscow: Voenizdat. (In Russ.)

11. Terekhanova, A. A. (2004). O kollektivnyh nagradah Rossijskogo voenno-morskogo flota (XVIII–XX vv.) = About collective awards of the Russian Navy (XVIII–XX centuries). Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorija, 1-2, 19–25. (In Russ.)
12. O pozhalovanii flotskogo ekipazha 18-pushechnomu brigu «Merkuriyu» za slavnye podvigi flaga s Georgievskim znamenem (1830) = About the award of the naval crew to the 18-gun brig «Mercury» for the glorious feats of the flag with the St. George banner. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (vol. IV, pp. 548–549): in 55 vols. SPb.: II otdelenie Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kancelarii. (In Russ.)
13. Myunkler, G. (2018). Oskolki vojny. Evolyuciya nasiliya v XX i XXI vekah = Fragments of the war. The evolution of violence in the XX and XXI centuries. Moscow: Kuchkovo pole. (In Russ.)
14. Renan, E. (1902). Chto takoe naciya = What is a nation. In Renan, E., Sobranie sochinenij (vol. 6, pp. 87–102): in 12 vols. Kiev: tipografiya M. M. Fiha. (In Russ.)
15. Nora, P. (1999). Mezhdru pamyat'yu i istoriej. Problematika mest pamyati = Between memory and history. Problems of memory locations. In P. Nora, M. Ozuf, Zh. de Pyuimezh, M. Vinok, Franciya-pamyat' (pp. 19–52), transl. from French by D. Napaeva, N. Kopusov. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Леонов Иван Владимирович

доцент, доктор культурологии, доцент кафедры теории и истории культуры
Санкт-Петербургского государственного института культуры

Кириллов Игорь Викторович

магистрант кафедры теории и истории культуры
Санкт-Петербургского государственного института культуры

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Leonov Ivan Vladimirovich

Doctor of Culturology, Associate Professor, Associate Professor at the Department
of Theory and History of Culture of St. Petersburg State Institute of Culture

Kirillov Igor Viktorovich

Master's student of the Department of Theory and History of Culture
of St. Petersburg State Institute of Culture

Статья поступила в редакцию 11.05.2022
одобрена после рецензирования 14.06.2022
принята к публикации 11.07.2022

The article was submitted 11.05.2022
approved after reviewing 14.06.2022
accepted for publication 11.07.2022

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Сетевое электронное научное издание

Network electronic scientific publication

**ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 8(863)**

**VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Humanities
Issue 8(863)**

Ответственные редакторы выпуска
кандидат филологических наук, доцент И. В. Барينو́ва,
кандидат филологических наук С. А. Андре́ева

Executive editors
I. V. Barinova, PhD (Philology), Associate Professor
S. A. Andreeva, PhD (Philology)

Редактор Н. Г. Павлова
Верстка: Г. П. Лопатина
Разработка макета: А. Алымов

Editor N. G. Pavlova
Layout: G. P. Lopatina
Layout design: A. Alymov

Подписано в печать 25.11.2022
Усл. печ. л. 20,0. Формат 60x90/8
Заказ № 81/22

Signed for print: 25.11.2022
Conventional printed sheets: 20,0. Layout format 60x90/8
Order 81/22

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
Электронная почта: ipk-mglu@rambler.ru

Address:
Ostozhenka St., 38, 1, Moscow, 119034
Tel.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2022

© FSBEI HE MSLU, 2022

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru
Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Website domain name: vestnik-mslu.ru
Founder: FSBEI HE MSLU

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66051
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

The edition is registered June, 10, 2016, Эл № ФС77-66051
The Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(ROSKOMNADZOR)

За аутентичность цитат отвечают авторы.
Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном
согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна.

The authors are responsible for the authenticity of citations.
Reprinting of materials is possible
with the editors' obligatory written consent.
Reference to the publication is obligatory when reprinting.

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям:

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (10.01.01)
- 5.9.2. Литературы народов мира (10.01.03)
- 5.9.3. Теория литературы (10.01.08)
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (10.02.01)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Германские языки) (10.02.04)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Романские языки) (10.02.05)
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (10.02.19, 10.02.20, 10.02.21)
- 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (24.00.01)

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».